

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

HW RRLP K

Изъ библиотеки

Я. I. Турлянда

P 254

ГД

Кер-№ 320

J. J. Givlignad

Jewish
Cultural Reconstruction

UAG

ВОСХОДЪ

Мартъ.—Книга третья.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. КОНЧИНА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.	
II. ТИПЫ И СИЛУЭТЫ. Воспоминанія школьника сороковыхъ годовъ. Л. О. Леванды.	1
III. АББА. Баллада. Л. А. Гордона.	24
IV. О ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭТИКИ. Ф. Гетца.	30
V. ОНА УМРЕТЬ ЕВРЕЙКОЙ. Разсказъ. С. Я.	49
VI. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Прошенія еврейскихъ колонистовъ и ихъ послѣдствія. Н.	87
VII. МЕНДЕЛЬ ЛЕВИНЪ. Биографическій очеркъ. С. М. Станиславскаго	116
VIII. ДРУЗЬЯМЪ. Стихотвореніе. А. Бебоза	127
IX. МОШКО ПАРМСКІЙ. Исторія еврейскаго солдата. Разсказъ К. Э. Францоа. Переводъ Петра Вейнберга	128
X. МЕССІЯ. Стихотвореніе Гр. Альтера.	154

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ. Отрывокъ изъ воспоминаній о Вѣнѣ. (Окончаніе). Н. Я. Левинсона	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖУРНАЛИСТИКИ. Изъ журнальной массы: «Габокеръ-оръ» 1881, Январь. «Когелеть», литературный сборникъ г. Цедербаума. Меваккера.	28

(На оборотѣ)

- XIII. ПИСЬМА ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Еврейская педагогика и религіозная философія. М. Кайзерлинга. 44
- XIV. ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА. Еще и еще антисемитическое движеніе въ Германіи.—Столѣтняя годовщина смерти Лессинга.—Демонстрація противъ евреевъ въ Гессенѣ.—Пожаръ Ней-Штетинской синагоги.—Еврейскій вопросъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ.—Бракосочетаніе принца Вильгельма и еврейскіе студенты Берлина.—Великій герцогъ Баденскій о еврейскомъ вопросѣ.—Карлъ Фохтъ о томъ же.—Рѣчь профессора Лазаруса.—Безобразія нештскихъ студентовъ.—Еврейскій вопросъ въ Сербіи.—Праздникъ въ пользу еврейскихъ школъ въ Константинополѣ и рѣчь французскаго посла Тиссо.—Неудавшійся проектъ основанія еврейскихъ колоній въ Палестинѣ.—Рѣчь пастора Вигера по поводу евреевъ и антисемитической агитаціи.—Протестъ бостонскаго митинга противъ антисемитическаго движенія. Э. К. Ватсона

52
66

- XV. ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Ад. Цед-ма.
- XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обязанности серьезнаго журналиста.—Обращенные къ евреямъ упреки «Голоса» а) въ уклоненіи отъ воинской повинности; б) въ участіи въ политической агитаціи.—Основательность послѣдняго обвиненія.—Выписка изъ Рилля.—Кто кого скорѣе вправѣ обвинять.—Группировка цифръ отчета о призывѣ 1880 г.—Фактическая сторона уклоненія евреевъ отъ воинской повинности.—Внутренніе мотивы и причины.—Добродушіе русской печати, политика чувства и требованіе евреевъ. А. Л.

78

- XVII. Объявленія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ «ВОСХОДА».

Контора редакціи имѣетъ честь напомнить лицамъ, подписавшимся съ разсрочкой, что второй взносъ долженъ былъ быть сдѣланъ къ 1-му марта. Лицамъ, неуплатившимъ втораго взноса, апрѣльская книга не будетъ доставлена до полученія отъ нихъ этого взноса.

Гг. авторамъ стихотвореній, начинающихся словами: «Когда могучія войска отечества мнѣ дорогаго»,—«Насталь лучезарный»,—«Зачѣмъ такъ спокоенъ ты, безбрежный океанъ?»—стихотворенія ваши напечатаны не будутъ.—Не можемъ воспользоваться также статьями: «Еврей изъ Трента» и «Письма изъ Малороссіи».

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

✓ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издваемый А. Е. Ландау

МАРТЪ.—КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Плонц. Больш. Театра, д. № 2—32.

1881.

Δ

KSF 458 ($\frac{1881}{3}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

kc + 2

1 МАРТА 1881 года

Петербургъ, Россія и вся Европа были потрясены страшною, неслыханною катастрофой. Одинъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ монарховъ, Царь-Освободитель Александръ II, былъ пораженъ рукою убійцъ.

Вотъ официальные сообщенія, появившіяся въ тотъ день объ этомъ роковомъ, повергшемъ всю Россію въ ужасъ событіи:

Сего 1-го марта, въ 1 $\frac{3}{4}$ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно.

Лейбъ-Медикъ Боткинъ.

Профессоръ Е. Богдановскій.

Почетный лейбъ-медикъ Головинъ.

Докторъ Круглевскій.

Сегодня, перваго марта, въ 1 часъ 45 минутъ по полудни, при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ. Первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества. Разрывъ втораго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился приобщиться Св. Тайнъ и затѣмъ въ Божѣ почилъ—въ 3 часа 35 минутъ по полудни. Одинъ злодѣй схваченъ.

Министръ Внутреннихъ дѣлъ,

Генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Затѣмъ обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

царь польскій, великій князь финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля, Государя Императора Александра II-го. Онъ палъ отъ руки убійць, неоднократно покушавшихся на Его драгоцѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Смираясь предъ таинственными вѣлѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престоль Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на Насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его Всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго Нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастья всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ.

Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить по завѣту На-

шихъ предковъ всю жизнь Нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ Нашихъ вѣрноподданныхъ соединить ихъ молитвы съ Нашими мольбами предъ алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 1-й день марта, въ глго отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“

Въ числѣ депутацій отъ различныхъ обществъ и учреждений, имѣвшихъ счастье повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества свои вѣрноподданныческія чувства, удостоились Высочайшаго приѣма и представители петербургской и московской еврейской общинъ, передавшихъ отъ имени этихъ общинъ адреса, проникнутые чувствомъ глубокой скорби и безпредѣльной благодарности въ памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Кромѣ того, члены здѣшней петербургской еврейской общины, въ качествѣ представителей отъ проживающихъ въ Петербургѣ евреевъ, 13-го сего марта поклонились тѣлу въ Бозѣ почившаго Царя и положили на гробъ Его серебряный лавровый, окруженный пальмовыми вѣтвями и розами, вѣнокъ. Вѣнокъ исполненъ въ мастерской Сазивова и на

немъ надпись: „Отъ петербургской еврейской общины—
1881 г.“. Къ вѣнцу прирѣвлены бѣлая и черная бар-
хатныя ленты, на которыхъ художникомъ Бахманомъ напи-
саны слѣдующіе стихи Св. Пис. на русскомъ и еврейскомъ
языкахъ: на черной лентѣ бѣлыми буквами: „Духъ жиз-
ни нашей — помазаніе Божіе — погибъ въ сѣтяхъ ихъ;
רוח אִשֵׁנוּ מִשָּׁח ה' נִלְכַּד בְּשֵׁתֵיהֶם (Плачь Іерем., гл. 4, 20);
а на бѣлой лентѣ черными буквами: „Да будетъ душа
Государя моего привязана узами жизни у Господа Бога;
וְהָיָה נַשְׁ אֲרֹנִי צְרוּרָה בְּצִוּוֹת הַחַיִּים אִם ר' אֱלֹהֵיךְ (Книга Царствъ,
1 кн. гл. 25, 29.)

ТИПЫ И СИЛУЭТЫ *

(Воспоминанія школьника конца сороковыхъ годовъ).

VII.

Наша открытость «храму наукъ». — Отношеніе нашихъ родителей къ этой открытости. — Открываемъ кампанію для завоеванія паспортовъ. — Нашъ врагъ Зимель. — Сборщикъ р. Михозль. — Неожиданная союзница. — Диверсія реб. Михозля и ея результатъ. — Рѣшаемся просить помощи у «великой державы». — Наша о томъ нота.

Замѣчательно, — какъ только мы экзамены съ плечъ свалили и въ рукахъ нашихъ очутились аттестаты, многіе изъ насъ, т. е. почти всѣ, за исключеніемъ моего alter ego и меня, совершенно охладѣли къ «храму наукъ» въ Вильнѣ, къ которому они прежде такъ пламенно стремились. Убоялись-ли наши товарищи слишкомъ большой премудрости, или они не возлагали на эту премудрость никакихъ особенныхъ надежъ, довольно того, что они на раввинское училище махнули рукой и принялись утилизировать приобрѣтенныя ими въ училищѣ познанія теперь же: моль, лучше синица въ рукѣ, нежели журавль на небѣ. Одни, у которыхъ былъ хорошій почеркъ, поступили на практику къ ябедникамъ — просьбописцамъ, дабы современемъ самимъ сдѣлаться законниками, ходатаями по дѣламъ; другіе стали давать по домамъ уроки за очень сходную цѣну; третьи-же, у которыхъ родители были позажиточнѣе, подумывали о вступленіи въ бракъ, какъ Богъ

* См. „Восходъ“, кн. II.
Восходъ, кн. III.

ведѣль, тѣмъ болѣе, что на недостатокъ въ партіяхъ нельзя было жаловаться.

Вѣрными храму наукъ остались только мой товарищъ и я. Томимые жаждою знанія, мы на трехклассномъ курсѣ не могли помириться и рѣшили «продолжать», въ чемъ дали себѣ другъ другу клятвенное обѣщаніе, нарушеніе котораго мы обозначили категорически: «подлой измѣной».

Но «продолжать»—это значило начать цѣлый рядъ домашнихъ дразгъ, ссоръ, мытарствъ и всяческихъ непріятностей. Дѣло въ томъ, что если мы не мирились съ трехкласснымъ курсомъ, то родители наши очень и очень съ нимъ мирились. Они находили, что мы уже достаточно учены, а потому отправляться, «за три-девять земель» за какимъ-то продолженіемъ курса намъ не зачѣмъ: это одно только распутство».

Отецъ-же моего товарища, какой-то своеобразный философъ и большой оригиналь, о которомъ никогда невозможно было знать, шутить-ли онъ или говорить серьезно, такъ однажды выразился о нашемъ намѣреніи ѣхать въ Вильну:

— И зачѣмъ вамъ въ Вильну? Развѣ не можете выкреститься здѣсь? Поповъ, церковей у насъ нѣтъ, что ли?

— Но, видите-ли, ребѣ Яковъ,—шутить я,—здѣсь не совсѣмъ ловко; здѣсь насъ всѣ знаютъ. Не хотимъ срамить васъ.

— Срамить? Я срама не боюсь. У нашего праотца Исаака былъ сынъ Яковъ и сынъ Исавъ. Яковъ былъ евреемъ, а Исавъ гоемъ. Развѣ кто нибудь срамилъ Исаака за Исава?

— Можетъ и срамили, какъ знать? Мы вѣдь съ вами тамъ не были. Но тутъ еще вотъ какого рода дѣло: будетъ рекрутскій наборъ, не сегодня-завтра вашъ сынъ и я очутимся можетъ быть, на очереди.

— Будете стоять на очереди, такъ пойдете въ солдаты, произнесъ философъ флегматически, захватывая понюшку табаку.

— И вамъ, ребѣ Яковъ, не будетъ жаль насъ?

— Отчего жаль? Развѣ солдаты не тѣже люди? Когда у насъ было свое царство, то каждый еврейскій юноша отъ

двадцати лѣтъ и болѣе обязанъ былъ служить въ войскѣ, кромѣ когеновъ (аронидовъ).

— Но вы вѣдь и вашъ сынъ — когены?

— Когены были освобождены отъ военной службы, потому что они были заняты службой въ храмѣ. Теперь, за грѣхи наши, храма нѣтъ, такъ и когены должны служить подъ ружьемъ. Законъ царя-обязателенъ.

Было ясно, что если этотъ философъ, по флегматичности своей, не будетъ энергически противодѣйствовать приведенію нашего намѣренія въ исполненіе, то ужь во всякомъ случаѣ пальца о палецъ не ударить, чтобы облегчить намъ наши сборы въ путь. Почти такого-же нейтралитета держались и мои родители: не поднимая особеннаго гвалта, они выслушивали меня краемъ уха и презрительно улыбались, какъ-бы говоря: пустое мелешь, изъ этого ничего не выйдетъ.

Такимъ образомъ мы предоставлены были самимъ себѣ и начали дѣйствовать на собственный рискъ и страхъ.

На первой очереди стояла забота о паспортахъ, т. е. возня съ «обществомъ» или, точнѣе, съ Зимелемъ, общественнымъ писаремъ, первостатейнымъ мерзавцемъ, взяточникомъ и кровопійцей, державшимъ всѣ общественныя дѣла въ своихъ косматыхъ лапахъ и котораго боялись пуще огня всѣ, не исключая самого сборщика и депутатовъ, которые, какъ безграмотные и не понимающіе дѣла, ступшевывались передъ своимъ подчиненнымъ, господствовавшимъ поэтому въ общественной избѣ самовластно, неограниченно. Многіе въ городѣ имѣли такое преувеличенное понятіе о всемогуществѣ его ябедническаго пера, что пренаивно вѣрили, что онъ можетъ напакоstitь кому угодно, даже... губернатору. Его авторитетъ возросъ въ особенности съ того времени, когда онъ, судившись три года за поджогъ своего застрахованнаго дома, былъ выпущенъ изъ тюрьмы только... съ сильнымъ подозрѣніемъ. Въ этомъ «только» почему-то видѣли торжество его юридической казуистики, хотя всѣмъ извѣстно было, что главную роль играла здѣсь неутомимая мазка колесъ правосудія, всегда до-

стигающая цѣли... Тѣмъ не менѣе однакоже всѣ лебезили предъ Зимелемъ, заискивали въ немъ и чувствовали себя спокойными только тогда, когда на его обросшемъ, до самыхъ глазъ, лицѣ, появлялось нѣчто въ родѣ медвѣжьей улыбки, означавшей, что онъ въ духѣ и не собирается кого нибудь съѣсть.

— Вы кто такіе? строго и внушительно окликнулъ онъ насъ съ высоты конторки, у которой сидѣлъ верхомъ съ чуть не полдюжиной очиненныхъ перьевъ, заложенныхъ за правое ухо, и съ однимъ перомъ въ рукѣ.

Мы сказали наши имена.

— Вамъ что нужно?

— Паспортовъ намъ нужно.

— На что такимъ мальчишкамъ паспорта?

— Намъ нужно ѣхать въ Вильну.

— Зачѣмъ?

— Для поступленія въ раввинское училище.

— Чтобы сдѣлаться еще большими гоимами?

— Ужь это наше дѣло.

— Ну, коли ваше, такъ держите его. Вы паспортовъ не получите.

— Почему?

— Потому, что не дамъ.

— Почему вы не дадите?

— Послушайте, школьники,—проговорилъ онъ, обмакивая перо въ чернильницу и собираясь писать, — вы будете задавать вопросы вашимъ отцамъ, когда будете сидѣть въ Пасху за *сейдеромъ* *; я вамъ не отецъ, а нынче не Пасха и мнѣ некогда съ вами разговаривать. Убирайтесь!

Мы убрались, озлобленные на кагальнаго воротилу, но не очень опечаленные, такъ-какъ заранѣе знали, что однимъ

* Въ первый вечеръ Пасхи евреи устраиваютъ сейдеръ—историческое воспоминаніе о выходѣ ихъ изъ Египта—при этомъ сынъ предлагаетъ отцу четыре установленныхъ вопроса, въ отвѣтахъ на которые изложена исторія египетской неволи и освобожденіе отъ нея.

приступомъ крѣпости не возьмемъ, что нужно время и терпѣніе. Времени у насъ оставалось не мало, цѣлыхъ два мѣсяца, а учиться терпѣнію намъ не зачѣмъ было: еврей начинаетъ проходить курсъ терпѣнія чуть не со дня своего рожденія.

Дня черезъ два, мы возобновили нашъ приступъ, но съ другой стороны, а именно со стороны сборщика. Это былъ старикъ добрый, честный, мягкій, но недалекій и безхарактерный, вѣчно боявшійся, чтобы не попасть подъ судъ по должности, а потому слушавшійся во всемъ законовѣда Зимеля, за спиною котораго онъ чувствовалъ себя, какъ за каменной стѣной.

Въ одно утро мы отправились къ нему на домъ и изложили ему нашу просьбу, сущность которой онъ, кажется, уразумѣлъ въ достаточной степени.

— Гм... паспортъ,—пробормоталъ онъ сквозь нависшіе сѣдые усы.—Чтожь, это, кажется, можно! Велю выдать. Приходите уже въ избу.

Мы обрадовались, думая, что дѣло уже въ шляпѣ.

— Ахъ, да!—припомнилъ онъ вдругъ, почесывая високъ.—Вы, тово... съ Зимелемъ уже повидались?

— Н-да,—отвѣтили мы нерѣшительно.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Сказалъ, что не дастъ.

— Значить, нельзя, закона нѣтъ, — пояснилъ намъ сборщикъ отказъ Зимеля, отчаянно махнувъ рукой.

Мы опустили глаза и чуть не прослезились въ предположеніи, что дѣло наше окончательно проиграно. Какъ вдругъ изъ смежной комнаты вылетѣла какая то бойкая и красивая дѣвушка, которая, подбѣжавъ къ сидѣвшему въ креслахъ сборщику, застрекотала звонко, энергично и краснѣя отъ негодованія.

— Нельзя? Отчего нельзя? Оттого, что мерзавцѣ Зимелю неугодно? О, папа, папа! Когда-же ты наконецъ поймешь, что сборщикомъ въ городѣ—ты, а не Зимель? Зимель—пи-

сарь, наемникъ, котораго ты можешь прогонять каждую минуту. Онъ долженъ слушаться тебя, а не ты его!... Чтобы этимъ мальчикамъ выданы были паспорта, слышишь, папаша? Не то—я покою тебѣ не дамъ, переверну весь домъ вверхъ ногами. Ты вѣдь меня знаешь!... Бѣдные мальчишки хотятъ ѣхать учиться, чтобы сдѣлаться образованными людьми, а ты имъ препятствуешь, паспортовъ не даешь!... Имъ, бѣдненькимъ, и безъ того будетъ не мало горя на чужбинѣ: они, можетъ быть, будутъ голодать, холодать, вдали отъ родителей и родныхъ, а ты ..

Она не могла продолжать. На глазахъ ея появились слезы и она поднесла платокъ къ своему раскраснѣвшемуся и взволнованному личику. Мы остолбенѣли отъ этой неожиданной сцены, на которую меньше всего рассчитывали и, если-бы не наша безнадежная застѣнчивость, то мы бросились-бы цѣловать ручки у этой доброй и чувствительной дѣвушки, которая такъ близко принимала къ сердцу наше дѣло

— Ну, сейчасъ и плакать,—проговорилъ старикъ, привлекая дѣвушку къ своей груди и любовно глядя ее по ея русой головкѣ.— Эхъ, ты ртуть! Эхъ, ты ртуть!.. Ну, не плачь же, доченька. Я имъ паспорта дамъ. Что мнѣ Зимель? Я и вниманія не обращаю на то, что онъ мнѣ скажетъ. Я на своемъ поставлю.

— Но я вѣдь тебя знаю,—сказала дѣвушка, вытирая свои слезы.—Зимель пугнетъ тебя своимъ сводомъ законовъ, такъ ты сробѣешь.

— О, я совсѣмъ не такой трусъ, какъ ты думаешь. Да я изъ законовъ уже кое что знаю. Слава Богу, не первое трехлѣтїе служу, уже напрактиковался.

— Смотри же ты у меня,—погрозила дѣвушка на отца пальчикомъ, лукаво ему улыбаясь.—А вы,—сказала она, обращаясь къ намъ,—не отпускайте его, идите вмѣстѣ съ нимъ въ «избу», не уходите пока не получите своихъ паспортовъ.

Мы молча и краснѣя поклонились ей въ знакъ нашей невыразимой благодарности за ея покровительство.

Мы вошли въ «избу» чуть не держась за полы сборщикова балахона. Сборщикъ, мигнувъ намъ, чтобы мы оставались въ первой комнатѣ, самъ прошелъ въ «кабинетъ» общественнаго писаря. Но такъ-какъ дверь была распахнута, то мы могли видѣть все, что происходитъ въ «кабинетѣ».

Сборщикъ, походивъ нѣкоторое время по комнатѣ взадъ и впередъ въ глубокой задумчивости, остановился предъ конторкой писаря и, крикнувъ нѣсколько разъ какъ-то неестественно, проговорилъ тихо и робко:

— Зимель...

— Что вамъ угодно? спросилъ писарь, не взглянувъ даже на сборщика и продолжая писать.

— Гм... То бишь... Нѣтъ ли у тебя понюшки табаку?

Зимель, не отрываясь отъ бумаги, придвинулъ къ сборщику свою серебряную съ эмалью табакерку. Сборщикъ медленно и разсѣянно открылъ ее, взялъ понюшку табаку и опять пошелъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять остановился предъ конторкой.

— Зимель...— началъ онъ, поглаживая бороду.

— Что? спросилъ писарь скорѣе машинально, нежели сознательно, чтобы выслушать, что ему скажетъ сборщикъ.

— Того. . Вѣдомости въ думу отосланы?

— Вы же сами видѣли, какъ я ихъ отсылалъ.

— Ахъ, да... Я совсѣмъ забылъ.

Онъ сѣлъ на стоявшій по близости табуретъ, скрестилъ на груди руки, три раза зѣвнулъ, вытеръ ладонями глаза и молчалъ нѣсколько минутъ. Потомъ онъ всталъ, опять подошелъ къ конторкѣ и, крикнувъ на этотъ разъ громко и рѣшительно, проговорилъ:

— Зимель!

— Что опять?

— Нельзя-ли дать вотъ этимъ мальчикамъ свидѣтельство на полученіе паспортовъ?

— Кому, —этимъ школьникамъ?— спросилъ Зимель, бросивъ

бѣглый взглядъ на сборщика и на насъ. — Я же имъ сказалъ, что не дамъ.

— Почему?

— Зачѣмъ эти вопросы? Если я сказалъ, что не дамъ, значить, нельзя.

— Такъ-таки нельзя?

— Нельзя. Впрочемъ, — прибавилъ писарь ехидно, — если вамъ угодно дать имъ паспорта, то можете, я вамъ не мѣшаю. Но только знайте, что вы сами и будете отвѣчать, коли что случится; понимаете?..

Сборщикъ сдѣлалъ кислую мину, опустилъ голову и вышелъ къ намъ.

— Чтожь мнѣ дѣлать, дѣтки? — сказалъ онъ, разводя руками. — Вы сами слышали: нельзя. Могу подъ судъ попасть. Боюсь закона пуще огня. Но я вамъ вотъ что скажу: поѣзжайте такъ, безъ паспортовъ. Кто у мальчиковъ станетъ спрашивать паспортовъ?

— Нѣтъ, ребъ Михоэль, — возразили мы, — мы безъ паспортовъ съ мѣста не тронемся. Да насъ въ училище безъ документовъ и не примутъ. Мы это знаемъ положительно.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать, дѣтки? — проговорилъ онъ, заломавъ руки. — Я, ей-Богу, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ, но... законъ. Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Впрочемъ, — прибавилъ онъ черезъ минуту, — вы надежды еще не теряйте. Я, можетъ быть, его уломаю, упрошу, такъ онъ отыщетъ законъ, что можно... Придите завтра или послѣ завтра. Я *долженъ* для васъ это сдѣлать ради моей доченьки. Она, вы слышали, покою мнѣ не даетъ. Вы только пока ничего не говорите ей объ этомъ. Ужъ мы какъ нибудь уладимъ дѣло, будьте спокойны. Придите завтра.

Мы пришли на завтра, — и тотъ-же результатъ: сборщикъ просить, умоляетъ, а Зимель не соглашается. Мы ходили недѣлю, двѣ недѣли и добились, наконецъ, только того, что намъ паспорта дадутъ, если мы внесемъ числящіеся на на-

шихъ семействахъ около полусотни рублей разныхъ недоимокъ, сборовъ, раскладокъ и пр.

Слѣдовательно, мы въ сущности ничего не добились, потому что изъ какихъ фондовъ мы внесемъ столько денегъ, а если не мы, то кто за насъ внесетъ? Родители и слышать объ этомъ не хотѣли, говоря, что отъ нихъ ничего не слѣдуетъ, а начеть сдѣланъ произвольно, на что кровопійца Зимель большой мастерь.

Что же намъ дѣлать?

— Не пойдти-ли намъ къ губернатору?— вдругъ блеснуло въ нашей головѣ. — Благо онъ насъ знаетъ, похвалилъ насъ, общалъ намъ свое покровительство. Такъ неужели онъ не дастъ намъ паспортовъ? Если «общество» можетъ выдавать паспорта, то губернаторъ тѣмъ паче.

Эта мысль намъ такъ понравилась и показалась намъ такою счастливою, что мы, не долго думая, тотчасъ бросились сочинять прошеніе или рѣчь, съ которою мы должны будемъ обратиться къ его превосходительству. И такъ какъ сочинять мы уже были мастера, то черезъ часъ рѣчь была готова и она вышла, по нашему мнѣнію, очень трогательною, очень убѣдительною и не безъ цитатъ изъ басенъ Крылова и Хемницера и оды «Богъ» Державина. Говорить просто казалось намъ не приличнымъ: мы, какъ «окончившіе», должны были говорить краснорѣчиво, съ соблюденіемъ правильности и закругленности періодовъ и предложеній и подкрѣпляя каждую мысль нашу соотвѣтственно книжною цитатою, дабы не быть голословными. Все это понималось само собою и относительно общей постройки рѣчи не могло быть ни малѣйшаго спора. Но мы расходились во мнѣніи относительно самого начала рѣчи, ея перваго предложенія. Мой товарищъ былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ начать: «Такъ-какъ мы окончили полный курсъ...», а мнѣ казалось, что лучше будетъ, если мы начнемъ: «Окончивъ полный курсъ...» И такъ какъ каждый изъ насъ упорно настаивалъ на своей редакціи и это упорство могло разъединить насъ, то, дабы не пострадало наше общее дѣло, мы оста-

новились на слѣдующемъ компромиссѣ: если по ходу аудіенціи губернаторъ очутится прежде около моего товарища, то рѣчь должна быть пущена въ ходъ съ началомъ его редакціи; если же губернаторъ очутится раньше около меня, то должна восторжествовать моя редакція.

Съ этимъ мы на слѣдующій день и отправились къ губернатору, предварительно выучивъ нашу рѣчь наизусть.

VIII.

Аудіенція у губернатора.—Чрезвычайное посольство.—Ультиматумъ полиціи мейстера.—Отвѣтъ Зимеля на этотъ ультиматумъ.—Собираюсь бомбардировать общественнаго писаря.—Зимель предъ лицомъ блюстителя порядка.—Зимель въ пльну.

Но, какъ это всегда бываетъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Губернаторъ, на аудіенціи какъ-то очутился передъ нами en face. Что тутъ дѣлать? Кто долженъ говорить, мой товарищъ или я?... И такъ-какъ этотъ случай не былъ предусмотрѣнъ нами, то мы, такъ сказать, инстинктивно заговорили оба вмѣстѣ.

— «Такъ-какъ мы окончили полный курсъ», — началъ мой товарищъ.

— «Окончивъ полный курсъ», — началъ вслѣдъ за нимъ я.

— Кажется ученики еврейскаго училища? прервалъ насъ губернаторъ на половинѣ предложенія, взглядываясь въ насъ пристально.

— Точно такъ, ваше превосходительство, — отвѣтили мы съ солдатской выправкой.

— Что вы мнѣ скажете, дѣтки?

Приготовленная нами краснорѣчивая рѣчь какимъ-то чудомъ испарилась изъ нашей памяти, оставивъ по себѣ какія-то жалкія крохи.

— Мы хотимъ ѣхать въ раввинское училище для продолженія курса, — отвѣтили мы просто, безъ всякихъ прикрасъ и цитатъ, припомнивъ только суть нашего дѣла.

— Это хорошо, это похвально, — сказалъ губернаторъ, положивъ одну руку на мое плечо, а другую — на плечо моего товарища.

— Но у насъ нѣтъ паспортовъ для свободнаго проѣзда въ Вильну, — гласилъ жалкій остовъ второй половины приготовленной нами рѣчи.

— А еврейское общество?

— Еврейское общество не дастъ намъ паспортовъ — звучала тема краснорѣчиваго финала нашей рѣчи.

— Почему?

— Не знаемъ, — проговорили мы экспромтомъ, такъ-какъ при сочиненіи нашей рѣчи не предвидѣли этого простого вопроса, а потому къ нему не приготовились.

— Иванъ Лаврентьевичъ, — обратился губернаторъ къ дежурному чиновнику, — поѣзжайте, пожалуйста, къ полиціймейстеру и скажите ему, чтобъ онъ немедленно написалъ, отъ моего имени, еврейскому обществу, чтобы оно снабдило этихъ мальчиковъ паспортами сегодня-же, безъ всякихъ околичностей и прижимокъ; понимаете?

Мы глубоко поклонились губернатору и со всѣхъ ногъ бросились за моментально исчезнувшимъ чиновникомъ, котораго мы едва догнали у полицейскаго подѣзда.

Сдавъ насъ съ рукъ на руки полиціймейстеру и объявивъ послѣднему волю губернатора, чиновникъ раскланялся и ушелъ.

Полиціймейстеръ тотчасъ распорядился. Вызвавъ къ себѣ въ кабинетъ писца и засадивъ его за столъ, онъ сталъ ему диктовать: «Губернѣи начальникъ приказать соизвоилъ...

— Вѣрно, каналья Зимель дѣлаетъ вамъ прижимки? спросилъ насъ полиціймейстеръ, диктуя на ходу строгую записку еврейскому обществу.

— Онъ, — отвѣтили мы.

— Ну, ничего; онъ вамъ теперь прижимокъ не будетъ дѣлать. А когда онъ станетъ влиять, то вы тотчасъ дайте мнѣ знать — и онъ сегодня будетъ ночевать у меня въ темной.

— А, такъ вы вотъ какія птички! — заревѣлъ Зимель, за-

скрежетавъ зубами и чуть не кидаясь на насъ съ кулаками, когда онъ прочелъ переданную нами ему полиціимейстерскую записку. — Вы жаловаться на меня пошли! Доносы дѣлать! Постойте-же, голубчики; ужъ вы у меня напляшетесь... А паспортовъ не видать вамъ, какъ своихъ ушей! Съ меня взятки гладки. Не на такого напали!

— Такъ и прикажете сказать полиціимейстеру?

— Не ваше дѣло! — крикнулъ онъ на насъ, топнувъ ногой. — Полиціимейстеру отвѣчу формальной бумагой. Я его не боюсь.

— И это ваше послѣднее слово?

— Нѣтъ, не послѣднее.

— Что вы еще имѣете сказать?

— А то скажу, что при первомъ рекрутскомъ наборѣ я васъ сдамъ въ солдаты, все равно, будете-ли стоять на очереди или нѣтъ... Сдамъ по общественному приговору, какъ... карманщиковъ.

Чаша терпѣнія переполнилась. Въ моемъ сердцѣ заклокоталъ долго сдержанный гнѣвъ и я, заскрежетавъ зубами, проговорилъ:

— Вы этимъ можете стращать подобныхъ вамъ темныхъ жидковъ, но не насъ, слышите? Мы не боимся ни васъ, ни вашихъ угрозъ, ни всего вашего дурацкаго общества!

— Что?! — воскликнулъ Зимель, вскочивъ со стула и сжавъ кулаки. — Ты еще смѣешь говорить мнѣ дерзости?

— Во первыхъ, — проговорилъ я, возвышая голосъ и подступая ближе, — прошу васъ меня не тыкать: я вамъ не ровня.

— Не ровня? — переспросилъ Зимель, сатанински улыбаясь. — Ты что за фанаберія такая?

— Такая фанаберія, которая сейчасъ-же можетъ съѣздить васъ по харѣ, если вы выведете меня изъ терпѣнія.

— Ге-валдъ! — воскликнулъ Зимель, хватаясь за голову и тербя на себѣ волосы. — Что я слышу! Ты... ты... смѣешь говорить мнѣ такія вещи? Да я тебя приблю!

— Вы видите эту игрушку? — сказалъ я, схвативъ съ углаго столика тяжелый мѣдный подсвѣчникъ. — Клянусь Богомъ

и жизнью моихъ родителей, что этотъ подсвѣчникъ тотчасъ полетитъ вамъ въ голову, если вы тронетесь съ мѣста.

Писарь поблѣднѣлъ, какъ полотно, и инстинктивно растопырилъ руки, какъ бы защищаясь отъ летящаго въ его голову подсвѣчника. Онъ такъ растерялся, онъ былъ такъ ошеломленъ, что лишился на минуту употребленія языка. Онъ машинально, безсознательно то садился, то вставалъ, кричалъ, пытался и не зналъ что дѣлать, тѣмъ болѣе, что я подсвѣчника не выпускалъ изъ руки и не перемѣнялъ своей угрожающей позы. Кровь все болѣе и болѣе прилиwała къ моей головѣ, въ вискахъ моихъ стучало, какъ отъ сильнаго угара, и я чувствовалъ, что еще одна минута, еще одно грубое слово изъ устъ ненавистнаго мнѣ кагальнаго кровопийцы, одинъ видъ котораго выводилъ меня изъ себя,—и я свою угрозу привелъ бы въ исполненіе, ни на что не глядя. Онъ нанесъ намъ слишкомъ тяжкую обиду, чтобы я могъ хладнокровно взвѣшивать послѣдствія моей вспышки. Еще одно обидное слово,—и кровь полилась-бы. Мало того: голова моя была такъ отуманена гнѣвомъ, я такъ жаждалъ крови этого мерзавца, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого слова, дабы дать полную волю кипѣвшей во мнѣ ярости, отъ которой я задыхался.

— Ребѣ Зимель, — возопилъ, чуть не со слезами на глазахъ, оторопѣвшій товарищъ мой, который, подобно отцу своему, былъ большой флегматикъ и ничѣмъ не возмущался.—Ради Бога и если жизнь дорога вамъ, то сидите смирно и не выводите его изъ терпѣнія, потому что когда онъ разгнѣвается, то становится бѣшеннымъ и съ нимъ шутить тогда опасно... Пойдемъ,—воскликнулъ онъ, схвативъ меня за руку и насильно потащивъ за собою,—намъ здѣсь дѣлать нечего. Полиціймейстеръ уже самъ распорядится.

Я бросилъ подсвѣчникъ на полъ и пошелъ за своимъ товарищемъ. Еще не приходившій въ себя писарь не трогался съ мѣста и не проронилъ ни одного слова.

Полиціймейстеръ посинѣлъ, когда узналъ о результатѣ своей записки.

— Да это чортъ знаетъ что такое!—воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по письменному столу. Онъ вскочилъ со стула, отперъ дверь своего кабинета и зарычалъ на всю канцелярію:

— Эй, кто тамъ? Квартальные! Десятскіе!

Въ одну минуту, квартальные и десятскіе точно изъ земли выросли.

— Сверчковъ!—обратился онъ къ одному изъ квартальныхъ, человѣку высокаго роста, атлетическаго тѣлосложенія, съ широкимъ, осповатымъ и вообще звѣроподобнымъ лицомъ,—возьми трехъ десятскихъ, ступай въ еврейское общественное правленіе и притащи сюда прохвоста Зимеля, живого или мертваго, сейчасъ, сію минуту, живо!

Менѣе чѣмъ въ десять минутъ, прохвостъ Зимель уже стоялъ предъ грозными очами взбѣшеннаго полиціймейстера, блѣдный, сторбленный, трясуційся, уничтоженный. Куда дѣвалась его прыть, его храбрость, которую онъ всегда выказывалъ у конторки въ кагалной избѣ! Онъ, кажется, сталъ ниже ростомъ и съузился въ плечахъ, словомъ, сократился въ длину и ширину.

— Не исполняешь приказанія начальника губерніи, каналья ты этакая!—накинулся на него полиціймейстеръ съ пѣною у рта и топча ногами.—Да знаешь ты, курицынъ сынъ. чѣмъ это пахнетъ для тебя, состоящаго въ сильномъ подозрѣніи?

— В... ваше высокородіе... залепеталъ было Зимель съ искаженнымъ отъ страха лицомъ.

— Молчать!—крикнулъ на него полиціймейстеръ, топнувъ ногой.—Ты отчего не выдаешь этимъ мальчикамъ требуемыхъ документовъ, а?

— Н... незаконно, ваше высокородіе.

— Что, незаконно? Ха, ха, ха! Зимель Шпрингъ печется о законѣ! Господа,—обратился полиціймейстеръ къ стоявшимъ тутъ канцелярскимъ чиновникамъ,—не угодно ли посмотрѣть

на нашего новаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго?... Незаконно! А поджигать законно? А подлоги дѣлать законно? Какой такой законъ запрещаетъ тебѣ выдавать этимъ мальчикамъ паспорта?

— Они... не наши, совсѣмъ не наши.

— То есть, какъ совсѣмъ не ваши?

— Не нашего общества, — солгалъ экспромптомъ Зимель, не краснѣя и не соображая, что мы вѣдь тутъ на лицо и можемъ доказать лживость его показанія.

— Врешь, каналья! Они дѣти здѣшнихъ обывателей, домохозяевъ. Развѣ я не знаю ихъ родителей?

— Они пропущены по ревизіи, — попробовалъ Зимель солгать на другой манеръ.

— И это онъ вретъ, — отозвался я, возмущенный наглостью общественнаго писаря. — Мы дѣйствительно новорожденные, родились послѣ народной переписи; но насъ потомъ внесли въ прибавочныя сказки. Вотъ наши аттестаты, семейные списки.

— А что, видишь, старый лгунъ? — сказалъ полиціѣмѣстеръ, бросивъ взглядъ на наши документы. — Хочешь меня морочить, но тебѣ не удастся. Да что мнѣ съ тобою толковать? Десятскіе, уведите его въ темную!

— Ваше высокородіе! — возопилъ Зимель, заломавъ руки и бросаясь на колѣни предъ полиціѣмѣстеромъ. — Будьте милосерды! Не срамите меня и дѣтей моихъ.

— Не срамить? — переспросилъ полиціѣмѣстеръ. — Развѣ темная для такой птицы, какъ ты, срамъ? Въ темной, небось, сидятъ у меня честные воры, но не мошенники, поджигатели, душегубы. Ты лучше скажи, чтобъ я не срамитъ ихъ, этихъ карманныхъ ворюшекъ. Уведите его! А ты, Сверчковъ, отправляйся опять въ общественное правленіе, къ сборщику, и не уходи, пока эти мальчики не получаютъ требуемыхъ ими документовъ. Понялъ?

— Понялъ, ваше высокородіе.

— Ну, налѣво кругомъ — маршъ!

IX.

Переполохъ въ казальной избѣ.—Отчаяніе ребѣ-Михозла.—Свирѣпая алокузія квартального.—Квартальный смягчается.—Мы получаемъ наши документы.—На долгу у ребѣ Михозла.

Когда мы теперь вошли въ «избу», то нашли ее наполненною депутатами, участковыми сборщиками, «хапунами», разсылными и прочими общественными пивками, сосущими еврейскую кровь подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Весь этотъ сбродъ кровопійць шумѣлъ, галдѣлъ и махалъ руками, описывая въ воздухѣ самыя причудливыя линіи и самыя невѣроятныя дуги. Говорили, разумѣется, о «происшествіи», которое въ устахъ каждаго рассказчика и непременно «очевидца» гласило иначе. Одинъ очевидецъ рассказывалъ, что за Зимелемъ прислана была цѣлая рота солдатъ при офицерѣ и барабанщикѣ; другой увѣрялъ, что солдатъ вовсе не было, а были конные жандармы; третій божился, что это были казаки или... пожарные и что на Зимеля предварительно надѣли колодки и наручники; онъ самъ слышалъ, какъ послѣдніе позвякивали. Словомъ, варьянтовъ было множество. Тѣмъ временемъ, подъ шумъ этого галдѣнія, помощники общественнаго писаря поспѣшно очищали полки, шкафы и этажерки отъ книгъ разной толщины и формата, куда-то унося ихъ, вѣроятно, въ ожиданіи ревизіи или обыска. Общественные кровопійцы, какъ видно, почему-то увѣрены были, что мы подали на нихъ страшный доносъ, и, чувствуя за собою страшныя грѣхи, они теперь торопились спрятать концы въ воду. Сборщикъ, на которомъ лица не видно было, сидѣлъ съ понурою головою въ амбразурѣ окна и ломалъ руки, охая и вздыхая. Онъ, повидимому, не сомнѣвался, что его уже отдали подъ судъ, а можетъ быть и приговоръ уже постановили.

— Господи! Господи!—восклицалъ онъ ежеминутно, отчаянно качая головою.—За что мнѣ наказаніе такое?... Я ему говорилъ... говорилъ... Дай имъ паспорта... Что за важность

ключокъ бумаги?... Ну вотъ... отправляйся на старости лѣтъ въ Сибирь...

Всѣ были такъ заняты или разсѣянны, что никто не замѣчалъ нашего присутствія, а мы стояли, молчали и наблюдали.

Вошелъ квартальный въ сопровожденіи двухъ десятскихъ— для пущей важности, для свиты, такъ-какъ въ присутствованіи десятскихъ не было никакой надобности.

Гадѣвшіе умолкли, сняли шапки, поплѣднѣли и разступились предъ властью, такъ что въ срединѣ комнаты образовалось свободное пространство, въ предѣлы котораго и вступила власть.

Не снимая треуголки и подбоченившись фертонъ, квартальный, окинувъ присутствующихъ, неизвѣстно почему, свирѣпымъ взглядомъ, зарычалъ:

— Гдѣ сборщикъ? Кто здѣсь у васъ сборщикомъ? Подайте его сюда!

Присутствующіе поддались немного назадъ, зашевелились, прижались другъ къ другу, вслѣдствіе чего они какъ будто выжали изъ себя ребъ Михоэла, который и выступилъ теперь на сцену, дрожа всѣмъ тѣломъ и блѣдный, какъ полотно.

— Ты сборщикъ? спросилъ квартальный, хлопнувъ своею правою пятерною по плечу старика такъ энергически, что тотъ затрясся и чуть не свалился съ ногъ.

— Я-я-я! произнесъ онъ, выбивая зубами очень правильную дробь.

— Не исполняешь приказанія начальника губерніи, а?— опять заревѣлъ квартальный, передразнивая слова, которыми полиціймейстеръ давеча обратился къ Зимелю.—Ты знаешь, чѣмъ это пахнетъ?

Ребъ Михоэль сталъ что-то бормотать.

— Молчать!— крикнулъ квартальный все въ подражаніе полиціймейстеру. — Слушай же, старикъ: начальникъ губерніи изволилъ приказать, чтобы вы сію минуту выдали этимъ молодцамъ (указывая на насъ) свидѣтельства, паспорта, документы и всякія тамъ штуки, слышите? Не то,—импровизиру-

валь онъ уже отъ себя лично, — васъ всѣхъ, сколько васъ здѣсь есть, посадятъ въ острогъ, а тебя, старика, какъ сборщика, отправятъ въ арестантскія роты, понимаешь? Арестантскія роты!

Ребъ Михоэль такъ хорошо понялъ, что повалился квартальному въ ноги, сталъ цѣловать его руки, плакать и молить о пощадѣ, ни малѣйше не сомнѣваясь, что все, что говорить этотъ мелкій полицейскій чиновникъ, — свято.

Намъ было гадко смотрѣть на эту пошлую траги-комедию, да и жаль было добраго старика, жаль, что онъ такъ глупъ, темень, трусливъ, что принимаетъ пьяный бредъ какого нибудь кварташки за нѣчто серьезное и приходитъ отъ этого въ отчаяніе. И мы мысленно рвали на себѣ волосы, что заварили всю эту кашу, отъ которой насъ тошнило; но уже ничего не могли подѣлать. Единственнымъ нашимъ утѣшеніемъ служило сознаніе, что мы во всемъ этомъ не виноваты, что виновать пройдоха Зимель, да отчасти и самъ сборщикъ, неумѣющій справиться съ самымъ ничтожнымъ дѣломъ — выдачею паспортовъ двумъ бѣднымъ мальчуганамъ, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія всей этой глупой кутерьмы, которая была столько-же возмутительна, сколько смѣшна и нелѣпа.

Квартальному, какъ видно, самому стало совѣстно произведеннаго имъ переполоха и произнесенной имъ пустой угрозы, а потому онъ нѣсколько смягчился и проговорилъ:

— Да ты, старикъ, чего такъ убиваешься? Тебя еще не ссылають, повременятъ. Начальство не безъ милости и я рапорта на тебя еще не подавалъ. Исполнишь приказаніе начальства во всей аккуратности, такъ и резолюція будетъ другая: самъ буду ходатайствовать.

Ребъ Михоэль ожилъ, успокоился и сталъ теперь цѣловать руки у квартальнаго уже изъ благодарности.

— Файве! Цемахъ! — кликнулъ онъ кагалныхъ разсыльных. — Сбѣгайте скорѣе внизъ, въ шинокъ и принесите водки, булокъ, рыбы и другихъ закусокъ.... Ваше благородіе — обратился онъ къ квартальному съ подобострастными поклонами

и ужимками, — неуютно-ли къ столу; вы себѣ отдохнете и перекусите чего нибудь. На дворѣ сегодня такъ жарко, что не дай Боже... Чистое кресло для пана совѣтника! крикнулъ онъ депутатамъ, метаясь по комнатахъ, какъ угорѣлый.

Депутаты бросились отыскивать чистое кресло и, нашедъ его, соединенными силами притащили къ столу. Каждый съ особенною радостью усердствовалъ предъ «начальствомъ». Одинъ стиралъ рукавомъ пыль со стола, другой опустилъ шторы, дабы солнце не докучало; третій открылъ форточки, дабы не было душно; четвертый ходилъ по комнатамъ, махалъ руками и кричалъ: ша! ша! дабы не шумѣли и т. д.

Квартальный шагнулъ къ столу, комфортабельно усѣлся, вытянулъ ноги во всю ихъ длину, снялъ съ себя треуголку и замшевыя перчатки, разстегнулъ мундиръ и кстати же освободилъ шею отъ форменнаго галстука, словомъ, расположился какъ у себя дома, въ ожиданіи закуски.

Послѣдняя наконецъ появилась.

Квартальный обѣими руками расправилъ свои длинные усы, громко крикнулъ, засучилъ рукава и, не ожидая приглашенія, накинулся на закуску, какъ голодный волкъ, предварительно опрокинувъ въ свою глотку большую рюмку водки.

— Твое здоровье, старикъ, — сказалъ онъ, быстро наливъ и поднося ко рту вторую рюмку, такъ какъ онъ, вѣроятно, припомнилъ, что первую рюмку осушилъ безъ этой обязательной вѣжливости.

— На здоровье, на здоровье, ваше благородіе, — отвѣтилъ Михозль, положивъ руку на грудь и униженно кланяясь. — Дай Богъ всѣмъ намъ жить и здравствовать. Жизнь и здоровье — дороже всего.

— Славная рыба, чортъ возьми!.. — проговорилъ квартальный, аппетитно смакуя каждый кусокъ, который онъ предварительно обмазывалъ со всѣхъ сторонъ горчицей. — Вѣрно, отъ Ципы?

— Отъ Ципы, ваше благородіе, — отвѣтили хоромъ депутаты, которые, стоя вдали полукружіемъ, смотрѣли молча и

во всё глаза на кормленіе «начальства», какъ на какое-то священнодѣйствіе, отъ котораго слѣдуетъ ожидать большихъ милостей свыше.

— А какая у нея наливка, — такъ это просто прелесть! тонко намекнуло «начальство», поцѣловавъ кончики пальцевъ твоей правой руки.

— Цемахъ! — кинулся сборщикъ къ стоявшему у дверей разсылному. — Наливки!

Разсылный поправилъ на себѣ шапку и со всёхъ ногъ бросился за наливкой, забывъ запереть за собою дверь.

— На прошлой недѣлѣ, — продолжало начальство, отправляя по прежнему пути третью рюмку, — на прошлой недѣлѣ шельма-Ципа угостила меня такими жирными сырниками, что ихъ вкусъ и теперь у меня во рту, честное слово.

— Файве! — кинулся сборщикъ ко второму разсылному. — Десятокъ сырниковъ, горячихъ, свѣжихъ, жирныхъ, слышишь? Скажи, что это для меня самого.

Разсылный, у котораго слюнки потекли отъ одного воспоминанія объ этомъ вкусномъ яствѣ, не разъ побывавшемъ и въ его рту, крикнулъ, облизнулся и полетѣлъ къ Ципѣ, шинокъ которой находился въ нижнемъ этажѣ того же самого дома, въ которомъ помѣщалась кагальная изба: одинъ дополнялъ другую; что трудно давалось въ «избѣ», то легко разрѣшалось въ шинкѣ, за разноцвѣтными напитками и разнообразными закусками. «Гандель» горемычной вдовы Ципы только и держался бенефиціями отъ кагальной избы; что выжималось въ послѣдней, то спускалось въ первомъ. Оттого въ городѣ и говорили, что этотъ гандель купается въ слезахъ и крови имѣющихъ дѣло съ «обществомъ».

— Ахъ, да, — вдругъ воскликнулъ квартальный, нечаянно бросивъ взглядъ на насъ, стоявшихъ поодаль, а потому забывъ о данномъ ему порученіи, о которомъ онъ было забылъ за угощеніемъ. — Что же документы?

— Эхъ, что тамъ, ваше благородіе! — проговорилъ ребъ Михаэль, махая руками. — Кушайте себѣ на здоровье. Не из-

вольте себя беспокоиться. Документы мы выправимъ въ три мига... Барухъ-Янкель!—обратился онъ къ помощнику общественаго писаря.—Напиши свидѣтельства. Вотъ тебѣ моя печать. Напишешь и приложишь.

Барухъ-Янкель подошелъ къ конторкѣ, взялъ бланки и сталъ писать для насъ свидѣтельства.

— А Зимель сидитъ у насъ въ темной, за крючкомъ, — продолжалъ квартальный повѣствовательно, запивъ рыбу двумя рюмками наливки и принимаясь за горячіе сырники. — Полиціймейстеръ уже давно имѣетъ на него зубокъ и когда нибудь онъ такъ его огрѣетъ, что тотъ своихъ не узнаетъ.

Рюмка наливки.

— Дерзокъ очень вашъ Зимель, — продолжалъ квартальный, со лба котораго потъ катился уже градомъ.—Съ начальствомъ нужно тонко, осторожно, потому начальство — все. Захочетъ,—помилуетъ, защититъ; не захочетъ,—въ три погибели согнетъ; все въ его волѣ. А потому съ начальствомъ нужно ладить. Когда начальство за тебя, то ты можешь себя спать спокойно и никого и ничего не бояться.

Всѣ присутствующіе кивнули головами и тихо вздохнули въ знакъ того, что сознаютъ глубокую истину этой сентенціи.

— Уфъ!—произнесъ квартальный, отодвинувъ подносъ съ опорожненными тарелками и откинувшись на спинку кресла.—Нажрался до отвалу, прости Господи.

Онъ три раза перекрестился и, вынувъ изъ своего бокового кармана перышко, сталъ ковырять имъ въ зубахъ, ежеминутно икая.

— Нѣтъ-ли сигарочки? спросилъ онъ, надѣвая галстукъ.

— Сейчасъ будетъ,—отвѣтилъ ребъ Михозль. — Цемахъ!.. Ваше благородіе какія сигары изволите курить?

— Ганемана № 1-ый.

— Цемахъ, пачку Ганемана первый сортъ! Живо!

— Ну, что документы? спросилъ квартальный, поднявшись съ кресла, застегивая мундиръ и допивая наливку.

— Готово! пискнулъ тоненькимъ голоскомъ тщедушный

помощникъ общественнаго писаря, поднося документы квартальному.

Послѣдній, бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, вручилъ намъ ихъ съ большимъ апломбомъ.

— Больше никакихъ претензій къ г-ну сборщику не имѣете? спросилъ онъ насъ.

— Никакихъ, — отвѣтили мы. — Только этихъ свидѣтельствъ намъ и нужно было.

— Ну, ладно, съ Богомъ, — проговорилъ онъ милостиво, махнувъ намъ обѣими руками.

Мы обернулись и хотѣли уйдти, но сборщикъ остановилъ насъ, шепнувъ намъ на ухо, что невѣжливо уходить раньше начальства. Мы поэтому остались.

«Начальство», закуривъ сигару и сдѣлавъ общій поклонъ, на который присутствующіе прокричали: «счастливо оставаться!», направилось къ дверямъ. Сборщикъ самъ отперъ дверь и, пропустивъ мимо себя «начальство», сунулъ ему въ руку, на порогѣ, трехрублевую бумажку, сопровождая это облобызаниемъ его рукава.

Мы отвернулись отъ этого гадкаго зрѣлища и плюнули.

— Теперь намъ идти можно? спросили мы у возвратившагося съ проводовъ «начальства» сборщика.

— Можете, можете, — отвѣтилъ ребъ Михозль, весело потирая руки отъ удовольствія, что все окончилось благополучно. — Только я хотѣлъ-бы васъ попросить, дѣтки, чтобы вы потрудились теперь ко мнѣ и показали свои свидѣтельства моей доченькѣ, а то она мнѣ не повѣритъ. Вы это для меня сдѣлаете?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Дочь ребъ Михозля захлопала въ ладоши и запрыгала отъ радости, когда мы показали ей наши свидѣтельства.

— Какъ я рада! какъ я рада! — восклицала она, прижимая свидѣтельства къ груди. — Вы, ей Богу, молодцы!... Вы были у губернатора... Засадилъ Зимеля въ темную... Я уже все знаю... Однимъ словомъ, молодцы!... Такъ и слѣ-

дуетъ... Вы не пропадете и на чужбинѣ... Службите постоять за себя... А кто изъ васъ чуть не поколотилъ Зимеля?

— Я,—отвѣтилъ я не безъ гордости.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялась дѣвушка, держась за бока.— Воображаю себѣ, какую рожу онъ скорчилъ при этомъ... Онъ струсиль, испугался?

— Даже очень,—отвѣтилъ мой товарищъ,—потому видѣлъ, что дѣло не на шутку. И если-бы я не вмѣшался, то было бы плохо: мой товарищъ уже не помнилъ себя отъ гнѣва.

— Вы такой драчунъ? спросила она меня, лукаво улыбаясь.

— Нѣтъ, не драчунъ, но очень вспыльчивый,—отвѣтилъ за меня мой товарищъ.—Малѣйшая обида выводитъ его изъ себя.

— Это хорошо,—сказала дѣвушка наставительно,—это въ моемъ вкусѣ; никогда не нужно давать себя въ обиду, въ особенности, такимъ мерзавцамъ, какъ Зимель.

— Онъ назвалъ насъ карманщиками,—проговорилъ я въ объясненіе моей вспышки, которой теперь стыдился.

— Такъ вы имѣли полное право побить ему морду,—порѣшила дѣвушка, сама вспыхнувъ отъ нанесенной намъ обиды.

Она не отпустила насъ, пока не угостила медомъ, конфитурами и разными вареньями.

Мы ушли, оба по уши влюбленные въ эту прелестную, веселую и умную дѣвушку.

Л. Леванда.

(Окончаніе будетъ).

А Б Б А.

(Баллада).

Посвящается памяти Ил. Гр. Оршанскаго.

Ночь. Глубокимъ все сковано сномъ, —
Улеглись треволенья души!..
Всюду тихо! Свистя лишь крыломъ,
Вьется воронъ въ полночной тиши:
Вотъ въ лачугѣ, гдѣ дни коротаеть
Бѣдный Абба, объятый тоской,
Огонекъ чуть замѣтно мелькаетъ,
Потухая какъ будто порой.

Вѣтеръ жалобно такъ завываетъ, —
Вотъ вдали чей-то слышится стонъ...
Дума мрачная Аббу терзаетъ,
Думой этой онъ весь поглощенъ.
Онъ и въ мудрыхъ страницахъ не можетъ
Грусть нѣмую свою схоронить...
Что-то сильно щемить его, гложеть:
Знать, тоску не легко заглушить!..

Свѣтъ унылый льетъ лампа. Забвенье
 Вѣтеръ шумный на Аббу навель.
 Ему мнится: онъ слышитъ движенье,—
 Слышитъ, кто-то въ лачугу вошелъ.
 Вотъ фигура вся въ бѣломъ предетала...
 Абба весь задрожалъ... «Что съ тобой?!
 «Помнишь, другъ, какъ тебя я ласкала
 «Въ дни унынія, въ часъ роковой?!»
 И съ улыбкою ясной, со взглядомъ
 Столь любовнымъ въ прелестныхъ очахъ,
 Помѣстилась тѣнь кроткая рядомъ
 Со страдальцемъ, — въ двухъ только шагахъ.
 Вотъ сильнѣе у старца забилось
 Сердце... Вдругъ навернулась слеза...
 Къ тѣни доброй лице наклонилось:
 «Какъ мнѣ звать—вдругъ онъ молвилъ—тебя?»

ТѢНЬ.

Называюсь я Правдою строгой—
 Чудной силой могу я жить
 Все людскою сраженное злобой!
 Угнетенныхъ люблю я бодрить!..
 Что-жъ волнуетъ тебя? Духъ усталый
 Что гнететъ столь жестокой тоской?!
 Взоръ погасъ!.. Почернѣлъ ты какъ талый
 Снѣгъ послѣдній весенней порой?..

АББА.

Что за чудные звуки! Волною
 Они страстной ласкаютъ мой слухъ!
 Да, родная, сраженъ я тоскою...
 Но помочь мнѣ не можешь, мой другъ!..

Тѣнь.

Грудь раскрой предо мною больную,—
 Обнажи свой сердечный недугъ!
 Въ душу силу волю я живую,—
 Грусть нѣмая пройдетъ твоя вдругъ!..

Абба.

Тебѣ жаль, что я мучусь душею,—
 Мнѣ *забвенья* сулишь ты бальзамъ?
 Ну, изволь! Распахну предъ тобою
 Всю я душу,—все, другъ, передамъ!
 Мое прошлое слишкомъ печально: —
 Роковыхъ въ немъ не мало страницъ!..
 Моей кровью играли нахально,—
 Я страданьямъ не видѣлъ границъ!..
 За что-жъ, спросишь, терпѣлъ я жестоко?
 За что сильно лилась моя кровь?
 О, за то, что я вѣрилъ глубоко
 Въ человѣчество, трудъ и любовь!
 Да, за то, что я цѣпко держался
 Всѣхъ традицій своихъ и законовъ...
 Что поворною лестью гнушался
 И своихъ презиралъ фараоновъ!..

Тѣнь.

Но *теперь*, другъ?!.. Ужель человѣка
 Въ тебѣ образъ святой такъ забыть?!
 Гдѣ-жъ гуманность послѣдняго вѣка?!
 Гдѣ-жъ прогрессъ, что *все* чудно житье?!..

Абба.

Да, родная!. Во всемъ лишь стѣсненье
 И *теперь-я* встрѣчаю одно...
 Тотъ-же скрежетъ зубовный, глумленье—
 Все, другъ, слышу теперь... и за что?!..
 Ахъ, за то, что я *мыслить* дерзаю,—
 Пелену съ глазъ, прозрѣвши, сорвалъ!
 И что взглядовъ своихъ не мѣняю
 На друзей и презрѣнный металл!..

Мнѣ повѣдай, родная, *спокойныхъ*
 Дней дождусь ли я иль никогда?!
 Но, напротивъ, рядъ дней *безпокойныхъ*
 Ждетъ меня и людская вражда!?.
 Дай мнѣ, другъ, разорвать хоть на время
 Нѣмой грусти оковы.. Стряхнуть
 Мнѣ позволъ на минутку то бремя,
 Что мѣшаетъ свободно вздохнуть!
 Мои силы вѣдь гибнуть безплодно,—
 Въ усыпленіи стынетъ мой умъ...
 Не могу я дышать здѣсь свободно,—
 Здѣсь я жалокъ и вѣчно утрюмъ!

Тѣнь.

О, теперь я всю скорбь понимаю,
 Что волнуетъ, мой другъ, твою кровь!
 Я же, Абба, тебя заклинаю:
 Вѣрь, какъ прежде, въ свободу, любовь!..
 Вѣрь что время *другое* настанетъ,—
 Грудь свободнѣй, и легче вздохнетъ!

Вѣрь, что правда людская воспрянетъ,—
Суевѣрья завѣсу сорветъ!..

Абба.

Но, другъ, *скоро*-ль то время настанетъ?!..
Вѣра въ сердцѣ тупѣетъ... Какой
Новой милостью вдругъ перестанетъ
Сокрушаться Израиль душой?!..
Какъ забыть, что я *созданъ*!.. Неволя
Мучить грудь мою,—все леденить!..
Стынетъ кровь!.. Лишь желѣзная воля,
Лишь она меня вѣчно крѣпитъ!

Тѣнь.

Рука времени лишь одолѣетъ
Все, что духъ твой тоскою гнететъ!
Свѣтъ *науки* сомнѣнья разсѣетъ,—
Силу новую въ душу вошьетъ!..
Другъ, не бойся клеветъ, поношеній,—
Лишь забыться душѣ не давай!
Нѣтъ, не бойся насмѣшекъ, глумленій,—
Но лишь *честно* свой путь пролагай!
И когда день желанный настанетъ,
Когда *свѣтъ* предъ тобою блеснетъ,—
Сокрушаться душа перестанетъ
И все скорбное мигомъ пройдетъ!..

Тѣнь исчезла внезапно. Глаза
Свои добрые старецъ открылъ...
Подъ вліяньемъ, зная, чуднаго сна
Такъ онъ началъ: «я горе забылъ!

- «Пусть угрозы мнѣ шлють и презрѣнье
 «Взамѣнь дружбы и братской любви...»
- «Пусть находятъ достойнымъ стѣсненья
 «Всѣ поступки, стремленья мои!»
- «Пусть все то, что въ *дружизъ* одобряють,
 «Во *мнѣ* страшно хулять... Пусть зовуть.
- «Меня люди врагомъ... Порицають
 «Пусть желанья мои и... клянуть!»
- «Все снесу я безъ злобы холодной:
 «Помирился съ своей я судьбой!..»
- «Другъ, ужъ нѣтъ моей грусти безплодной,
 «Что терзала такъ сильно порой!»
- «Лишь любовью силенъ я глубокой
 «Къ угнетеннымъ житейской враждой!»
- «Духъ воскресъ мой! Печали жестокой
 «Вотъ конецъ ужъ насталь. Предъ собой»
- «Снова вижу—о мигъ вожелѣнный!—
 «Жизни путь трудовой. Вѣрить вновь»
- «Такъ хочу я, лѣтами согбенный,
 «Въ человѣчность, свободу, любовь!»
- «Пусть черты всѣ лица измѣнили
 «Ужъ морщины, и вопли души .»
- «Возлѣ глазъ у меня наложили
 «Складки... Пусть прежнихъ силъ нѣтъ въ груди!..»
- «Вновь желанье во мнѣ пробудилось
 «Хлѣбъ насущный слезою кропить!»
- «Много горькаго пусть накопилось
 «Въ моей жизни—грусть злую душить»
- «Трудомъ честнымъ я буду. Любовью
 «Къ неподрашенной правдѣ кипить»

- «Снова сердце мое!.. Потомъ, кровью
«Хлѣбъ добуду: хлѣбъ *этотъ* крѣпить!
«Мнѣ не нужно продажныхъ объятій,—
«Не хочу я коварной любви!..
«Нѣтъ, Участья гдѣ ждешь—тамъ проклятій
«Цѣлый рой лишь встрѣчаешь и лжи!
«Нѣтъ! Среди озлобленья людскаго
«Я дорогой своею пойду!
«Поищу дѣлъ, достойныхъ *живаго*
«Человѣка: въ нихъ все я найду!

Л. Гордошъ.

О ХАРАКТЕРѢ И ЗНАЧЕНІИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭТИКИ.

Исслѣдованіе по еврейской этикѣ и обработка ея несомнѣнно составляютъ одну изъ самыхъ благодарныхъ задачъ для специалиста по еврейской наукѣ. Мы не говоримъ здѣсь о практическомъ значеніи, которое можетъ имѣть рѣшеніе такой задачи, такъ какъ оно скорѣе всего было бы въ состояніи разсѣять многія заблужденія, распространенныя относительно еврейскаго правоученія, заблужденія, столь часто уже служившія причиной весьма печальныхъ недоразумѣній. Мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду чисто *научное, теоретическое значеніе*. Этика—это душа іудаизма, это—*raison d'être* іудейства. Будучи естественнымъ продуктомъ его характера, полнымъ и настоящимъ отпечаткомъ его нравственной природы, она съумѣла проникнуть и объять всю его жизнь и дѣятельность, его мышленіе, чувствованіе и стремленія, такъ что іудейство своимъ бытіемъ олицетворяло свое правоученіе. Этому обстоятельству іудейство въ значительной степени обязано своимъ существованіемъ и своею живучестью, не смотря на тысячелѣтнія тяжкія невзгоды. Вѣдь нравственность въ сущности ничто иное, какъ необходимое условіе для существованія человѣческаго рода. Поэтому безъ знанія этики и знанія іудаизма невозможно, и существованіе іудейства становится вѣчной загадкой. Этика и составляетъ самый важный вкладъ, какой евреи внесли въ общечеловѣческую культуру: послѣдняя, со-

ставляя продуктъ іудаизма и эллинизма, сочетаніе греческой эстетики и еврейской этики, не можетъ быть вполнѣ намъ понятна и познана нами безъ основательнаго знанія ея элементовъ, и человѣчество, стремящееся уже тысячи лѣтъ къ гармоническому соединенію іудаизма и эллинизма, не достигнетъ этой цѣли безъ тщательнаго изслѣдованія того и другаго. Но между тѣмъ какъ ученый міръ удостоивалъ эллинизмъ такого вниманія и труда, онъ, благодаря своимъ, устарѣлымъ предразсудкамъ, до послѣдняго времени съ пренебреженіемъ относился къ іудаизму и чуть ли не игнорировалъ совершенно его вліяніе на общечеловѣческую культуру. Мы, поэтому, желали бы здѣсь выяснить хоть сколько нибудь характеръ еврейской этики и ея значеніе для общечеловѣческой культуры, и при этомъ случаѣ подвергнемъ тщательному разбору посвященную этому вопросу брошюру Л. Лацаруса: «Zur Charakteristik der talmudischen Ethik» и постараемся высказать нашъ собственный взглядъ какъ на характеръ и значеніе, такъ и на принципъ и источникъ еврейской этики.

«Все міросозерцаніе талмудическихъ мудрецовъ—читаемъ мы во вступленіи къ названному сочиненію—съ точки зрѣнія чисто этической, глубже, серьезнѣе и могущественнѣе, чѣмъ у грековъ. Для грековъ самые сильные мотивы—*эстетическіе*, для евреевъ же—*нравственно-религіозные*. Тамъ красота, симетрія и гармонія должны регулировать и украшать жизнь, здѣсь божественная истина, мѣрило закона и безусловная сила добра управляютъ жизнью и наполняютъ ее».

Хотя это сопоставленіе отнюдь не ново и встрѣчается въ различныхъ варіаціяхъ уже у Гейне *, тѣмъ не менѣе мы остановимся на немъ въ виду того, что оно можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на сказанное нами выше о значеніи и характерѣ еврейской этики. Мы полагаемъ, что здѣсь понятія «эстетическаго» нельзя брать слишкомъ широко; его необходимо сзуть и замѣнить понятіемъ «пластическаго», ибо эстетическое, внѣ пластики, культивировали всегда и евреи. Какъ

* Geständnisse L. XIV S. 293—300. Vermischte Schriften L. I S. 53.

музыка, такъ и лирическая и дидактическая поэзія всегда занимали почетное мѣсто въ культурѣ еврейскаго народа, только пластическое искусство не находило себѣ въ немъ ревнителя и почитателя, въ то время, какъ у грековъ оно стояло чуть ли не на первомъ планѣ. И это различіе никоимъ образомъ не случайное; оно имѣетъ глубокую причину въ различіи характеровъ этихъ двухъ культурныхъ народовъ. Грекъ по преимуществу сенсуалистъ: онъ страстно привязанъ къ матеріи; со всею горячностью своей души любить онъ міръ и чувственные наслажденія; его пылкая фантазія не могла ему нарисовать и представить ничего болѣе высокаго и восхитительнаго, чѣмъ прелести міра сего, и тѣнь этихъ прелестей вдохновенный грекъ ловилъ и увѣковѣчивалъ въ рамкахъ своихъ художественныхъ произведеній, въ храмахъ и статуяхъ, въ пластикѣ и въ своей эпической и драматической поэзіи. Еврей—спиритуалистъ. Правда, онъ никогда не пренебрегалъ и земными благами, они ему обѣщаны Богомъ въ награду за исполненіе заповѣдей, но этимъ земнымъ благамъ онъ не отводитъ перваго мѣста, онъ всегда готовъ пожертвовать ими высшимъ цѣлямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее. «Самуилъ сказалъ: кто постится называется грѣшникомъ». «Онъ раздѣляетъ мнѣніе того танаита,—замѣчаетъ талмудъ,—который говоритъ: въ Св. Писаніи (IV кн. М. 6. 11) сказано (относительно назира): «онъ долженъ искупить грѣхъ, учиненный противъ плоти». Спрашивается, противъ чьей плоти согрѣшилъ онъ (назиръ — воздержникъ)? «Онъ согрѣшилъ, отвѣчаетъ талмудъ, тѣмъ, что воздерживался отъ вина». Если грѣшникомъ можетъ считаться воздержавшійся отъ вина, тѣмъ паче такой, который воздерживается отъ всего (Таанитъ, 11. а). Решъ-Лакишъ (на основаніи стиха Притч. 11, 17) считаетъ даже благочестивымъ того, который печется о своемъ здоровьи и не портитъ его своимъ воздержаніемъ отъ наслажденій (Таанитъ 11 б, Тосфетъ). «Тотъ называется грѣшникомъ, кто обѣтомъ налагаетъ на себя мучительное лишеніе» (Недаримъ, 22 а). И евреи любили наслаждаться; аскетизмъ и стоицизмъ

были имъ чужды, но долголѣтіе для нихъ стояло выше наслажденій. Прежде всего нужно жить, а потомъ наслаждаться; нельзя наслаждаться въ ущербъ жизни. Міръ физическій въ отношеніи къ міру духовному является тѣмъ же, чѣмъ скорлупа для ядра: ядро нуждается въ скорлупѣ, но послѣдняя безъ перваго никуда не годится. Трезвый и проникательный умъ еврея не могъ не видѣть непостоянства и бренности всѣхъ земныхъ благъ, не могъ не замѣтить подъ блестящимъ покровомъ проявленій матеріи внутреннюю смерть и подъ яркимъ соблазнительнымъ румянцемъ смертельную блѣдность. Еврей любилъ жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ и вѣчность и не могъ себѣ представить ничего выше ея. שְׂמַחַת חַיִּים имя собственное Бога у евреевъ חַיִּים есть ничто иное, какъ понятіе о вѣчности: «Когда Моисей сказалъ Богу: «вотъ я приду къ сынамъ Израиля и скажу имъ: «Богъ отцоеъ посылаетъ меня къ вамъ, а они мнѣ скажутъ: «какъ имя Ему? что отвѣтить мнѣ имъ?» Богъ сказалъ Моисею: «Я есмь тотъ, который буду!» и сказалъ: «Такъ и скажи сынамъ Израиля: «Я Сущій, Вѣчно-Сущій, послалъ тебя къ вамъ» (II кн. М. 3. 15). Поэтому еврей и воспѣваетъ безсмертную идею и вѣчную мысль въ своихъ поэтическихъ гимнахъ; онъ далъ человечеству вѣчнаго Бога и вѣчную этику, которая не только учитъ, какъ человѣкъ долженъ жить, но является необходимымъ условіемъ для того, чтобы человѣкъ жилъ. Тора называется ученіемъ жизни חַיִּים חַיִּים. Изреченія въ родѣ: «дабы ты долго жилъ», часто повторяются въ Библии. Тора сама называется «жизнью и добромъ»: «Смотри, предлагаю тебѣ сегодня жизнь и добро и смерть и зло, избери же жизнь, дабы живъ былъ ты и потомство твое» (V кн. М. 30, 15, 19, 20). «Какъ рыбы погибаютъ, оставивъ свой элементъ—море, такъ точно и люди погибаютъ, если они удаляются отъ ученія и соблюденія заповѣдей Божьихъ» (Абода Зора, 3, в.). Этими словами, по нашему мнѣнію, опредѣляется значеніе слѣдующей аллегоріи. «Раби Иохананъ, отъ имени раби Элазара, сына раби Иоси Галилейскаго, сказалъ въ то время, какъ израильтяне стояли у

горы Синая и провозгласили: «Все, что говорилъ Превѣчный, мы исполнимъ» (2 кн. М. 19, 8), Богъ позвалъ ангела смерти и сказалъ ему: хотя Я сдѣлалъ тебя владыкою надъ всеми твореніями, но надъ этимъ народомъ ты безвластенъ; онъ сынъ Мой, какъ сказано: «Сыны вы у Превѣчнаго Бога вашего» (5, кн. М. 14, 1). (Ялгутъ, Шимони, Іешая 12).

И такъ сенсуалистъ-грекъ далъ человѣчеству искусство, пластику, изображающую идею матеріи и пространства; спиритуалистъ-еврей далъ ему Бога и этику, вытекающихъ изъ понятія духа и вѣчности. Грекъ идеализировалъ реальный міръ; еврей реализировалъ идею. Грекъ представилъ гармонію чувствъ въ «пространствѣ»; еврей представилъ гармонію мышленія, истину и добро во «времени». Грекъ, какъ сенсуалистъ и эстетикъ, непременно долженъ былъ быть аристократомъ: чтобы многимъ наслаждаться, нужно и много имѣть. Искусство, красота суть сами по себѣ нѣчто аристократическое: чтобы творить и наслаждаться творческимъ искусствомъ, человѣкъ долженъ быть особенно одаренъ и расположенъ, онъ долженъ быть прежде всего свободенъ отъ обыденныхъ матеріальныхъ заботъ и нуждъ. Греческое искусство безъ рабства не было бы возможно. Еврей-спиритуалистъ и этикъ былъ демократомъ: всякій человѣкъ во всякомъ положеніи можетъ быть нравственнымъ: «ибо заповѣдь сія... не недоступна для тебя и не далека она; не на небесахъ она, чтобы сказать; кто взощелъ бы для насъ на небо и взялъ бы ее для насъ и далъ бы намъ ее услышать, а мы ее исполнили бы; и не по ту сторону моря она, чтобы сказать....., но весьма близко къ тебѣ это слово: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ, чтобы исполнить его». (V кн. М. 30, 11 и 20).

Сенсуалисты греки, стоя ближе къ природѣ, живя болѣе въ мірѣ чувствъ, были преимущественно и интуитивны. Спиритуалисты-же евреи, не будучи столь чутки къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній, живя болѣе въ мірѣ отвлеченныхъ понятій, были преимущественно дискурзивны. Извѣстно, что дискурзивность есть источникъ понятій, а интуитивность источникъ идей, или другими

словами, идея есть продуктъ непосредственной дѣятельности прямого созерцанія, нагляднаго познанія нашего ума, одареннаго способностью познавать въ каждомъ отдѣльномъ индивидуальномъ явленіи то общее, то единство, или словомъ ту идею, которую оно представляетъ, изображаетъ въ не совершенномъ видѣ. Понятіе-же на оборотъ есть продуктъ отвлеченнаго мышленія, посредственнаго пониманія, рефлектирующей дѣятельности нашего разума, который въ состояніи, помощью абстракціи и рефлексіи, найти въ множествѣ разныхъ явленій то общее, то единство, которое соединяетъ ихъ въ одну группу, или понятіе, включающее въ себѣ характеризующіе ихъ признаки, и свойства. Шоппенгауэръ называетъ идею «общее наглядное» понятіе же—«общее не наглядное, мыслимое и опредѣляетъ понятіе какъ *unitas post rem*, идею какъ *unitas ante rem*» *. Идея есть полное и всестороннее отраженіе совершеннаго типа извѣстнаго вида или рода явленій; понятіе же есть, такъ сказать, экстрактъ или сумма качествъ, свойственныхъ цѣлой категоріи явленій; поэтому идея есть или видовая или родовая, универсальнымъ же можетъ быть только понятіе. Мы можемъ себѣ образовать понятіе о «животномъ», которое включаетъ въ себѣ всѣ характерные признаки, свойственные всѣмъ родамъ и видамъ всего царства животныхъ, но мы не можемъ себѣ представить идею, которая было-бы полнымъ всестороннимъ отраженіемъ совершеннаго типа орла и вмѣстѣ съ тѣмъ и льва и лошади и т. д. Поэтому только идея можетъ быть предметомъ пластики, но никакъ не понятіе. Пластика можетъ представить и воплощать собою только отраженіе, образъ или духовное содержаніе, насколько оно выступаетъ во внѣшнихъ формахъ; но она не въ силахъ изобразить экстрактъ или сумму качествъ. Вотъ почему пластическія искусства, какъ и пластическая поэзія, какъ эпосъ и частью драма, достигли такой высокой степени развитія у интуитивныхъ грековъ и такъ мало

* «Der Begriff ist ein *nicht anschauliches*, sondern nur ein *denkbares* Allgemeines; Die Idee hingegen ein *anschauliches*... «Der Begriff kann daher bezeichnet werden als *unitas post rem*, die Idee als *unitas ante rem*». (Die Welt als W. u. V. B. I S. 275).

или совѣтъ не развились у дискурсивныхъ евреевъ. Источникъ же этики, какъ мы увидимъ дальше, есть разумъ, дискурсивность, поэтому она несравненно болѣе выработалась у евреевъ чѣмъ у грековъ, и отсюда преимущественно дискурсивный характеръ еврейской этики (какъ это выяснится въ продолженіи настоящей статьи).

Далѣе идея, какъ «общепредшествующее» отдѣльнымъ явленіямъ, есть уже что то готовое, законченное и въ своемъ родѣ абсолютное; поэтому она расти, раздвинуть свои предѣлы не можетъ, словомъ она неспособна къ развитію; понятіе, же, какъ общее, послѣдующее за отдѣльными явленіями, можетъ настолько расширить свои границы, увеличить свой объемъ, насколько оно суживаетъ * содержаніе, ограничиваетъ количество характерныхъ признаковъ, составляющихъ общее или единство извѣстныхъ веществъ; слѣдовательно понятіе способно къ развитію. Напримѣръ, познанная и въ предметѣ искусства воплощенная идея разъ на всегда окончена. Въ Мадонѣ Рафаэля или Зевсѣ Фидія далѣе расширить данную идею невозможно, между тѣмъ какъ законъ, что три угла треугольника равняются двумъ прямымъ, можетъ экстензивно все болѣе и болѣе развиваться, изъ него можно извлекать много другихъ законовъ, на немъ зиждущихся. Идеи, какъ законченныя и родовыя, нельзя слить въ одно, никакимъ образомъ невозможно подвести разные идеи подъ одну будто бы исходную идею, множество идей вѣчно и останется множествомъ; разные же понятія путемъ абстракціи можно свести къ одному общему, универсальному. Поэтому только одно абстрактное мышленіе, одна дискурсивность могла дойти до единства начала всѣхъ началъ, до единства Бога. Интуитивность не въ силахъ соединить множество началъ, которыя она соверщаетъ, она должна оставаться при политеизмѣ. Отсюда понятно, почему евреи являются носителями

* «Inhalt u. Umfang der Begriffe stehen im entgegengesetzten Verhältnisse, d. h. je mehr unter einem Begriffe gedacht wird, desto weniger wird in ihm gedacht. Daher bilden die Begriffe eine Stufenfolge; eine Hierarchie vom Specialsten bis zum Allgemeinen... (Schoppenhauer, u die Welt als W. u: Y. B. II, S. 68, 3 Aufl.).

монотеизма, греки же—политеизма. Боги грековъ были наглядныя идеи, которыя могли сдѣлаться предметомъ пластики: Богъ же евреевъ есть отвлеченное понятіе, пластическому искусству не доступное. Идеи греческихъ Боговъ, какъ идеи, не были способны къ развитію; понятіе же о Богѣ еврейскомъ все болѣе и болѣе выяснялось и развивалось съ постепеннымъ развитіемъ человѣческаго разума. Боги грековъ, какъ идеи, суть продуктъ человѣческихъ чувствъ, но чувства страстны и не безпорочны, и греческіе Боги являются предъ нами со всѣми человѣческими страстями и недостатками. Самому Зевсу приписываются самыя безнравственные проступки. Понятіе о «святости» у грековъ родиться не могло. Богъ же евреевъ всеущее, всеобъемлющее, отвлеченное, мы не созерцаемъ его умомъ, а познаемъ его разумомъ: разумъ же свободенъ отъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ и страстей, поэтому Богъ еврейскій безпорочный, «Святой». Какъ изъ характера народа вытекаетъ его космогонія, точно такъ же характеръ послѣдней отражается на его этикѣ. Изъ «святости» Бога вытекаетъ требованіе этики: «святы будьте, ибо святъ Я, Превѣчный, Богъ Вашъ» (3. кн. М. 12 2). Изъ единства Бога слѣдуетъ и единство человѣчества, слѣдовательно равенство и братство; наоборотъ, изъ политеизма прямо вытекаютъ касты или аристократія и рабство. Боги разные—и люди разные. Платонъ и Аристотель санкціонировали рабство и признавали касты; Моисей превозглашалъ свободу и равенство. Аристократія нуждается въ войнѣ, ибо рабство безъ завоеванія невозможно, напротивъ того, демократія нуждается только въ мирѣ. Отсюда и наступательныя войны у грековъ, и только оборонительныя у евреевъ. Наконецъ, религія грековъ неспособна была къ развитію, и ихъ этика должно была подвергаться точно такой же судьбѣ. Какъ мы до сихъ поръ ни восторгались философскою этикою грековъ, но удовольствоваться ею, или далѣе ее развивать, мы никакъ не можемъ. Мы должны прибѣгнуть къ библейской этикѣ, которая до сихъ поръ, какъ сама религія евреевъ, продолжаетъ развиваться въ талмудическо-раввинской,

или, какъ утверждаютъ христіане, въ христіанской литературѣ, о чемъ мы ниже будемъ говорить болѣе подробно.

Сообразно съ природнымъ характеромъ и культурнымъ стремленіемъ сложилась и судьба обоихъ этихъ народовъ. Сенсуалисты-греки видѣли свою силу въ политическомъ могуществѣ, но какъ все земное не вѣчно и не прочно, то, съ сокрушеніемъ этого политическаго могущества, погибли и греки. Силой и могуществомъ евреевъ постоянно былъ и оставался духовный міръ, и поэтому, не смотря на то, что храмъ былъ разрушенъ, Палестина завоевана, а евреи изгнаны и разбѣяны во всѣ уголки земного шара, еврейство не погибло и не потеряло своего значенія: его царство духовное далеко не разрушено. Напрасно многіе могущественные народы пытались въ теченіи четырехъ тысячъ лѣтъ покончить съ еврействомъ; напрасно иноземныя культуры пытались то огнемъ и мечемъ, то соблазнительными предложеніями благъ земныхъ проникнуть въ Израиля и грозили ему уничтоженіемъ. Геній еврейскаго народа всегда устранялъ отъ него всякую опасность, грозившую ему гибелью, и далъ ему возможность выполнить свою естественную задачу—жить, и словомъ и дѣломъ проповѣдывать народамъ ученіе жизни. *.

Другое различіе между греческой и талмудической этикой, на которое Л. Лацарусъ обращаетъ вниманіе, это то, что послѣдніе талмудисты не были такъ систематичны, какъ греки. Это вполнѣ справедливо; противъ систематичности грѣшили всѣ безъ исключенія кодификаторы еврейской этики. Но интересно было бы знать, кто въ этомъ виноватъ? Еврейскіе ли этики, или сама еврейская этика тѣмъ, что она по сущности своей, можетъ быть, не допускаетъ строгой систематичности. Лацарусъ не коснулся этого вопроса. Обыкновенно объясняютъ это отсутствіе систематичности въ кодификаціи еврейской этики недостаткомъ будто бы въ эстетическихъ даровані-

* Эта различительная черта между эллинизмомъ и иудаизмомъ живо и рельефно намѣчена С. Д. Луцатто въ его прекрасномъ стихотвореніи „Аттицизмъ“, помещенномъ въ журналѣ „Сіонъ“, издававшемся покойнымъ Юстомъ въ 1840 году.

яхъ и способностяхъ у евреевъ, такъ какъ сущность систематичности принадлежитъ къ отрасли искусства. Но это объясненіе не выдерживаетъ критики. Какъ мы видѣли выше, и евреи не были лишены эстетическихъ способностей и стремленій, что доказываютъ ихъ значеніе и успѣхи на поприщѣ музыки и поэзіи; безъ вниманія оставлена ими только пластическая отрасль искусства, и то врядъ ли по недостатку способностей. По нашему мнѣнію, причину недостатка въ систематичности въ кодификаціи еврейской этики слѣдуетъ искать въ самомъ ея характерѣ. Еврейская этика, какъ руководительница жизни, должна и сама съ своей стороны руководствоваться жизнью, поэтому развитіе этики должно идти рука объ руку съ развитіемъ самой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, еврейская этика не представляетъ собою нѣчто полное, законченное, а находится въ вѣчномъ процессѣ развитія. Этотъ процессъ сдѣлалъ необходимымъ устный методъ преподаванія и изученія. И такъ, характеръ развитія, какъ и устный методъ обработки еврейской этики, не допускали строгой кодификаціи и выработанной системы. Въ исторіи развитія іудаизма мы замѣчаемъ вѣчную борьбу противъ систематической кодификаціи. Библия — это первый опытъ кодификаціи устныхъ традицій и ученія, который дошелъ до насъ; но эта кодификація оказалась вскорѣ недостаточной, и устныя преданія продолжали развивать ее разными толкованіями библейскихъ ученій. Явились новые опыты кодификаціи, какъ Мехильте, Сифра и Сифри, кодификаціи въ формѣ коментаріевъ къ Св. писанію, составленныя разными редакторами въ II ст. и рядомъ съ ними явились болѣе систематическія кодификаціи: Мишна, Борайта и Тосефте, систематическія изложенія законопостановленій въ формѣ кодекса, составленныя, во II и въ началѣ III ст. и служившія дополненіемъ другъ другу. Но, не смотря на это, устное развитіе все продолжалось и продолжалось, пока Равъ Аше началъ составленіе и редакцію Талмуда въ V ст. Съ теченіемъ времени и обширныя рамки талмудовъ, Вавилонскаго и Иерусалимскаго, оказались узкими, и явились опять новые

опыты, какъ: Шейлотъ рабби Ахаи-гаона въ VIII в., Ядь-Гахазака Маймонида въ XII в., Туримъ р. Якова бенъ Ашера въ началѣ XIV в. и другіе кодексы. Но всё они не удовлетворяютъ потребности къ развитію еврейской этики, которая продолжаетъ развиваться въ разныхъ комментаріяхъ къ этимъ комментаріямъ, какъ и въ многочисленныхъ «Шалотъ у Тшувотъ» (*responsa prudentium*.)

Особенно важно то различіе между еврейской и греческой этикой,—сильно занимающее Лапаруса и состоящее въ томъ, что греки стремятся найти общій принцивъ этики, который служилъ бы источникомъ всѣхъ этическихъ нормъ, о чемъ талмудисты, какъ видно, мало заботились. Это различіе названный авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: различныя стремленія общей культуры содѣйствовали развитію разныхъ міросозерцаній и подвергли сомнѣнію существованіе нравственности, и поэтому необходимо было найти общій принципъ, какъ прочную основу нравственности. Между тѣмъ для талмудистовъ нравственность не подлежала никакому сомнѣнію: принципъ ея давно уже былъ найденъ; онъ былъ ясно выраженъ въ св. писаніи. На Бога смотрѣли какъ на реальное основаніе всѣхъ существъ и какъ на идеальное начало всей нравственности, которую Онъ вложилъ въ душу человѣка, возвѣстивъ о ней и сдѣлавъ ее, т. е. нравственность, извѣстной чрезъ свое откровеніе и пророковъ своихъ. «Святые будьте, ибо святъ Я, Превѣчный Богъ вашъ» (III кн. М. 19, 2). Изъ всего этого ясно видно, что Лапарусъ считаетъ *принципомъ* еврейской этики—*Бога*, а *источникомъ* ея — *откровеніе*. Онъ впадаетъ такимъ образомъ въ ту самую ошибку, которую обыкновенно дѣлали до сихъ поръ, считая еврейскую этику частью еврейскаго богословія и отнимая, слѣдовательно, у первой всякую самостоятельность. Но съ этимъ согласиться рѣшительно невозможно. Стоить только нѣсколько ближе познакомиться съ содержаніемъ и характеромъ еврейской этики, чтобы убѣдиться въ томъ, что она, какъ относительно принципа, такъ и относительно источника своего, вполне самостоятельна и нисколько не нуждается ни въ ка-

кихъ вѣрованіяхъ, либо догматахъ или откровеніяхъ. Правда, между этикой и богословіемъ евреевъ существуетъ нѣкоторая внутренняя связь, ибо какъ первая, такъ и послѣдняя исходятъ изъ единства творческаго начала, изъ единства Бога. Но изъ этого все же еще нельзя заключить, что еврейская этика, какъ самостоятельное ученіе, не существуетъ, что она безъ еврейской религіи не состоятельна. Правда, что еврейское богословіе беретъ еврейскую этику подъ свою опеку, что оно на всякое нарушеніе нравственности смотритъ какъ на дѣйствіе противное волѣ Божіей, какъ на грѣхъ; во многихъ заповѣдяхъ мы находимъ выраженія чисто религіознаго характера, какъ на примѣръ: «Я Превѣчный Богъ твой» и—«бойся Бога своего». (Ш. кн. М. 19). Право должно твориться во имя Бога; судья отвѣтственъ своею жизнью предъ Богомъ за каждое несправедливое рѣшеніе (Сангедринъ 7, а). «Не учиняйте несправедливости на судѣ» (Ш кн. М. 19, 15). Нарушеніе права судьи въ судѣ влечетъ за собою оскверненіе земли, оскорбленіе имени Божьяго, удаленіе Божьяго духа. (Сифри, Кедушинъ, 124). Правда, почти всѣ еврейскіе этики, будучи сами богословами, если не по ремеслу, то по крайней мѣрѣ по своему направленію и убѣжденіямъ—тоже считали еврейскую этику частью богословія. Но дѣло не въ томъ, какъ богословіе и богословы смотрятъ на еврейскую этику, а какова она сама по себѣ въ дѣйствительности. Для насъ важно только узнать, можно ли подвести отдѣльныя предписанія еврейской этики подъ общій принципъ, конечно, кромѣ того принципа, который выражается въ волѣ Божьей, — и если да, то, спрашивается, можно ли заключить изъ характера этого принципа и исходящихъ изъ него предписаній о существованіи источника еврейской этики, кромѣ откровенія, источника, который имѣлъ-бы чисто-научное значеніе. Если еврейская этика имѣетъ свой самостоятельный принципъ и самостоятельный источникъ, то намъ никакого дѣла нѣтъ до отношенія къ ней богословія. Одно раздѣленіе на религіозныя и нравственныя преступленія, какъ это высказывается въ Іомъ (VIII, 9), гдѣ мы читаемъ:

«проступки человѣка противъ Бога искупаются въ день отпущенія грѣховъ, но проступки человѣка противъ ближняго не искупаются и въ день отпущенія, пока онъ не представитъ полнаго удовлетворенія обиженному», раздѣленіе, которое осталось въ кодификаціи Маймонида и у всѣхъ средневѣковыхъ кодификаторовъ еврейскаго ученія и которое признаетъ самъ Лацарусъ (с. с. 4)—одно это раздѣленіе, говоримъ мы, если оно еще ничего не доказываетъ, то по крайней мѣрѣ уже ясно указываетъ на то, что и талмудисты не отождествляли этику и богословіе и если согласиться съ тѣмъ, что слова «дерехъ-ерець» обозначаетъ: этику, а «Тора»—богословіе, то строгое отдѣленіе этики отъ богословія ясно высказано и въ Талмудѣ. «Этика предшествовала богословію на 26 поколѣній раньше» (Мидрашъ-Рабба, 3 кн. М. гл. 9). «Раби Элазаръ сынъ Азарія говорилъ: безъ богословія нѣтъ этики и безъ этики нѣтъ богословія; безъ мудрости нѣтъ богобоязненности, безъ богобоязненности нѣтъ мудрости....» (Аботъ г. 3). Въ самомъ дѣлѣ, еврейская этика вовсе не такъ беспомощна: она имѣетъ свою собственную фізіономію и находитъ достаточно твердую опору въ самой себѣ, не нуждаясь ни въ какихъ подпоркахъ богословія, а поэтому и не теряетъ своего значенія и обаянія и въ глазахъ тѣхъ, которые къ еврейской религіи относятся съ пассивнымъ равнодушіемъ. Принципомъ еврейской этики можно справедливо считать неоспоримый фактъ, выражающійся въ равенствѣ всѣхъ людей, какъ таковыхъ, какъ созданий одного и того же творческаго начала—Бога, и потомковъ одного родоначальника Адама. Вотъ что мы читаемъ въ Сиффри (Кедушинъ 4): «И люби ближняго какъ самаго себя» (III кн. М. 19, 18). Раби Акиба говоритъ: это важный принципъ въ ученіи. Бенъ Азай говоритъ: вотъ родословная книга Адама (I кн. М. 5, 1)—принципъ еще важнѣе,» ибо изъ него слѣдуетъ, что люди, будучи одного происхожденія, должны быть равны между собою, какъ сказано: «Не одинъ-ли у всѣхъ насъ отецъ? не одинъ-ли Богъ сотворилъ насъ всѣхъ? зачѣмъ же мы невѣрны другъ другу?» (Мал. 2, 10). «Человѣкъ потому соз-

данъ одинъ, чтобы никто не могъ сказать другому: мой отецъ былъ выше твоего отца» (Сангедринъ 37, а). Какъ ни простъ и естествененъ этотъ принципъ, онъ не могъ придти въ голову народамъ аристократическимъ съ сенсуалистическими страстями, которые привыкли смолоду считать своихъ меньшихъ братьевъ своими рабами и смотрѣть на чужеземцевъ, какъ на безправныя существа. Народъ же еврейскій, который самъ томился около четырехъ вѣковъ подъ гнетомъ рабства, который на самомъ себѣ испытывалъ всѣ невзгоды и униженія невольника, который при всемъ томъ, благодаря своей высшей нравственной природѣ, не потерялъ своего человѣческаго достоинства и уваженія къ самому себѣ, этотъ еврейскій народъ долженъ былъ убѣдиться какъ нельзя лучше въ *великомъ значеніи* равенства и равноправности всѣхъ людей. Вотъ онъ и является глашатаемъ и носителемъ идеи равенства, братства и свободы. Природа и историческая его судьба сдѣлали его учителемъ нравственности человѣчества и вѣчнымъ борцомъ за ея великія идеи. «Всесвятой разсѣялъ израильтянъ между народами, чтобы умножить прозелитовъ» (Песахимъ 87в). «Заповѣди только для того даны были израильтянамъ, чтобы облагородивать человѣчество» (Мидрашъ-Саму гл. IV, начало).

Изъ равенства всѣхъ слѣдуютъ братство и равноправность, любовь къ ближнему и свобода. И вотъ этотъ же народъ и провозглашалъ: «Какъ туземецъ между вами да будетъ для васъ пришелецъ, проживающій у васъ, и любите его какъ самаго себя, ибо пришельцами вы сами были въ землѣ Египетской» (III кн. М. 19, 34). «И пришельца не притѣсняй; вы знаете душу пришельца. ибо пришельцами были вы...» (II кн. М. 23, 9). «Законъ одинъ да будетъ для васъ, какъ для пришельца, такъ и для туземца» (III кн. М. 24, 22), «и возлюби ближняго какъ самаго себя» (III кн. М. 19, 18). Или какъ выразился Гилель: «Что тебѣ неприятно, того не дѣлай ближнему» — въ чемъ, по его мнѣнію, состоитъ все еврейское ученіе (Шаб. 31, а). Этимъ признаніемъ со стороны еврейскаго народа всемогущаго принципа равенства объясняется стремленіе Моисея къ уничтоженію раб-

ства и къ справедливой организаціи собственности и труда, на чемъ мы здѣсь останавливаться не можемъ*.

Однакоже, какъ ни былъ близокъ и родствененъ принципъ равенства уму и сердцу евреевъ, все таки сразу онъ не могъ вполне выясниться и быть принятымъ ими безусловно въ полномъ его объемѣ. Моисей еще не успѣлъ совсѣмъ уничтожить рабство. Кастовый духъ египтянъ, разумѣется, не могъ остаться безъ всякаго вліянія и на евреевъ. Относительно рабства самъ Моисей еще дѣлаетъ различіе между евреями и неевреями (III кн. М. 25, 44—46), но и это различіе съ теченіемъ времени мало по малу исчезаетъ, и признаніе полного равенства всѣхъ людей во всѣхъ отношеніяхъ одерживаетъ верхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ безчисленное множество установленій, предписаній и изрѣченій учителей и мыслителей еврейства всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. На нѣкоторыя изъ нихъ мы можемъ тутъ-же обратить вниманіе. «Должно содержать бѣдныхъ иновѣрцевъ, навѣщать ихъ больныхъ, хоронить ихъ мертвыхъ, наравнѣ съ израильтянами» (Гиттинъ 61а). ** «Въ городѣ со смѣшаннымъ населеніемъ изъ израильтянъ и иновѣрцевъ сборъ денегъ на общественную благотворительность производится безъ различія, какъ между евреями такъ и между иновѣрцами, точно также и раздача производится безъ различія вѣроисповѣданія». (Тосефта Гиттинъ. 3. 18). «Самуилъ сказалъ: запрещается обманывать людей даже язычниковъ (Хулинъ, 94а). Разъ ко мнѣ пришелъ одинъ челоуѣкъ и сказалъ: Раби, со мной былъ такой случай: я продавалъ однажды иновѣрцу

* См. Kübel: „Die sociale, volkwirthschaftliche Gesetzgebung des alten Testaments“. Н. Kontzen: Geschichte der socialen Frage „Judea“. Н. Heine, Geständnisse, Bnd. XIV (S. 293—300)

** Цитируемое мѣсто едва ли можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнію автора объ универсальности евр. этики. Обобщеніе раввинами гуманистическихъ предписаній Моисеевыхъ прямо мотивируется политической цѣлью: מַפְנֵי דְרַבִּי שְׁלֹמֹה т. е. въ интересахъ добраго согласія. Авторъ хотя и опустилъ это характерное заключеніе, но оно имѣется вездѣ не только въ тамудѣ (Гиттинъ 61а; Мишна Шевітъ гл. V § 9 и др.) но и во всѣхъ позднѣйшихъ кодексахъ. См. Маймонда (Тр. Мелахимъ гл. X § 12; Авелотъ гл. XIV § 12; Матнотъ-аниамъ гл. VII § 6) и Горе-деа §§ 151, 251 и 335. Ped.

четыре «кора» финиковъ, и такъ какъ послѣдніе находились въ полутемномъ амбарѣ, то я обмѣрилъ его на три «сао». При отмѣриваніи онъ мнѣ сказалъ: «надъ нами Богъ, и ты долженъ знать, какую мѣру ты мнѣ даешь». На вырученныя деньги я купилъ бочку деревяннаго масла, которую помѣстилъ въ томъ-же амбарѣ; но бочка лопнула, и масло вытекло. «Сынъ мой», отвѣтилъ я ему, «сказано въ св. писаніи: (III кн. М. 19, 13) «Не обижай ближняго и не похищай» и (тамъ-же 17) «Не будь врагомъ брату твоему въ сердцѣ твоёмъ, предостерегай ближняго твоего и не понесешь за него грѣха»; тѣмъ что въ одномъ и томъ-же мѣстѣ Св. писаніе употребляетъ выраженія «братъ» и «ближній», оно даетъ понять, что передъ закономъ ближній все равно что братъ, а братъ все равно что ближній» (Тане д'ебе Еліягу 30. 2). Этотъ принципъ равенства имѣлъ несомнѣнно свое вліяніе и на отношеніе человѣка къ животнымъ и ко всѣмъ существамъ. Разъ признается *одно* творческое начало, *одинъ* источникъ для всѣхъ существъ — одинъ Богъ, то всѣ Его творенія имѣютъ одинаковое право на существованіе, всѣ въ извѣстной степени равны. Вполнѣ, поэтому, согласны съ еврейской этикой изрѣченія, касающіяся отношенія человѣка къ животнымъ и ко всѣмъ твореніямъ міра сего, въ родѣ слѣдующихъ: «Въ седьмой день отдыхай, дабы отдохнулъ *волъ твой и оселъ твой*» (2 кн. М. 23, 112) «Не дѣлай въ этотъ день никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни раба твоя, ни скотъ твой» (IV зап. 2 кн. М. 24) «Не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ» (5 кн. М. 25, 4). «Благочестивый печется о жизни скота своего» (Пр. 12, 10). «Запрещено человѣку ѣсть прежде, чѣмъ онъ дастъ корму своему скоту». (Берах. 40) и много другихъ такихъ предписаній. (См. Сифри гл. Эйкевъ; Абода-Зора гл. 7, 18; Ялкутъ Ремезъ 763, Рабба 28, Баба-Меція 35 а). Что касается отношенія человѣка къ неоживленнымъ существамъ, то существуетъ цѣлый рядъ предписаній подъ общимъ названіемъ «не порти». «Когда ты будешь осаждать городъ, воюя съ нимъ, то не порти его дерева, поднимая на него же-

лѣзо». (V кн. М. 20, 19). «Раби Ханина говоритъ: Шикхатъ сынъ мой умеръ только по той винѣ, что онъ срубилъ смокву преждевременно» (Баба-батра 106 а). «И дѣлай брусъя для скиніи изъ дерева акаціи» (II кн. М. 26, 16). Отчего именно изъ дерева акаціи? Господь Богъ хотѣлъ показать примѣръ людямъ. Если человѣку вздумалось построить себѣ домъ изъ деревѣвъ плодоносныхъ, ему скажутъ: если Господь Богъ, которому все принадлежитъ, желая имѣть скинію, приказалъ построить ее изъ дерева не плодоноснаго, то люди тѣмъ паче» (Шемоть-раба 2. 35).

При всемъ томъ еврейская этика далека отъ всякой расплывчатой сентиментальности и туманной чувствительности; она руководствуется строгими вѣчными законами человѣческаго разума. Предписаніе: «И неимущему не поблажай въ тяжбѣ его» (2 кн. М. 23, 3) или: «Не лицепрїятствуй бѣдному» — стоять въ одномъ ряду съ предписаніемъ. «И не дѣлай уваженія лицу знатнаго» ибо сказано: «Не творите неправду на судѣ», и «По правдѣ суди ближняго твоего» (3 кн. М. 19. 15). Чувство, правда, можетъ служить стимуломъ, побудителемъ, но никакъ не мѣриломъ и руководителемъ нравственнаго дѣйствія. Чувство — это творческая сила нравственности, но эта сила слѣпая и нуждается въ свѣтѣ разума, чтобы дѣйствовать нравственно. Нравственность, какъ порядокъ человѣческаго общегитія, должна зиждиться на твердой, непоколебимой, вѣчной основѣ, а мїръ чувствъ измѣнчивъ и шатокъ. «Р. Симеонъ, сынъ Іохаи, сказалъ: любовь разстраиваетъ порядокъ и ненависть разстраиваетъ порядокъ....» (Берешить-раба 55). Чувства человѣка слишкомъ индивидуальны, субъективны и временны, чтобы могли служить источникомъ вѣчной общечеловѣческой нравственности. Кромѣ того, мїръ чувствъ, будь это любовь или состраданіе, симпатія или эгоизмъ, или вообще неопредѣленное чувство, нельзя считать источникомъ нравственности потому, что онъ не является отличительной чертою человѣчества, его характеристикой, а источникъ нравственности непремѣнно долженъ быть нѣчто характеризующее и отличающее челове-

скій родъ. Ибо нравственность есть общечеловѣческое достояніе. Пусть иныя животныя имѣютъ извѣстныя привычки или наклонности, соотвѣтствующія инымъ нравственнымъ предписаніямъ, но такъ какъ эти привычки и наклонности бессознательны, инстинктивны, то онѣ не могутъ быть результатомъ нравственности. Съ другой стороны, какъ ни различны понятія о нравственности и этическія отношенія у разныхъ народовъ и временъ, все же по крайней мѣрѣ видно извѣстное стремленіе къ нравственности и извѣстное, хотя смутное, понятіе о ней. У нихъ у всѣхъ, даже въ первобытномъ состояніи, мы видимъ несомнѣнно зародышъ нравственности, и чѣмъ болѣе народы развиваются, тѣмъ болѣе ихъ нравственныя нормы принимаютъ общечеловѣческій характеръ. Человѣкъ, и только онъ, можетъ быть нравственнымъ, потому и источникъ нравственности долженъ быть общечеловѣческое свойство, свойство, которое представляетъ специфическую черту человѣчества. Только разумъ человѣка своимъ универсальнымъ и вѣчнымъ характеромъ можетъ быть источникомъ нравственности.

Таковъ и *источникъ* еврейской этики, и въ этомъ ея сила.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ф. Гетцъ.

ОНА УМРЕТЬ ЕВРЕЙКОЙ*.

(Окончаніе).

VI.

Едва только староста ушелъ, какъ Хацкель выбѣжалъ изъ комнаты. Заглянувъ за перегородку и не найдя того, что искалъ, онъ, оглядываясь, выбѣжалъ въ кухню, оттуда на дворъ, подбѣжалъ къ хлѣву, гдѣ, упершись рогами, стояли двѣ козы, а верхомъ на третьей сидѣлъ баловень Йосель. Въ другое время за такую продѣлку Хацкель отодралъ бы его за уши и прочелъ бы ему длинную нотацию о состраданіи къ животнымъ, но теперь онъ только разсѣянно посмотрѣлъ на него и какъ бы мимоходомъ спросилъ: гдѣ сестра? Но, не получивъ отвѣта отъ упрямаго Йоселе, онъ снова побѣжалъ въ кухню.

Рухель въ это время была занята важнымъ дѣломъ. Она солила мясо и вовсе не обратила вниманія на своего мужа и на вопросъ его: гдѣ Хая? разразилась цѣлымъ потокомъ словъ, обвиняя всѣхъ и вся въ отсутствіи жалости къ ней и т. п.

Хацкель заткнулъ уши и выбѣжалъ изъ кухни.

Но черезъ минуту онъ снова очутился въ ней.

— Мнѣ нужно знать, гдѣ Хая! спросилъ онъ такимъ тономъ, что Рухель бросила свою работу и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мужа.

— Что случилось? спросила она, измѣнившись въ лицѣ.

Хацкель замялся; ему не хотѣлось рассказать женѣ все

* См. „Восходъ“, кн. II.
Восходъ, кн. III.

то, что происходило между нимъ и старостой, но чѣмъ болѣе онъ путалъ, тѣмъ болѣе выдавалъ себя. Наконецъ онъ принужденъ былъ рассказать все.

Рухель страшно поблѣднѣла. Въ порывѣ отчаянія она схватилась руками за голову и стала рвать на себѣ волосы. Она недоумѣвала, за что Богъ посылаетъ имъ такое страшное испытаніе? Не благочестіемъ ли своимъ и добродѣтельной жизнью она заслужила такую кару Всевышняго! И ея предки, эти благочестивѣйшіе израильтяне, могутъ молчать при такомъ несчастіи, постигшемъ ея семейство! Горючія слезы заглушили ея громкія причитанія; но она не унималась и сквозь истерическія рыданія не переставала призывать на помощь своихъ давно усопшихъ предковъ, прося у нихъ заступничества предъ грознымъ Судьею.

Хацкель стоялъ какъ истуканъ и внималъ причитаніямъ своей жены, но когда она поднялась, чтобы бѣжать по деревнѣ и призывать на помощь единовѣрцевъ, онъ силою остановилъ ее.

По его мнѣнію это былъ фальшивый шагъ.

Не такъ нужно дѣйствовать; не нужно разглашать; напротивъ, никто не долженъ знать объ этомъ; можетъ быть, Хаа еще сама вернется, вѣдь не первый разъ она уходитъ изъ дому. Онъ самъ пойдетъ на деревню и мимоходомъ все узнаетъ.

Но если, не дай Богъ, что нибудь случилось, что тогда... И Хацкель ниже нахлобучилъ на голову свою ермолку, выбѣжалъ на улицу, благоговѣнно нашептывая: на все воля Божія! на все воля Божія!

Лишь только Хацкель скрылся за дверью, какъ Рухель бросилась за перегородку и стала рыться въ кованномъ желѣзномъ сундукѣ, въ которомъ было припрятано все богатство семейства Хацкеля, въ томъ числѣ и приданое для Хаа, надъ собираніемъ котораго оба супруга трудились весь свой вѣкъ. Перерывъ и найдя все въ порядкѣ, она на мгновеніе успокоилась. Но черезъ минуту прежнее безпокойство охватило

ее еще съ большою силою. Надъ ея семействомъ разразилось такое несчастье, а она смотреть на это хладнокровно, сидитъ и дожидается, пока другіе придутъ и скажутъ ей, что ея дочь убѣжала съ гоємъ... Неужели она перенесетъ этотъ стыдъ!—И въ какомъ то бѣшенномъ изступленіи она стала ломать руки и рвать на себѣ волосы. Но вдругъ ей пришла мысль что, можетъ быть, все это не такъ, что Хая, можетъ быть, такъ себѣ куда-то ушла и сама вернется,—и она вновь успокоилась. Она заперла наружную дверь и пошла на кухню, гдѣ принялась за недооконченную работу. Она предварительно вымыла руки, потомъ вынула изъ горшка нѣсколько кусковъ свѣжаго мяса, облила ихъ нѣсколько разъ чистой водою и разложивъ куски по порядку, такъ чтобы вода могла свободно стекать, стала обсыпать мясо обильными пригоршнями мелко истолченной соли. Все это она сдѣлала не слѣша, сосредоточенно; казалось она вся ушла въ свое дѣло и ни о чемъ больше не думала въ эту минуту. Но вдругъ она бросила работу и, какъ ужаленная, кинулась изъ кухни. Она выбѣжала на улицу и стала звать назадъ Хацкеля, но онъ уже былъ далеко и скоро его совсѣмъ уже не было видно. Отчаяніе опять охватило ее. И какъ это она позволила ему пойдти разыскивать Хаю. Это развѣ дѣло мужчины? Не ея ли это прямая обязанность? Притомъ никто не догадается въ чемъ дѣло, если она пойдетъ къ знакомымъ розыскивать Хаю: она зоветъ ее домой, чтобы та помогла ей въ работѣ. Что-же тутъ страннаго... Схвативъ платокъ на голову и приказавъ Йоселе смотрѣть за Шлемкой, она выбѣжала черезъ дворъ и повернула въ одинъ изъ закоулковъ, имѣя въ виду этимъ путемъ скорѣе добраться до рѣзника и предупредить такимъ образомъ своего мужа.

Но она пришла слишкомъ поздно. Хацкель только что ушелъ къ ребѣ Шулему, тоже шинкарю; Хая вѣроятно тамъ и занимается вышиваньемъ вмѣстѣ съ его дочерью. Все это отрапортовала жена рѣзника, Гелла, худая и болѣзненная, съ

птичьимъ лицомъ, но женщина добродѣтельная и ни чуть не уступавшая въ благочестіи своему супругу.

Рухель, скрѣпя сердце, выслушала благочестивую Геллу и сдѣлала тоже видъ, что не замѣчаетъ иронической улыбки, скользнувшей, какъ ей показалось, по птичьему лицу сосѣдки; напротивъ, она старалась ее даже увѣрить, что ничуть не беспокоится, и вовсе не затѣмъ пришла къ ней, что глупый Хацкель отъ нечего дѣлать бѣгаетъ по сосѣдямъ... Подумаешь въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ что... Вѣдь Хая не ребенокъ уже, слава Богу, не пропадетъ..

Но когда Гелла, все улыбаясь, замѣтила, между прочимъ, что Хая вѣрнѣе всего у Маруси, дочки старосты, съ которой она въ большой дружбѣ, Рухель потеряла всякое самообладаніе и, блѣдная какъ полотно, дрожа всѣмъ тѣломъ, накинута на бѣдную женщину. «Не думаешь ли ты въ самомъ дѣлѣ, что я такая простачка, что не понимаю твоихъ намековъ; нужды нѣтъ, что я шинкарка, а не жена рѣзника, что я не умѣю читать въ молитвенникѣ, но я все же умнѣе всякихъ ученыхъ, а въ благочестіи не уступаю и женѣ раввина, я такая же дочь Израиля какъ и всѣ, и Богъ и меня не оставитъ въ несчастіи... И у тебя тоже есть дочь, и кто знаетъ, что съ нею будетъ, если Всевышній отвернется отъ нея»...

Бѣдная женщина вытаращила глаза и въ недоумѣнны смотрѣла на шинкарку, которая все болѣе и болѣе возвышала голосъ.

Вскорѣ маленькая группа разрослась: прибѣжала жена ребъ Шулема, красивая, хотя и не первой молодости, и очень бойкая на языкъ.

Она прибѣжала къ женѣ рѣзника подъ предлогомъ одолжить куска два сахару, но въ сущности чтобъ рассказать своей сосѣдкѣ, что Хая пропала куда-то и что отецъ ее ищетъ повсюду; но увидѣвъ Рухель, она прикинулась ничего не знающей и наивно заявила, что ребъ Хацкель только что былъ у нихъ и искалъ Хаю.

Рухель накинулась и на нее. Не думаетъ-ли и она потрунивать надъ нею? Ужъ кому, кому, но ей-то уже это не слѣдуетъ дѣлать... Кто знаетъ ея прошедшее! Кто ея родные! Если старый Шулемъ, который уже выжилъ изъ ума, увлекся ею и женился въ четвертый разъ, такъ это еще ничего не доказываетъ; онъ завтра можетъ ей дать разводъ и взять пятую...

Двоя вся покраснѣла и затряслась, какъ въ лихорадкѣ. Она никакъ не ожидала такого нападенія, и это тѣмъ болѣе ее ошеломило. Она уже готова была броситься на Рухель, но въ это время прибѣжалъ рѣзникъ, а вслѣдъ за нимъ ребъ Хацкель и старый Шулемъ. Женщины забыли о перебранкѣ и бросились къ мужчинамъ. Теперь уже было все ясно, скрывать было болѣе нечего. Хая исчезла, но куда? Хацкель однако все еще крѣпился, и не хотѣлъ допускать, чтобы она убѣжала къ старостѣ, хотя эта мысль больше всего его тревожила, но онъ пока таилъ ее въ себѣ, оставляя всѣхъ въ недоумѣннн, куда, въ самомъ дѣлѣ, Хая исчезла. Но Рухель не выдержала и выдала тайну.

Теперь все измѣнилось. Женщины, которыя только за минутой предъ тѣмъ готовы были вступить въ рукопашную съ несчастной шинкаркой, въ глубинѣ души радуясь ея несчастью, не зная въ чемъ оно состоитъ,—теперь вдругъ прониклись состраданіемъ и искреннимъ участіемъ къ бѣдной матери. Мужчины, которые прежде недоумѣвали и изрѣдка только незначительными словами утѣшали Хацкеля, теперь сдѣлались серьезными. По ихъ мнѣнію не нужно терять попусту время, а дѣйствовать, и дѣйствовать энергично.

Рѣзникъ, поглаживая свою длинную бороду и глубококомысленно вздыхая, замѣтилъ, что несчастье, постигшее благочестиваго Хацкеля, не есть только его личное несчастье, а касается всѣхъ сыновъ Израиля, ибо всѣ сыны Израиля братья по крови. Ребъ Шулемъ подтвердилъ его мысль, прибавивъ, что Богъ великъ и знаетъ что дѣлаетъ, и что если онъ могъ вывести Израиля изъ Египта, то онъ его спасетъ и отъ этого не-

счастія... Женщины между тѣмъ утѣшали несчастную мать, которая рвала на себѣ волосы и горько рыдала; онѣ хвалили мудрость и неисповѣдимые пути Всевышняго. Онѣ дѣлаютъ все къ лучшему, грѣхъ роптать на Него, а за все нужно благодарить Его и преклоняться предъ Нимъ...

Рухель соглашалась съ ними. Она сама вѣрить въ силу Всевышняго и готова все принять изъ рукъ Его... Но пусть бы онѣ лучше послалъ ей внезапную смерть, пусть-бы онѣ разомъ отнялъ у нея всѣхъ дѣтей, она все готова перенести, но это... и горькія рыданія заглушили ея слова.

Съ этой минуты женщины больше не оставляли ее. Мушрины рѣшились дружно дѣйствовать во имя Всемогущаго и для спасенія дочери Израиля отъ навожденія дьявола.

VII.

Вѣсть о побѣгѣ Хаи изъ родительскаго дома быстро дошла до жителей маленькаго мѣстечка, гдѣ жилъ ребѣ Цудекъ со своимъ сыномъ, женихомъ Хаи. Весь городокъ заволновался, какъ будто міровое событіе постигло этотъ крошечный муравейникъ, гдѣ весь вѣкъ свой копошились люди озабоченные своими крошечными, но для нихъ жгучими интересами.

Какимъ образомъ эта вѣсть дошла до N-скихъ жителей, неизвѣстно, хотя жена служителя при синагогѣ и передавала послѣ, что она впервые узнала эту новость отъ старой Златы, которая торговала на базарѣ рыбой, и тотчасъ же побѣжала домой, чтобы передать эту новость мужу. Но каково-же было ея удивленіе, когда мужъ ей объявилъ, что онѣ эту новость еще утромъ слышалъ въ синагогѣ!

Но какъ-бы то ни было, новость эта охватила всѣхъ и сдѣлалась главнымъ вопросомъ дня, вытѣснивъ на время всѣ остальные. Всѣ толковали, всѣ суетились, всѣ волновались.

Событіе это переходило изъ устъ въ уста, рассказывалось на тысячу различныхъ ладовъ со всевозможными прибавленіями и варіаціями, причемъ, какъ это всегда бываетъ, самый фактъ затемнялся все болѣе и болѣе.

Самую выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ, конечно играли женщины. Онѣ видѣли въ этомъ поступкѣ не только страшный грѣхъ, подобнаго которому нѣтъ въ мірѣ, но личную для себя обиду—и потому судили объ этомъ поступкѣ со всей строгостью женской логики. Мужчины нѣсколько хладнокровнѣе смотрѣли на это дѣло, но тѣмъ не менѣе также сильно волновались.

Одна мысль озабочивала всѣхъ: какимъ путемъ извѣстить объ этомъ несчастіи ребѣ Цудека, который, какъ лицо, лично заинтересованное, какъ это всегда водится, ничего не зналъ о совершившемся событіи. Никто не хотѣлъ взять на себя неприятной обязанности передавать дурныя вѣсти. Представители общины пробовали возложить ее на шамеса *, но тотъ накинудся на нихъ съ ужаснымъ изступленіемъ. «Какъ они могутъ ему предложить подобное? Развѣ онъ не такой же еврей, какъ и они всѣ, развѣ онъ менѣе боится Бога, чѣмъ они?... Или они думаютъ, что какъ бѣднякъ, онъ согласится совершить недостойный благочестиваго еврея поступокъ... Развѣ его сердце изъ камня... Наконецъ, если бы онъ даже пренебрегъ всѣмъ этимъ, то ему все же таки жизнь дорога и онъ не хочетъ потерять десять лѣтъ жизни за передачу дурной вѣсти.»

Резоны шамеса подѣйствовали на всѣхъ, но тѣмъ не менѣе дѣло все-таки не двинулось впередъ. Великій грѣхъ передавать дурныя вѣсти, но еще бѣльшій грѣхъ оставить челоуѣка въ заблужденіи. Развѣ Цудекъ не будетъ отвѣтственъ предъ Всевышнимъ за то, что не перестаетъ быть сватомъ Хацкеля, а сынъ его—женихомъ его рѣшшой дочери?...

Но ни Цудекъ, ни сынъ его ничего не знаютъ; на кого же падеть этотъ тяжкій грѣхъ, какъ не на всѣхъ сыновъ Израиля!...

Рѣшили возложить это порученіе на христіанина, но къ несчастію всѣ поиски остались тщетными. Тогда ребѣ Пинхось, извѣстный своею ученостью и пользовавшійся общимъ

* Служитель синагоги.

уваженіемъ, вызвался пойти къ Цудеку. По его мнѣнію, грѣхъ тяготѣющій надъ цѣлымъ обществомъ, долженъ быть искупленъ отдѣльной личностью, и онъ беретъ на себя эту обязанность, хотя знаетъ, какой опасности подвергается... Но онъ надѣется на благодать Всевышняго и на Его безграничное милосердіе.

Но прежде, чѣмъ принять услуги ребъ Пинхоса, присутствующіе рѣшили отправиться за совѣтомъ къ раввину.

Ребъ Барухъ, мѣстный раввинъ, выслушавъ все внимательно и поднявъ глаза къ небу, благоговѣнно произнесъ: нашъ Богъ великъ и милосердіе его не имѣетъ границъ; но великъ и Израиль, когда имѣетъ такихъ сыновей, какъ ребъ Пинхось.

И Пинхось тотчасъ же отправился къ Цудеку, а въ ожиданіи его возвращенія присутствующіе размѣстились пока въ пріемной раввина, довольно большой, но грязноватой комнатѣ, единственная мебель которой состояла изъ нѣсколькихъ дубовыхъ лавокъ и длиннаго стола, на которомъ лежало нѣсколько большихъ фоліантовъ въ кожаныхъ переплетахъ. На голыхъ стѣнахъ ничего не было, за исключеніемъ картины, висѣвшей въ восточной сторонѣ комнаты и изображавшей щить царя Давида.

У стола сидѣли раввинъ и болѣе знатные граждане города, всѣ же остальные размѣстились по лавкамъ. Разговоръ вращался все вокругъ одного и того же; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прихода Пинхоса, какъ будто отъ этого зависѣла судьба cadaго изъ нихъ. Что скажетъ Цудекъ, какъ онъ приметъ эту вѣсть? Придетъ ли онъ тотчасъ къ раввину или нѣтъ? А Хацкель, перенесетъ ли онъ такой ударъ? Слыханное ли это дѣло, чтобы дочь Израиля забыла своего Бога, своего отца и мать и убѣжала къ христіанину... Съ тѣхъ поръ какъ міръ существуетъ, или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ мѣстечко N, не было еще такого безбожнаго дѣла. Школьный староста Гершъ-Янкель, самый старшій во всей общинѣ, увѣрялъ, что когда онъ еще былъ маль-

чикомъ, нѣчто подобное случилось съ одной замужней женщиной, которая бросила своего мужа и убѣжала съ христіаниномъ. Но великій раввинъ, миръ праху его, жившій тогда въ городкѣ, показалъ великое чудо: не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ она умерла отъ родовъ. По лицамъ присутствующихъ выразилось глубокое удивленіе, которое однако не успѣло формулироваться въ живое слово, такъ какъ въ это мгновеніе въ комнату вбѣжалъ ребъ Цудекъ, весь блѣдный съ растепанными пейсами и всклокоченною, двигавшея во всѣ стороны бородою. Цудекъ издавалъ какіе-то ни для кого непонятные звуки. Онъ прямо подбѣжалъ къ столу, гдѣ сидѣлъ раввинъ и, бросивъ на столъ какую-то бумагу, окинулъ всѣхъ какимъ-то торжественнымъ взглядомъ.

Всѣ притаили дыханіе, въ ожиданіи чего-то страшнаго. Но Цудекъ молчалъ и продолжалъ смотрѣть по прежнему на всѣхъ. Потупя взоры, всѣ молчали, не рѣшаясь даже взглянуть на бумагу, которую онъ бросилъ на столъ.

— Мой сынъ у меня единственный, господа! произнесъ наконецъ Цудекъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, и поблещіе глаза его наполнились слезами.

Между присутствующими послышался глухой гулъ. Всѣ вдругъ заволновались, точно по командѣ. Лаконическая фраза Цудека была понята всѣми какъ нельзя лучше. Что-же касается брошенной бумаги, то большинство еще заранѣе рѣшило, что такъ и слѣдовало поступить Цудеку. Предварительный брачный договоръ брошенъ, при свидѣтеляхъ, слѣдовательно онъ силы уже не имѣетъ, и на Цудекъ не тяготѣетъ больше тотъ великій грѣхъ, который опуталъ его, благодаря его связи съ Хацкелемъ. Но не такъ смотрѣлъ раввинъ и болѣе солидные изъ присутствующихъ. «Все отъ Бога, сказалъ раввинъ; и одна сторона не имѣетъ права нарушить брачный договоръ безъ согласія другой; это тяжкій грѣхъ, котораго Всевышній не прощаетъ.» Того же мнѣнія были и школьный староста Гершъ-Янкель и другіе почетные граждане. Но болѣе молодые и горячіе и слышать не хотѣли и продолжали поддержи-

вать Цудека въ его правѣ даже безъ согласія Хацкеля расторгнуть брачный договоръ. Образовались двѣ партіи. Если бы это былъ *зылыкъ*, говорила молодая партія, то этого несчастья не случилось бы; нечистый духъ не пошелъ бы наперекоръ небу.

— Но пути Всевышняго неисповѣдимы, возразилъ раввинъ, кто знаетъ, произнесъ онъ со вздохомъ, можетъ быть Цудекъ и его сынъ и суть тѣ послы неба, которые должны вырвать изъ рукъ варваровъ израильскую душу...

— Можетъ быть надъ домомъ ребъ Цудека тяготѣетъ такой тяжкій грѣхъ, что его нельзя было смыть ничѣмъ, какъ только подобнымъ искупленіемъ, философствовалъ Гершъ-Янкель.

Противная партія не уступала въ изысканіи различныхъ доводовъ и софизмовъ, чтобы доказать законность своихъ требованій. Но въ тотъ самый моментъ, когда споръ достигъ своего апогея, и побѣда готова была остаться за молодой партіей, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Хацкель. Онъ выступалъ такъ тихо, нерѣшительно, какъ будто боясь касаться земли; его и безъ того сгорбленная, невзрачная фигурка приняла теперь еще болѣе жалкій, истрепанный видъ. Рядомъ съ нимъ шелъ ребъ Хаимъ, пришибленный горемъ своего товарища, но съ какой-то напускной храбростью, какъ будто собираясь защищать кого-то отъ нападенія, а позади шла Рухель, жалкій видъ которой свидѣтельствовалъ о томъ страшномъ горѣ, которое терзало ея душу.

Все какъ будто оборвалось съ появленіемъ этихъ трехъ личностей; неожиданность еще больше поразила всѣхъ, и всѣ растерялись, точно ихъ поймали на мѣстѣ преступленія.

Наступила пауза. Всѣ чувствовали себя не ловко, въ особенности Хацкель, который не привыкъ бывать въ такихъ собраніяхъ, тѣмъ болѣе, что всѣ взоры были обращены на него.

Раввинъ первый прервалъ молчаніе.

* Союзъ predeterminedный выше.

— Миръ вамъ, ребъ Хацкель, произнесъ онъ, протягивая ему руку, и вамъ ребъ Хаимъ, что вы скажете хорошаго?

— И вамъ миръ, раби, отозвался ребъ Хаимъ; слава Всевышнему Богу нашему, что живы и здоровы.

Хацкель молчалъ. Не то страхъ, не то оцѣпененіе охватило все его существо и онъ не въ состояніи былъ сказать ни одного слова; онъ чувствовалъ себя виновнымъ предъ всей этой массой, какъ будто тяжкое преступленіе, тяготѣвшее надъ его семействомъ, служить причиной несчастія всѣхъ этихъ людей, которые тутъ засѣдаютъ; онъ это читалъ на лицахъ присутствующихъ, онъ чувствовалъ на себѣ ихъ взгляды, полные укора. Эти взгляды приводили его въ отчаяніе; онъ чувствовалъ какъ волосы у него поднимаются дыбомъ, какъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ; холодный потъ покрывалъ его лицо, еще мгновенье—и онъ бы упалъ.

Но въ эту минуту раздался голосъ Рухель.

Это собраніе произвело на нее, какъ разъ противоположное дѣйствіе, чѣмъ на ея мужа. Растерявшись вначалѣ, она понемногу стала приходить въ себя. Горе, терзавшее ее съ такой силой, дало ей теперь возможность возвысить голосъ среди людей, которые собрались осудить на вѣки-вѣчныя ея единственную дочь. Материнское чувство взяло верхъ надъ всѣмъ: имя ея дочери на устахъ у всѣхъ: кто-же ее защитить, какъ не она?

— Равви, произнесла она ясно и отчетливо, мы узнали, что ребъ Цудекъ, нашъ мехитонъ, желаетъ расторгнуть брачный договоръ, заключенный, по волѣ Всевышняго, между его сыномъ и моею дочерью. Мы пришли объявить вамъ, что возвращаемъ ему полную свободу. Наша дочь великая преступница... Но на все воля Бога; стоитъ Ему захотѣть, и она вернется въ доно Израиля и сдѣлается благочестивѣйшей изъ дочерей его.

Ея голосъ дрожалъ; нервное волненіе охватило все ея существо; въ эту минуту она ощущала въ своей груди

совершенно новое, до сихъ поръ незнакомое, ей чувство, и во имя этого-то чувства она готова была возстать противъ всего міра, противъ всѣхъ людей, противъ самого великаго раввина, если бы онъ вздумалъ унижить достоинство ея дочери... Въ комнатѣ наступило гробовое молчаніе. Взоры всѣхъ были обращены на Рухель, всѣ какъ будто чего-то ожидали.

Наконецъ раввинъ поднялся съ своего кресла и, обращаясь къ Цудеку, произнесъ:

— Вы слышали, ребъ Цудекъ, что было сказано женою ребъ Хацкеля? И, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: вамъ и вашему сыну возвращается полная свобода.

Послѣднее слово, какъ бы нарочно отчеканенное раввиномъ, произвело магическое дѣйствіе на присутствующихъ. Всѣ вдругъ заволновались, всѣ заговорили: « жена Хацкеля поступила, какъ истая дочь Израиля; она права: ея дочь можетъ еще возвратиться въ лоно іудейства и сдѣлаться добродѣтельнѣйшей изъ женщинъ. Развѣ Іегова, Который вывелъ евреевъ изъ Египта, не въ состояніи совершить такое чудо? Такъ-ли поступилъ Цудекъ? Онъ хочетъ расторгнуть то, что соединилъ Богъ, онъ хочетъ идти противъ неба... Развѣ такъ поступаетъ настоящій еврей? слышалось со всѣхъ сторонъ и партія Цудека все болѣе и болѣе рѣдѣла. Школьный староста ораторствовалъ больше всѣхъ. Онъ требовалъ, чтобы брачный договоръ не былъ уничтоженъ, чтобы все осталось по прежнему, и чтобы лучше оба свата дѣйствовали за одно и составили сообща планъ дѣйствія для спасенія дочери Израиля.

— Нашъ Богъ требуетъ согласія и мира, кричалъ онъ во все горло; дѣйствуйте за одно, и Богъ вамъ поможетъ...

— Поѣзжайте къ падику, совѣтовали другіе; и просите у него заступничества предъ Богомъ: его молитвы скорѣе дойдутъ до Него, чѣмъ ваши...

Партія Цудека исчезла, всѣ перешли на сторону раввина и школьнаго старосты; онъ остался одинъ среди галдящей толпы, безъ всякой поддержки, и самъ вдругъ почувствовалъ,

что совершилъ тяжкое преступленіе предъ Хацкелемъ, что жестоко оскорбилъ его предъ всѣми гражданами, что не такъ поступаетъ истинно благочестивый еврей. И, въ порывѣ нахлынушаго чувства, онъ подошелъ къ Хацкелю и протянулъ ему руку.

— Я виноватъ предъ вами, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ; видить Богъ, что я не думалъ на столько оскорбить васъ. Призовемъ Бога на помощь и будемъ дѣйствовать за одно.

У Хацкеля навернулись слезы на глазахъ; онъ ничего не сказалъ, а только крѣпко пожалъ руку Цудеку и съ благоговѣніемъ поднялъ глаза къ небу...

VIII.

Въ то время, когда въ домѣ раввина происходила выше упомянутая сцена, въ домѣ священника деревни Красны происходило слѣдующее: Деревенскій попъ, высокий, плотный мужчина съ крупными чертами лица и большой влочковатой бородой съ просѣдью, сидѣлъ на деревянномъ стулѣ въ позѣ чловѣка, азартно и съ чувствомъ доказывающаго что-то своему товарищу. Возлѣ него, склонивъ голову и сложивъ руки, стоялъ Остапъ. Онъ нѣсколько поблѣднѣлъ и осунулся за послѣднее время, но за то его лицо приняло болѣе серьезное, болѣе задумчивое выраженіе, а красивые каріе глаза его еще больше выигрывали отъ мягкаго, пріятнаго блеска.

— Это не такъ легко, сынъ мой; раздавался зычный басъ битюшки взять нечистую душу и превратить ее въ христіанскую, вѣдь она, какъ себѣ хочешь, а нечистая душа, крещенія не принимала, не правду ли я говорю?— И онъ взвелъ на Остапа свои выпуклые, заплывшіе жиромъ глаза.

Остапъ молчалъ. По блѣдному лицу его пробѣжала тѣнь; видно было, что слова батюшки произвели на него не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Онъ никакъ не могъ согласиться, чтобы душа его возлюбленной была не чиста.

Кто больше его знаетъ ея душу, всю ее!.. И чѣмъ больше

онъ ее узнавалъ, тѣмъ больше любилъ, а между тѣмъ батюшка толкуеть.... Онъ внутренно возмущался его словами; его такъ и подмывало крикнуть батюшкѣ, что онъ вретъ, или плюнуть и уйдти.

— Не правду ли я говорю?—повторилъ между тѣмъ батюшка, и не дождавшись отвѣта, продолжалъ. — Вотъ и видишь, что это дѣло не легкое... А ты ее вѣдь любишь, а? И грѣхъ великій, мой сынъ, великій грѣхъ.... ты не долженъ ее любить до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается христіанкой, пока не очистится въ вѣрѣ православной...

— Но я же не могу ее не любить.... какъ-бы про себя проговорилъ Остапъ.

Батюшка укоризненно покачалъ головой. — Ну ужъ прошлаго не воротить,—произнесъ онъ со вздохомъ; — вотъ о настоящемъ, да и о будущемъ нужно позаботиться. Нужно ее приготовить къ принятію святаго крещенія, нужно много труда и молитвъ.

— Я самъ это желаю, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, перебилъ его Остапъ.

— Ну, такъ и быть... какъ мы говорили,—понизилъ нѣсколько голосъ батюшка... Она проживетъ сначала у меня, затѣмъ мы вмѣстѣ свеземъ ее въ городъ, и дѣло будетъ въ шляпѣ... Только какъ я сказалъ...

Остапъ почесалъ затылокъ и молчалъ.

— Я бы всей душой, батюшка, и не столько, а въ десять разъ больше бы далъ, да батька упрямится, говорить, что много.

— Какъ знаешь... сухо проговорилъ батюшка.

У Остапа морозъ пробѣжалъ по тѣлу отъ этого «какъ знаешь».... Еслибы онъ только могъ передать словами то, что онъ въ эту минуту чувствовалъ, батюшка навѣрное смягчился бы; но Остапъ не обладалъ этимъ искусствомъ, онъ только крѣпче стиснулъ зубы и отвернулся, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы.

— Батюшка! сказалъ онъ наконецъ.

Батюшка навострить уши.

— Батюшка, вѣдь вы знаете, что мой отецъ богатъ.

— Знаю, произнесъ холодно батюшка.

— Ну, такъ повѣрьте мнѣ на слово, и дѣло съ концомъ, а я уже своего слова не измѣню, вы меня знаете...

Батюшка смятчился. Онъ протянулъ Остапу руку, которую тотъ поцѣловалъ.

— Ну ладно, тебѣ повѣрю, потому знаю тебя, отечески произнесъ батюшка и, вставъ съ своего мѣста, прибавилъ: такъ приведи ее сегодня ночью ко мнѣ, а тамъ сговоримся, когда въ городъ.

Остапъ просіялъ; точно камень упалъ съ его груди, такъ легко ему вдругъ стало; пріятно забилося его сердце; мысли у него не было никакой, онъ не сознавалъ ничего, онъ не анализировалъ, но чувствовалъ себя хорошо, даже лучше, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда онъ въ первый разъ поцѣловалъ свою возлюбленную. То былъ моментъ восторга, неосознаемаго чувства, а это было что то реальное, что обѣщало ему дать полное счастье. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что этимъ дѣлалъ послѣдній шагъ къ достиженію этого счастья, и ускорялъ шаги, желая этимъ какъ бы ускорить осуществленіе своей цѣли. Но ему все казалось, что онъ слишкомъ медленно подвигается впередъ, что онъ уже цѣлый часъ идетъ, тогда какъ не было еще и пяти минутъ, какъ онъ вышелъ отъ отца Андрея. И онъ пустился бѣжать. Задыхаясь и облитый потомъ, онъ добѣжалъ наконецъ до крыльца. Съ минуту онъ постоялъ на мѣстѣ, затѣмъ осторожно пробрался къ окошку, гдѣ была комната Хаи, и также осторожно постучалъ: онъ не хотѣлъ войти въ комнату, чтобы домашніе не увидѣли его; онъ не хотѣлъ дѣлить своего счастья ни съ кѣмъ, кромѣ своей возлюбленной: только она одна можетъ видѣть, что дѣлается въ его душѣ, какъ радостно трепещетъ его сердце.

Когда черезъ минуту раскрылось окно, и въ немъ показалась молодая дѣвушка, онъ припалъ къ ней головой и зары-

далъ, какъ ребенокъ; онъ плакалъ отъ избытка счастья, отъ избытка того внутренняго, цѣльнаго чувства, которое одно даетъ человѣку возможность подняться выше окружающей его среды.

Хая обняла его и покрыла его голову поцѣлуями. Она не спрашивала его о причинѣ слезъ; она знала ихъ причину, она знала, что это слезы счастья, слезы идущія изъ переполненнаго сердца; ей подсказывало это ея женское чутье. И она была счастлива, и ея сердце замирало отъ полноты чувствъ.

Въ эту минуту она забыла о той нравственной пыткѣ, о той внутренней борьбѣ, которую она выдерживала въ послѣднее время. Вблизи Остапа она себя чувствовала вполнѣ хорошо; и слезы, душившія ее за минуту предъ тѣмъ, исчезли и замѣнились улыбкой блаженства. вмѣсто горькаго одиночества, которое ей рисовало ея возбужденное воображеніе—ей представлялась тихая идиллія, полная спокойнаго семейнаго счастья; глубокое паденіе, отступничество отъ вѣры отцовъ, проклятіе отца, страданія матери, все, что только занимало ея мысли въ часы одиночества, все что терзало и заставляло страдать нравственно, все это мигомъ исчезло и замѣнилось какимъ-то отраднымъ чувствомъ, какой-то безграничной надеждой, полной вѣрой въ жизнь, въ счастье...

Еслибы она могла это передать Остапу! Еслибы онъ могъ понять, какой переворотъ совершается въ ея внутреннемъ мірѣ каждый разъ, когда она возлѣ него! И она еще крѣпче обняла его, и поцѣлуи еще обильнѣе посыпались на его голову. А Остапъ между тѣмъ рассказывалъ ей свои сегодняшнія похождения и успѣхи.

Отецъ Андрей согласился крестить и вѣнчать, нужно только поѣхать въ городъ и принять крещенье.... И теперь она уже его, и теперь онъ смѣло можетъ назвать ее своей женой предъ Богомъ и цѣлымъ міромъ. И въ пылу страстнаго порыва онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Выйди сюда, моя голубка, умолялъ онъ ее, хватая за руку.

— Не могу, батька съ Марусей въ другой комнатѣ, услышать, отговаривалась Хая.

— Подъзай въ окно, умолялъ Остапъ.

— Какъ воръ! засмѣялась она; не хочу.

— Такъ я къ тебѣ. И Остапъ хватился рукой за окно.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Ты мнѣ еще не мужъ.... упрашивала Хая.

Но Остапъ не слушался. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на прысьбѣ и, извиваясь змѣею, пролезъ сквозь маленькое окошечко, не смотря на протесты и сопротивленія Хая.

— Развѣ я тебѣ не мужъ! урезонивалъ онъ молодую дѣвушку, привлекая ее къ себѣ и осыпая ее страстными поцѣлуями.

— Пока ты мой женихъ... протестовала Хая.

Но ея протесты были слабы въ сравненіи съ той страстью, которая охватила Остапа и которая, подобно электричеству, стала передаваться и ей. Горячія объятія, какъ огненное кольцо, охватили ея талію, страстное дыханіе, которое пламенемъ жгло ея лицо, парализовали ея силы, туманили ея рассудокъ; она была какъ въ чадѣ: голова кружилась, ноги подкашивались, предъ ея глазами носились огненные круги, а по всему тѣлу пробѣгала пріятная лихорадочная дрожь и невыразимое томленіе.... Силы все болѣе и болѣе оставляли ее, а Остапъ все крѣпче и крѣпче прижималъ ее къ себѣ... Была прелестная тихая ночь. Луна давно уже пробиралась сквозь сѣрыя тучки, беспорядочно разбросанныя въ темномъ пространствѣ. Быстро мчались онѣ, какъ будто стараясь догнать другъ друга; то удаляясь, то опять приближаясь, онѣ составляли затѣйливые фантастическіе узоры, которые то освѣщались блѣдными лучами луны, то сами закрывали ее собою, принимая отъ этого еще болѣе фантастическій оттѣнокъ. Эти колебанія оттѣнковъ, то свѣтлыхъ, то темныхъ, отражались на всѣхъ предметахъ, придавая имъ что то заманчиво-таинственное; столько же заманчиво-таинственного было и въ длинныхъ, блѣдныхъ тѣняхъ, падавшихъ отъ освѣщенныхъ луною

предметовъ и скользившихъ, подобно живымъ существамъ, то уменьшаясь, то опять увеличиваясь до невѣроятныхъ размѣровъ. Кругомъ было совершенно тихо; чѣмъ то пріятнымъ, ласкающимъ отдавалъ воздухъ, окутывавшій окружающіе предметы прозрачной, нѣжной, изъ лучей сотканной пеленой.

Остапъ и Хая давно уже сидѣли у раскрытаго окна и молча смотрѣли на бѣгавшія въ перегонку тучки, на свѣтлый скользкій шаръ, обильно бросавшій свои блѣдные серебряные лучи. Они съ жадностью вдыхали свѣжій ночной воздухъ, который охлаждалъ ихъ разгоряченную кровь.

— Ты видишь, какъ луна пробирается сквозь тучки? тихо спросилъ Остапъ, еще ближе наклоняясь къ своей возлюбленной.

— Да, вотъ она сейчасъ скроется за этой большей тучей, отвѣчала Хая; но сейчасъ же прибавила:

— А какъ ты думаешь, она знаетъ, что мы теперь мужъ и жена?

— Какъ же ей не знать? Она даже смотритъ на насъ и теперь; видишь ея глаза.... И Остапъ указалъ пальцемъ въ пространство.

— А куда она плыветъ?

Остапъ задумался, видимо озадаченный этимъ вопросомъ; а Хая продолжала: а я думаю, что она завтра расскажетъ Богу, что видѣла сегодня ночью... И какъ бы испуганная этой мыслью, она прижалась къ Остапу.

— А развѣ мы грѣхъ совершили?—съ какой-то особенной убѣдительностью въ голосѣ произнесъ Остапъ; развѣ ты не моя жена?... И онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Такъ ты всегда будешь меня такъ любить? шепнула, умильно-вопросительно взглянувъ на него, Хая.

Отвѣтомъ былъ долгій, страстный поцѣлуй...

Спустя часъ Хая лежала въ постели въ домикѣ отца Андрея и, отгоняя различныя неотвязчивыя мысли, всѣми силами старалась уснуть.

А Остапъ пробирался въ сосѣдній лѣсокъ, въ тотъ самый, гдѣ онъ въ первый разъ почувствовалъ себя счастливымъ. Образъ Хаи не оставлялъ его ни на минуту, и онъ не могъ не уступить какой-то внутренней необходимости—посидѣть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые раздался звонкій и чистый поцѣлуй его голубки...

IX.

Воскресный день былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дней въ недѣлѣ для N-скихъ жителей, не потому что этотъ день самъ по себѣ праздничный, нѣтъ, да это ни въ какомъ случаѣ не могло служить причиной, потому что N-ское населеніе за исключеніемъ нѣсколькихъ чвонниковъ, да двухъ-трехъ отставныхъ солдатъ, почти все состояло изъ благочестивыхъ сыновъ Израиля.

Воскресный день былъ ярморочный день, и N-скіе жители готовились къ нему всю недѣлю, начиная чуть не съ самаго же воскресенья. Покупки, продажи, мѣны, всевозможныя операціи, какія только когда либо выдумывалъ торговый геній человѣка, все происходило на ярморочной площади. И чего тутъ не было! Начиная съ самыхъ грубыхъ продуктовъ и кончая самыми утонченными предметами деревенской роскоши — все имѣло мѣсто на ярмаркѣ, все находило своихъ покупателей и охотниковъ. Не только у молодежи, но и у старухъ глаза разгорались при видѣ такой массы пестрыхъ платковъ, ситцевъ съ затѣйливыми узорами, коралловъ, бусъ разнообразныхъ, которые, точно жемчугъ, играли на солнцѣ! А хитрые торговцы, выхваливая свой товаръ, еще больше подзадаривали бабъ. Торговцы и торговки суетились, шныряли повсюду, зазывали покупателей, отбивали ихъ у другихъ. Ни дружба, ни знакомство, ни родство не играло тутъ роли; тутъ была свободная конкуренція, гдѣ допускались всякія средства; это была борьба за существованіе между равными по силѣ и таланту...

Въ описываемый нами ярморочный день—помимо обычнаго шума и гвалта, общей суматохи и бѣготни, замѣчалось еще

оживленіе другаго рода и не совсѣмъ ординарнаго свойства.

Дѣло шло ни больше ни меньше, какъ о возвращеніи ребѣ Хацкеля и ребѣ Цудека отъ великаго цадика.

— Я такъ и знала, говорила торговка Злата своей сосѣдкѣ, съ которой она сообща торговала куль пшеничной муки у мужика; я такъ и знала, что коль-скоро они попадутъ къ цадикѣ, она будетъ спасена...

— А развѣ цадикъ обѣщаль?

Злата выпучила на сосѣдку свои глаза, которые такъ и говорили: какъ, несчастная, и ты не знаешь, что цадикъ сказалъ Хацкелю! Какъ же ты послѣ этого дочь Израиля! Но по свойственному всѣмъ сынамъ и дочерямъ Израиля милосердію, она смягчилась и стала сообщать своей сосѣдкѣ со всѣми подробностями то, что говорилъ цадикъ, хотя въ сущности сама ничего не знала.

— Ты же отъ кого это слыхала? спросила сосѣдка:

— Какъ отъ кого, смутилась Злата.... Да мало ли отъ кого.... послѣдній ребенокъ въ городѣ это знаетъ.... Удивительно только, какъ ты этого не знаешь.

Сосѣдка Златы была въ конецъ сконфужена и ничего не могла сказать въ свое оправданіе. Но тѣмъ не менѣе не переставала удивляться величію цадика. Такъ онъ такъ и скавалъ: Она умретъ еврейкой! О великій цадикъ! И въ своемъ увлеченіи она совсѣмъ забыла о мукѣ, которую торговала и которую хитрая Злата успѣла купить у мужика.

— Что же ты такъ поторопилась? вмѣстѣ кажется торговали! съ укоромъ обратилась она къ Златѣ.

— Вѣдь не стоять же и смотрѣть на тебя! крикнула Злата, очень бойкая на языкѣ.

— Ужъ я бы такъ не сдѣлала!

— А я вотъ видишь и сдѣлала! ехидно засмѣялась Злата...

И споръ Богъ знаетъ чѣмъ бы кончился, еслибы къ нимъ не подошла жена школьнаго старосты.

— Видѣли вы Цудека и Хацкеля! обратилась она къ нимъ.

— Нѣтъ, не видѣли, сказали въ одинъ голосъ обѣ торгов-

ки и наострили уши, зная за ранѣе, что у Брайны можно узнать такія новости, какихъ самъ Богъ не расскажетъ.

— А я вотъ только что видѣла ихъ и даже говорила съ ними, произнесла она съ особенной гордостью.

Надо замѣтить, что со времени послѣдняго происшествія Хацкель и Цудекъ сдѣлались героями дня, и все интересы Н-скихъ жителей вращались около этихъ двухъ личностей.

— Что-же они вамъ сообщили новаго? спросила Злата.

— Расскажите и намъ... приступила и другая торговка.

— Нельзя, это, важный секретъ, съ гордостью произнесла Брайна. Я клялась, что никому не расскажу.

— Такъ самъ Хилькель вамъ рассказалъ? спросила Злата, желая хоть что нибудь вывѣдать у болтливой Брайны.

— Какъ же, и Хацкель, и Цудекъ... Они только что были у моего мужа, который теперь пошелъ вмѣстѣ съ ними отыскивать Краснинскаго попа.

— Развѣ онъ здѣсь въ городѣ? перебила ее Злата съ такимъ интересомъ, какъ будто и она знала въ чемъ дѣло.

— Какже, съ попадѣй вмѣстѣ пріѣхалъ.

— Что же они, и попадью хотятъ видѣть? съ тѣмъ же интересомъ спросила Злата.

— Если не удастся съ нимъ, то подступать къ ней... Вѣдь вы знаете нашу породу... Уговорить не трудно... тѣмъ болѣе, что они предлагаютъ такой кушъ... Вѣдь у Хацкеля много денегъ... Рухель даже свои жемчуги хотеть подарить попадѣй, въ случаѣ если, дѣло пойдетъ трудно!..

— А развѣ такъ трудно? снова спросила Злата, у которой сердце чуть не прыгало отъ радости, что вотъ, вотъ и она узнаетъ все...

— Какже. Вѣдь вы знаете ли сколько староста обѣщаль попу за то, чтобы Хая жила у него до крещенья?! Да и самъ отъ себя уже сколько далъ?

У Златы голова закружилась отъ восторга, что она узнаетъ такія новости.

— Бѣдная Рухель! произнесла она между тѣмъ съ участіемъ. Какъ это должно быть больно материнскому сердцу...

— Такъ она хочетъ отдать свои жемчуги?...

Теперь уже ей не трудно было догадаться въ чемъ дѣло, но она была настойчива и хотѣла довести Брайну до полного признанья.

— Не только жемчуги, она все отдастъ, лишь бы имъ удалось увезти ее... Впрочемъ, это тайна и вы сами послѣ все узнаете, спохватилась она. Но было уже поздно. Въ одинъ мигъ Злата испарилась. Обладать такимъ кладомъ и не подѣлиться съ своими ближними, было бы непростительно. Да и не въ натурѣ Златы было—знать и молчать.

Не прошло и часа, какъ вся ярмарка знала о стратегическомъ планѣ Хацкеля и Цудека, которые, ничего не подозревая, шныряли между тѣмъ по базару, отыскивая отца Андрея. А отецъ Андрей расхаживалъ съ своею дорогой половиною по рядамъ, гдѣ были разложены болѣе цѣнные товары. Онъ хотѣлъ купить своей супругѣ такой платокъ, который бы своей красотой и пышностью узоровъ удивилъ весь свѣтъ или по крайней мѣрѣ весь уѣздъ, и съ этой цѣлью онъ перерылъ почти всѣ ящики, корзины, въ которыхъ торговцы прятали свои товары, но ничего не нашелъ по своему вкусу. А вкусъ у отца Андрея былъ не простой. Уже на что лавочники, да и тѣ стали въ тупикъ и вытаращили глаза, когда батюшка сталъ имъ объяснять какіе именно узоры должны быть на платкѣ въ центрѣ, какіе по краямъ и т. д.

— Про меня хоть и этотъ чѣмъ не хорошъ, проговорила попадья, которая по тучности своей не могла много ходить и готова была выбрать любой платокъ, лишь бы ее оставили въ покоѣ.

— Толкуй себѣ, возразилъ съ гордостью отецъ Андрей, уже сказано баба—чего же больше, ей хоть рядно подавай и то хорошо будетъ. Гдѣ уже вамъ по вкусу!

Но въ эту минуту возлѣ почтеннаго батюшки очутился

Гершъ-Янкель, давнишній знакомый и чуть-ли не другъ отца Андрея.

— Вотъ хоть бы ты, Гершко, скажи, заговорилъ отецъ Андрей послѣ первыхъ привѣтствій; развѣ есть хоть какойнибудь вкусъ у бабь...

Гершъ-Янкель многозначительно покачалъ головою, не зная что отвѣчать, но, узнавъ въ чемъ дѣло, просіялъ: онъ сразу нашелъ пунктъ, откуда можно было атаковать попа. Изъ тысячи различныхъ плановъ, которые составлялъ почтенный триумvirатъ въ лицѣ Цудека, Хацкеля и Гершъ-Янкеля для того, чтобы склонить отца Андрея на выдачу Хаи, ни одинъ не оказался удовлетворительнымъ. И послѣ долгихъ размышленій они разошлись, не составивъ плана дѣйствій, а рѣшились все возложить на Бога и на находчивость каждаго. И вотъ вдругъ блестящая мысль пришла въ голову Гершъ-Янкелю.

У его жены Брайны былъ дорогой кашмировый платокъ, который, переходя по наслѣдству отъ матери къ дочери въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, достался наконецъ ей. Въ числѣ другихъ драгоценностей онъ хранился въ кованномъ желѣзномъ сундукѣ. И если бы не новый годъ и свѣтлый праздникъ, онъ бы никогда не уврѣлъ свѣта, и свѣтъ его. И вотъ на этой фамильной драгоценности Гершъ-Янкель въ одинъ мигъ построилъ цѣлый планъ, тонкости и детали котораго терялись въ мозгу почтеннаго синагогальнаго старосты.

— Зачѣмъ ко мнѣ сразу не обратились, воскликнулъ Гершъ-Янкель.

И безъ дальнѣйшихъ разговоровъ онъ пстащилъ за собою отца Андрея. Пусть поидетъ за нимъ, онъ не будетъ каяться. Ужь если Гершъ-Янкель не знаетъ вкуса батюшки, то кто же послѣ этого знаетъ: онъ ручается своей головою, что батюшка будетъ доволенъ; онъ ему покажетъ такую вещь, какой тотъ отъ роду не видалъ, да не только онъ, самъ протоіерей здѣшней церкви, а можетъ быть и самъ архіерей не видалъ подобнаго...

И только ему, батюшкѣ, онъ рѣшается уступить эту вещь,

потому что не даромъ же они столько лѣтъ знакомы, да что же послѣ этого значила бы дружба—разсыпался предъ отцомъ Андреемъ Герпшъ-Янкель; а въ это время думаль: а что если Брайна заупрямится и не захочетъ разстаться съ своей драгоценностью... тогда все пропало... Да и можетъ ли онъ ее заставить? То, чѣмъ она такъ дорожитъ, что досталось ей по наслѣдству отъ матери и что вѣроятно перешло бы къ его дочери, еслибъ Господь своевременно услышалъ молитвы Брайны и подарилъ имъ дочь!.. И весь тонкій, такъ удачно построенный планъ Герпшъ-Янкеля, на чемъ основывался весь успѣхъ дѣла, разомъ долженъ будетъ лопнуть! Было мгновенье, когда Герпшъ-Янкель струсиль самаго себя и своей смѣлой мысли и готовъ былъ бросить батюшку и бѣжать, но мысль, что въ его рукахъ теперь судьба двухъ семействъ, что отъ него теперь зависитъ спасеніе дочери Израиля отъ позора... прида-ла ему невѣроятную смѣлость.

Отецъ Андрей ахнулъ, когда Герпшъ-Янкель съ видомъ знатока развернулъ предъ нимъ мягкую, тонкую матерію, а супруга его раскрыла ротъ отъ изумленія и только влетѣвшая въ ея ротъ муха заставила ее опомниться.

Брайна стояла поодаль и съ какой то, не то печалью, не то злобой смотрѣла на своего мужа.

Приказавъ принести шаль, онъ не объяснилъ ей въ чемъ дѣло, а только шепнулъ ей, чтобы она послала за Цудекомъ и Хацкелемъ.

— Что же, ты хочешь продать шаль? спросила она его.

— Молчи, послѣ все узнаешь! бросилъ онъ ей на ходу. И она удовольствовалась, хотя смутно стала понимать въ чемъ дѣло.

— Штука важная; что вѣрно, то вѣрно... пробормоталъ наконецъ батюшка, котораго даже въ потъ бросило отъ этого строгаго всесторонняго осмотра. А цѣна то? спросилъ онъ въ нерѣшительности.

Герпшъ-Янкель былъ въ восторгѣ отъ первой удачи. Но онъ медлил объявленіемъ цѣны.—Я не могу теперь сказать

цѣны, вы мнѣ пожалуй не повѣрите, сказалъ онъ.—Но вотъ придетъ другой покупатель, ребъ Цудекъ, который торгуетъ эту же шаль для невѣсты своего сына, дочери Хацкеля изъ Красны, тогда и увидите цѣнность этой шали...

— Такъ ты не мнѣ хочешь продать, а Цудеку, перебилъ его отецъ Андрей, который почему то почувствовалъ себя неловко при имени Хацкеля. Но Гершъ-Янкель сталъ его увѣрять въ противномъ. Напротивъ,—распинался онъ—онъ только батюшкѣ хочетъ продать, онъ даже ему уступитъ противъ той цѣны, которую даетъ Цудекъ, онъ только хотѣлъ, чтобы батюшка убѣдился, какъ онъ цѣнитъ его дружбу...

Въ это время пришелъ Цудекъ, а вслѣдъ за нимъ и Хацкель. А Гершъ-Янкель шепнулъ своей женѣ, чтобы она увела попадью въ другую комнату.

— А ты что же, Хацкель, тутъ дѣлаешь, обратился къ нему отецъ Андрей, который, какъ онъ ни былъ не догадливъ, понялъ однако, что тутъ что то кроется.

У Хацкеля голова закружилась. Стоя лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, въ рукахъ котораго была вся его судьба, все его существованіе, все, что было только дорогого въ его жизни, онъ растерялся окончательно, и всѣ комбинаціи, всѣ тонкости, какія только придуманы были имъ сообща съ Цудекомъ и Гершъ-Янкелемъ, все это мигомъ исчезло и вмѣсто всего этого осталась только одна жгучая потребность, какъ можно скорѣе спасти свою дочь.

Онъ бросился къ ногамъ отца Андрея и зарыдалъ какъ маленькій ребенокъ.

Отецъ Андрей былъ далеко не изъ храбрыхъ и къ тому же имѣлъ доброе сердце. У него самого слезы навернулись на глазахъ. Но чего отъ него хотятъ, что онъ можетъ сдѣлать?

Тогда на сцену выступили Гершъ-Янкель съ Цудекомъ. Хацкель дѣйствовалъ на сердце, они старались дѣйствовать на разсудокъ отца Андрея.

— Все, что только вы не потребуете, мы готовы дать: можетъ ли богатство старосты сравниться съ тѣмъ, что въ со-

стояніи давать Цудекъ и Хацкель? Подумайте только, какое счастье предстоитъ вамъ, если вы согласитесь выдать намъ Хаю...

Цудекъ горячился, шлевалъ, жестикулировалъ, его всклокоченная борода такъ и подпрыгивала, а ермолка вмѣсто темени очутилась на затылкѣ. Напротивъ, Гершъ-Янкель былъ хладнокровенъ; онъ говорилъ тихо, даже на полъ тона ниже, чѣмъ обыкновенно, съ паузами; поглаживая одной рукою свою длинную бороду, онъ другой теребилъ рясу отца Андрея, какъ это дѣлаютъ люди въ интимномъ, задушевномъ разговорѣ. Онъ мало касался матерьяльной стороны вопроса; онъ болѣе билъ на нравственную сторону, на родительскія чувства и, какъ нѣкогда старикъ Пріамъ смягчилъ желѣзнаго Ахилеса, напомнивъ ему о его отцѣ, такъ и Гершъ-Янкель напомнилъ попу о его дочери, съ которой можетъ случиться такое же несчастье какъ и съ Хаею... Богъ Израиля великъ и жестоко мститъ за обиды... Пусть онъ послушаетъ то, что говорилъ ихъ цадикъ: устами Всевышняго онъ изрекъ, что Хая не можетъ быть женою Остапа, такъ какъ она невѣста и притомъ еврейка. Всевышній этого не желаетъ... Можетъ ли простой смертный идти противъ желанія Творца Небесъ... Будетъ ли батюшка настолько смѣлъ, что не побоятся Его гнѣва, что не обратитъ вниманіе на приказанія цадика... Богъ караетъ не родителей, а дѣтей... А согласится ли онъ подвести дѣтей подъ гнѣвъ Того, предъ кѣмъ дрожитъ вселенная... И тихій, спокойный тонъ Гершъ-Янкеля принималъ все болѣе и болѣе патетическій, страстный оттѣнокъ. Его собственныя слова воодушевляли его: это не были пустыя слова; они исходили отъ сердца, они были проникнуты убѣжденіемъ, согрѣты внутреннимъ чувствомъ...

Отецъ Андрей все болѣе и болѣе терялъ подъ собою почву. Сначала твердый и стойкій, отрицая даже фактъ своего участія въ этомъ дѣлѣ, онъ мало по малу сталъ терять равновѣсіе. Слезы Хацкеля, обѣщанія Цудека, убѣдительная, задушевная рѣчь Гершъ-Янкеля, принявшая наконецъ торжественно-грозный характеръ, ошеломили его окончательно. Не-

твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, неодаренный діалектическими способностями, онъ терялся среди софистическихъ доводовъ Гершъ-Янкеля. Изъ простаго собесѣдника, изъ скромнаго просителя, послѣдній сталъ вдругъ грознымъ судьеою отца Андрея, и слова его наводили на него ужасъ. Въ его воображеніи носился уже страшный образъ Того, кто безопадно караетъ всѣхъ. Онъ видѣлъ, какъ злой духъ смерти носился надъ его домомъ и устремлялъ свои страшные взоры на его дочь.... Морозъ пробѣжалъ по тѣлу отца Андрея. Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ будто желая отстранить отъ себя грозное видѣніе, но вмѣсто видѣнія въ рукѣ у него очутилась довольно солидная пачка новенькихъ, трещавшихъ бумажекъ, а грозный духъ, который носился предъ его глазами, предсталъ вдругъ предъ нимъ въ образѣ его жены, закутанной въ роскошную кашемировую шаль.

Отецъ Андрей вздохнулъ всею грудью, какъ будто освободившись отъ тяжелаго кошмара, и въ порывѣ душевнаго умиленія протянулъ Хацкелю свою широкую, мозолистую руку.

Цудекъ и Гершъ-Янкель прослезились, а Брайна, забывъ свое неглиже, побѣжала сообщить Рухель, которая въ ожиданіи результата почти безъ чувствъ лежала въ домѣ раввина, о совершившемся великомъ чудѣ.

Черезъ часъ, весь городокъ зналъ, что попъ согласился выдать Хаю, — даже больше, онъ самъ, во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, согласился отвести ее до сосѣдняго городка, гдѣ, на пути, ее будутъ ждаты Хацкель съ Цудекомъ. У всѣхъ отлегло отъ сердца: общее несчастье прошло, и благочестивые граждане городка не могли конечно не видѣть въ этомъ милости Всевышняго и хорошихъ для себя предзнаменованій.

Х.

Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Андрей пріѣхалъ изъ города, онъ сдѣлался неузнаваемъ. Съ нимъ совершилась какая то внутренняя перемѣна, въ его характерѣ произошелъ какой то кризисъ, причины котораго никто не могъ разгадать, даже сама

попадья, которая съ того момента, какъ жирныя плечи ея почувствовали на себѣ легкую ткань кашемировой пали, до того возгордилась, что перестала даже кланяться женѣ управляющаго, отчего та жестоко обидилась и перестала посылать батюшкѣ полынную водку, до которой отецъ Андрей былъ большой охотникъ.

— Не велика особа, чтобы ей кланяться первой, говорила своимъ знакомымъ бабамъ попадья: пускай обижается сколько ея душенькѣ угодно; а полынную водку мы и сами доставимъ, слава Богу, есть на что купить. И она чуть было невыболтнула все, что знала, но къ счастью въ это время въ окно показалась косматая голова ея мужа, и у нея языкъ прилипъ къ гортани.

— А я и забыла, спохватилась она, что за полынной послалъ меня батюшка, и она рысцей побѣжала всей своей грузной особой, какъ будто сзади кто нибудь гнался за нею.... «Лопни хоть сейчасъ, а я все-таки ей кланяться первая не буду; и у меня амбиція есть, ворчала она на бѣгу, думая, что вся перемѣна съ батюшкой произошла только вслѣдствіе отсутствія полынной водки.

А отецъ Андрей въ это время прохаживался вздѣ и впередъ по той самой горницѣ, гдѣ происходилъ его разговоръ съ Остапомъ. Съ тѣхъ поръ прошло очень мало времени, а между тѣмъ его и узнать нельзя было. Онъ сильно осунулся и какъ будто даже постарѣлъ за это время; его большіе на выкатѣ глаза, залпвшіе жиромъ и вѣчно лукаво подмигивающіе, какъ это бываетъ у людей черезъ-чуръ преданныхъ чувственнымъ удовольствіямъ, теперь запали глубоко въ свои орбиты и, благодаря насупившимся бровямъ, приняли какое то суровое выраженіе. Онъ мало говорилъ, а если и произносилъ слово, то непременно бранное... Какой процессъ происходилъ въ его мозгу, что чувствовалъ теперь отецъ Андрей, трудно было бы сказать, потому что собственно говоря, кромѣ какого то безсознательнаго недовольства собой, кромѣ какого то охватившаго его малодушія, онъ ничего не ощущалъ. Тонкаго анализа отецъ

Андрей не зналъ и знать не хотѣлъ. До сихъ поръ его занимала только одна мысль, какъ бы удачнѣе обдѣлать это дѣло, чтобы концы въ воду; но съ сегодняшняго утра нѣчто новое прибавилось къ его душевному настроенію; это именно появленіе Остапа. Почтительно поклонившись и поцѣловавъ засаленную руку попа, Остапъ молча сталъ у дверей.

Отецъ Андрей посмотрѣлъ на него украдкой и, монотонно позѣвывая и крестясь, продолжалъ отсчитывать свои земные поклоны.

Среди царившаго молчанія онъ сталъ чувствовать себя какъ то неловко. «Провались ты сквось землю, анафема!» произнесъ онъ мысленно, отсчитывая послѣдній поклонъ.

Но Остапъ стоялъ крѣпко на своемъ мѣстѣ. Отецъ Андрей украдкой посмотрѣлъ въ его сторону и, не зная какъ бы отдѣлаться отъ непрощеннаго гостя, сталъ вторично отсчитывать поклоны.

Но Остапъ нѣ двигался съ мѣста.

— Тыфу, анафема! громко произнесъ священникъ, которому надоѣли наконецъ поклоны. Ты чего пришелъ!

Остапъ вздрогнулъ и не сразу отвѣтилъ.

— Ты зачѣмъ пришелъ, спрашиваю, грозно повторилъ отецъ Андрей.

— Какъ сказали, такъ и пришелъ, отозвался Остапъ; сегодня вѣдь въ городъ.

— Сегодня нельзя, грубо оборвалъ попъ.

У Остапа потемнѣло въ глазахъ. — Когда же? могъ онъ только спросить.

— Ужé скажу! ты подожди пока... такъ таки уже заразъ и хочешь!.. Самъ объявлю. Пока ступай домой, да грѣховные помыслы брось... Сиди дома и постись... А я призову когда нужно будетъ, продолжалъ забрасывать его фразами попъ, самъ, порядкомъ не понимая, что говорить.

— А съ Хаею мнѣ можно видѣться? робко спросилъ Остапъ.

— Ни, ни, ни за что не допущу до этого грѣха... какъ бы

опомнившись, закричалъ попъ. Грѣхъ великій! какъ можно... Она теперь подь замкомъ у меня... И ты даже къ моему дому не подходи близко, потому грѣхъ большой... А когда кончится, самъ призову... И отецъ Андрей самъ просіялъ, какъ будто сразу нашелъ то, что такъ давно искалъ, надъ чѣмъ проводилъ нѣсколько бессонныхъ ночей...

Молча, съ поникшей головой вышелъ Остапъ, рѣшившись изъ любви къ Хаѣ перенести послѣднее испытаніе.

А отецъ Андрей, проводивъ глазами Остапа, почувствовалъ вдругъ, какъ будто сердце у него болѣзненно сжимается. Ему стало жаль парня, такъ жаль, какъ будто бы Остапъ былъ его родной сынъ. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ ему вслѣдъ; было одно мгновенье, когда онъ готовъ былъ кликнуть его назадъ, броситься къ нему на шею и просить у него прощенья... Но горькая полынка, которая въ эту минуту появилась на столѣ, заглушила все... Отецъ Андрей сразу почувствовалъ себя хорошо и, глотнувъ раза два, пошелъ дѣлать нужныя приготовленія...

Цѣлый день онъ возился на своемъ дворѣ. То онъ зайдетъ въ конюшню, то въ сарай, то опять въ конюшню. Разъ десять онъ осмотрѣлъ свою недавно купленную новенькую бричку какъ бы желая удостовѣриться, выдержитъ ли она предстоящее испытаніе. Наконецъ онъ призвалъ работника и приказалъ ему смазать оси и наложить лошадямъ побольше сѣна.

— Да смотри, не жалѣй дегтя, слышишь! бросилъ онъ на ходу работнику.

Было уже совсѣмъ темно, когда отецъ Андрей вошелъ въ комнату Хаи.

— Ну, дочка, вставай! произнесъ онъ, весело подмигивая. Хая вздрогнула.

— Нужно ѣхать, произнесъ онъ уже болѣе строго.

— Куда? бессознательно спросила Хая; но тотчасъ опомнилась и прибавила: А Остапъ?

— Ого! съ какой то неестественной веселостью заготовалъ отецъ Андрей; сказано дурныя дѣвьи, значитъ и правда.. А

на что намъ Остапъ... Но видя, что Хая все болѣе и болѣе блѣднѣетъ, прибавилъ:—Ну, ну не бойся, Остапъ уже давно тебя ждетъ въ сосѣдней корчмѣ...

И онъ сталъ ей объяснять, почему Остапъ не могъ выгнать съ ними вмѣстѣ, почему они выбрали именно ту корчму и т. д.

Хая повѣрила и стала собираться въ путь. Но она все-таки никакъ не могла совершенно успокоиться. Она была такъ потрясена событіями послѣдняго времени, что малѣйшаго возбужденія было достаточно, чтобы снова произвести цѣлую бурю въ ея внутреннемъ мірѣ. Въ послѣднее время она находилась въ какомъ то чаду. Весь міръ со всѣми его интересами былъ для нея чуждъ. Она никого и ничего не знала, кромѣ Остапа... Въ немъ сосредоточились вся ея жизнь, всѣ ея помыслы. Оставить родительскій домъ, забыть прежнія привязанности, отрѣшиться отъ своего Бога, предъ которымъ она дрожала, но въ то же время и благоговѣла, на все она была готова... Да и развѣ это такъ трудно, когда впереди вся жизнь... Но когда попъ объявилъ, что нужно ѣхать въ городъ, она какъ будто разомъ очнулась. и все, что, казалось ей такъ легко, такъ просто, разомъ предстало предъ ней со всей своей подавляющей силой.

— Куда, зачѣмъ въ городъ? промелькнуло у нея въ головѣ. Что она тамъ будетъ дѣлать?.. Но въ это время предъ ея глазами пронесся образъ Остапа, и она опять все забыла и опять ей показалось, что все это такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что ее ждетъ впереди.

Стукъ колесъ вывелъ ее изъ этого состоянія. Она быстро одѣлась и выбѣжала на крыльцо.

— Ну, садись, дочка, полумягко, полусурово произнесъ попъ, съ трудомъ удерживая на мѣстѣ рваншихся впередъ лошадей.

— А Остапъ же гдѣ? снова и также безсознательно вырвалось у Хай.

Но отецъ Андрей не счелъ нужнымъ отвѣчать. Онъ только

нахмурился и какъ-то изъ подълобья взглянулъ на усѣвшуюся рядомъ съ нимъ дѣвушку.

Лошади тронулись.

XI.

Корчма, которую содержалъ почтенный и богобоязненный Мендель, и которая по условію должна была служить мѣстомъ встрѣчи отца Андрея и родителей Хаи, стояла верстахъ въ десяти отъ Красны, на проселочной дорогѣ, ведущей въ тотъ самый городокъ, гдѣ жилъ падикъ. Поклонники падика часто останавливались въ корчмѣ Менделя, и не мудрено, что послѣдній зналъ всѣ чудеса, какія когда либо творилъ или будетъ творить этотъ великій мужъ, и не упускалъ случая рассказывать о нихъ всѣмъ и каждому.

— Вы не знаете, ребѣ Гершъ-Янкель, что это было за чудо... Только одинъ бааль-шемъ *, миръ праху его, имѣлъ такую силу — чуть ли не въ десятый разъ рассказывалъ Мендель одно и тоже, желая вѣроятно занять своихъ озабоченныхъ гостей.

Но Гершъ-Янкель былъ несговорчивъ; медленно и молча шагаль онъ по маленькой комнатѣ, которую гостепріимный Мендель отвелъ ему и родителямъ Хаи, еще наканунѣ пріѣхавшимъ въ корчму. Не до рассказовъ было ему теперь. А что если попь надуть ихъ и не пріѣдетъ вовсе! промелькнуло у него въ головѣ, и при этомъ онъ какъ то невольно взглянулъ на Рухель, которая, съжившись, лежала въ кровати хозяйки, утопая въ массѣ подушекъ. Жена Менделя насильно навязала ей это почетное мѣсто, не смотря на всѣ протесты Рухель.

— Бѣдной женщинѣ—сказала она—предстоитъ еще много горя впереди, и было бы непростительно съ моей стороны не настаивать на этомъ. Въ другое время Рухель ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы на это, но теперь она была слишкомъ

* Творящій чудеса посредствомъ сочетанія библейскихъ стиховъ.

разбита и физически и нравственно, чтобъ обратить вниманіе на мелочи. Въ горѣ и несчастьи все прощается. А развѣ она не вправѣ считать себя самой несчастной изъ матерей?—И кто ей можетъ помочь, какъ не Богъ и падикъ! И тѣмъ охотнѣе она слушала рассказы Менделя про чудеса сосѣдняго падика, подходившіе къ ея собственному настроенію. Ей тоже могло помочь одно только чудо.

— Слышишь, Хацкель, толкала она своего мужа, чуть ли не на каждомъ словѣ прерывая Менделя; слышишь, точь въ точь, какъ и у насъ—да, сперва Богъ, а потомъ падикъ.

Хацкель соглашался, а Рухель приобрѣтала все больше и больше увѣренности въ успѣхѣ ихъ дѣла.

Но вотъ сальная свѣчка, вставленная въ громадный мѣдный подсвѣчникъ и тускло освѣщавшая маленькую комнату, не замѣтно для присутствующихъ почти уже вся выгорѣла. Мендель пошелъ доставать новую свѣчку, замѣтивъ при этомъ, что еще не поздно, а что свѣча выгорѣла, такъ это просто потому, что сало скверное; это очень часто бываетъ. Но это объясненіе не подѣйствовало; Гершъ-Янкель становился все безпокойнѣе и чаще сталъ прислушиваться къ тому, что дѣлается на улицѣ. Привстала и Рухель и тревожно стала озираться кругомъ. Даже Хацкель, который почти весь день просидѣлъ не двигаясь съ мѣста, и тотъ счелъ нужнымъ встать и подойти къ окну.

— Однако, какъ темно на дворѣ; проговорилъ онъ въ первый разъ за цѣлый день.

— Да, очень темно, замѣтилъ и Гершъ-Янкель: теперь не трудно и заблудиться.

— Я эту дорогу отлично знаю, замѣтилъ Хацкель.

Въ комнатѣ по прежнему воцарилась тишина. Но вотъ на улицѣ раздался какой-то стукъ. Гершъ-Янкель припалъ ухомъ къ стеклу и сталъ прислушиваться.

— Кажется кто-то идетъ, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

У Рухель сильно забилось сердце; она хотѣла встать, но не могла.

— Ничего нѣтъ, произнесъ наконецъ Гершъ-Янкель и отошелъ отъ окна. Но въ эту минуту вбѣжалъ Мендель.

— Ёдутъ, произнесъ онъ шепотомъ; скорѣе!

Всѣ бросились къ дверямъ. Но Гершъ-Янкель остановилъ ихъ.—Оставайтесь тутъ, сказалъ онъ строго; я васъ позову, когда нужно будетъ. И самъ вышелъ вслѣдъ за Менделемъ.

Въ эту минуту къ корчмѣ дѣйствительно подкатила кибитка, и вслѣдъ затѣмъ въ общую комнату вошелъ отецъ Андрей а за нимъ Хая.

Въ комнатѣ никого не было, что очень удивило попа, и, велѣвъ Хаѣ подождать, онъ самъ пошелъ — какъ сказалъ Хаѣ—отыскивать Остапа.

Оставшись одна, Хая стала озираться кругомъ. Какъ поразительно эта комната похожа на ту, гдѣ помѣщается шинокъ ея отца! Тѣже дубовыя лавки, тотъ же голый вѣчно мокрый столъ, таже стойка и таже свѣчка въ глиняномъ разбитомъ подсвѣчникѣ... Невольная дрожь пробѣжала по тѣлу молодой дѣвушки. Ей почему-то страшно стало одной въ этой мрачной комнатѣ, пропитанной спиртными парами. Она быстро встала и направилась къ дверямъ. Но въ эту минуту въ комнату вошелъ Гершъ-Янкель.

— Ты не узнаешь меня, дочь моя,—отчетливо и твердо произнесъ онъ.

Хая поблѣднѣла и затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Остапъ, Остапъ! неистово закричала она. Пустите меня! Но въ эту минуту съ противоположной стороны раздался чей то страшный, раздирающій душу вопль.

На порогѣ стояла Рухель, поддерживаемая Хацкелемъ и женою Менделя.

— Пустите меня, пустите! вопила она. Уже если такъ Богу угодно, то пусть она покрайней мѣрѣ видитъ до чего она довела своихъ родителей... Я тутъ хочу умереть, у нея на глазахъ, и тогда пусть она идетъ куда хочетъ и съ кѣмъ хочетъ...

И среди страшных истерических рыданій, она стала рвать на себѣ волосы и наносить себѣ удары въ грудь.

На Хаю напалъ столбнякъ. Неподвижно и безучастно смотрѣла она на окружающихъ, какъ будто все, что происходило тутъ, не ея касалось. Вопль матери, поддерживаемой всхлипваніями жены Менделя, вздохи самого Менделя и Гершъ-Янкеля, все это сливалось въ какой то глухой непонятный для нея гулъ, издававшійся какими то незнакомыми, какъ будто чуждыми ей людьми, съ которыми у нея никогда не было ничего общаго. Но когда она взглянула на отца, когда увидѣла его жалкую, сторбленную фигуру, его сѣдую дрожащую голову и сухіе безучастно смотрящіе глаза, у нея что то разомъ оборвалось внутри. Она не выдержала и съ страшными рыданіями бросилась къ нему. Хацкель оторопѣлъ. Онъ весь затрясся и сухіе, давно уже не знавшіе плача глаза его, наполнились слезами. Дрожащими руками сталъ онъ гладить голову дочери. Передъ нимъ былъ больной ребенокъ, котораго нужно было успокоить и утѣшить, и онъ это дѣлалъ какъ могъ.

— Не плачь, не плачь, мое дитя, произнесъ онъ едва слышнымъ голосомъ въ то время, когда у него самого слезы лились неудержимой струею.

Но Хая уже давно перестала плакать. Она теперь была совершенно спокойна, какъ будто ничего особеннаго не происходило, и ничего не чувствовала, кромѣ какой то общей усталости и щемящей, болѣзненной пустоты внутри. Какъ будто разомъ что то вырвали изъ ея внутренняго міра и ей ничего не оставили... Она апатично смотрѣла на окружающихъ и безучастно прислушивалась къ словамъ матери, которая утѣшала ее отъ имени падика, обѣщая ей счастливую будущность.

— Пусть скажетъ ребѣ Гершъ-Янкель, да и вы, ребѣ Мендель, знаете, что говорилъ падикъ, рассказывала Рухель. Ты сама увидишь какъ онъ насъ приметъ, когда мы

завтра утромъ явима къ нему... Тамъ и женихъ твой тебя ждетъ.

При послѣднихъ словахъ Хая вздрогнула. На мгновенье ею овладѣло прежнее безпокойство. Она безсознательно сдѣлала движеніе впередъ, но тотчасъ же впала въ прежную апатію.

Мужчины вышли готовиться въ путь. Нужно было къ утру поспѣть въ городъ. Въ комнатѣ остались Рухель и Хая. Кто-то изъ выходящихъ сильно стукнулъ дверь. Хая вздрогнула и подняла голову. Глаза ея встрѣтились съ грустными, умоляющими глазами матери. Хая зарыдала и крѣпко, порывисто обняла мать.

Рухель тоже заплакала. Страшная тоска сжимала ей сердце... Женскій инстинктъ подсказалъ ей причину слезъ дочери.

— Призови на помощь Бога, шепнула она дочери, сдѣлавъ надъ собою неимовѣрное усиліе. Онъ всемогущъ и все можетъ сдѣлать...

— Но я его все таки люблю... вырвалось у Хай.

— Ты его забудешь... постарайся забыть...

— Не могу!.. вырвалось изъ глубины души молодой дѣвушки.

И обѣ женщины притихли.

Когда Гершъ-Янкель зашелъ и объявилъ, что все уже готово и что пора ѣхать, мать и дочь сидѣли молча, какъ будто между ними не было никакого разговора.

Хацкель между тѣмъ досталъ пару изумрудныхъ серегъ изъ красиваго сафьяннаго ящичка и поднесъ ихъ дочери.

— Это я тебѣ дарю, произнесъ онъ, сіяя отъ счастья... А когда сыграемъ свадьбу, то не такой еще подарокъ получишь.

Хая улыбулась и машинально стала примѣрять серьги.

— И такую красавицу мужику отдать! невольно вырвалось у жены Менделя, но она тотчасъ же прикусила языкъ.

Всѣ съ ужасомъ посмотрѣли на нее. Хаю всю передернуло...

Уже совсѣмъ разсвѣло. Солнца еще не видно было, но свѣтлыя и алыя полосы, быстро смѣнявшіяся одна другою, свидѣтельствовали о скоромъ его появленіи. Въ воздухѣ было свѣжо; мѣстами на поляхъ еще лежала тѣнь, которая, исчезая, уступала мѣсто легкому туману, поднимавшемуся отъ земли, отъ сосѣднихъ горъ, отъ чернѣвшаго лѣса, закрывавшаго собою отлогіе берега змѣею извивающейся рѣки. Густой бѣлый паръ отдѣлялся отъ ея зеркальной поверхности, мѣстами обнаруживавшей легкую зыбь.

Не смотря на раннюю пору берегъ рѣки былъ довольно оживленъ. Подводы одна за другой съ трескомъ выѣзжали на досчатый полъ парома. Еще минута—и паромъ тронулся бы. Но въ это время раздался энергическій крикъ Гершъ-Янкеля съ быстро приближающейся кибитки. Онъ безъ жалости гналъ лошадей.

— Это къ падику на субботу, сказалъ одинъ изъ гребцовъ, вытаскивая изъ воды свой шестъ.

— Кугель будетъ смачный, отозвался другой. Среди толпы раздался дружный и веселый хохоть.

— Ну живѣй же, намъ некогда ждать! крикнулъ заправляющій переправой.

Но живѣй нельзя было. Спускъ былъ очень крутой и пришлось остановить кибитку, чтобы спустить сѣдоковъ.

Хая первая взопла на паромъ. Она была сильно закутана во избѣжаніе всякихъ случайныхъ встрѣчъ, такъ что лица ея совсѣмъ нельзя было видѣть. Только черные глаза ея горѣли неестественнымъ блескомъ, и какъ бы что то высматривали. Она стала сбоку выерко нагруженной мѣшками подводы. Рухель стала тутъ же.

— Вотъ сейчасъ будетъ и городъ,—шепнула она дочери, когда паромъ тронулся;—тамъ уже мы отдохнемъ.

Хая не отвѣчала. Она взглянула въ ту сторону, куда указала ей мать. Тамъ на горѣ, въ сторонѣ отъ лѣса, дѣйствительно виднѣлся городъ. Нѣсколько мгновеній она смотрѣла на сѣрбяющія вдали крыши и купола, затѣмъ перенесла свой

взоръ на лѣсъ, покрывавшій собою почти весь противоположный берегъ, и наконецъ взоръ ея случайно упалъ на гладкую поверхность рѣки.

Легкій паръ еще подымался отъ воды. То тамъ, то здѣсь пробивалась мелкая зыбь, мѣстами перебиваемая совершенно гладкими зеркальными полосами.

Тихо и мѣрно раздавался въ воздухѣ плескъ весель. Хая потянулась, опустила руку въ воду и почувствовала себя какъ то легко отъ этой близости зеркальной рѣки. Вглядываясь въ ея поверхность, дѣвушка причудилось, что вода знаетъ всю ея тайну, всѣ ея помыслы и желанія и что только она можетъ облегчить ея душу... Но вдругъ она быстро отдернула руку и подалась назадъ.

Она оглянулась кругомъ, отыскивая кого то глазами, и затѣмъ опять устремила свой взоръ на рѣку...

Раздался какой то необычный гулъ, паромъ заколыхался, что то тяжелое разрѣзало гладкую поверхность воды. Вслѣдъ затѣмъ раздался чей то раздрающій душу крикъ, и все опять затихло.

Когда первый моментъ испуга прошелъ, всѣ стали оглядываться: Хаи на паромѣ не было. Рухель лежала безъ чувствъ....

Въ этотъ же день за обѣденной трапезой цадика шелъ очень оживленный споръ между его обычными посѣтителями и поклонниками.

Дѣло шло о необычайной смерти Хаи, кончина которой была тѣсно связана съ именемъ цадика. Большинство рѣшило, что это неслыханное чудо, которое нужно записать въ книгѣ выдающихся событій, на память и въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

Она умерла еврейкой!....

С. Я.

С.-Петербургъ.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ *.

III.

Прошнія еврейскихъ колонистовъ и ихъ послѣдствія.

Судя по его перепискѣ, Лановъ, подобно Контеніусу, былъ человекъ безпристрастный. Онъ провѣрилъ, что поселяне, просившіе у него кормовыхъ, не получали ихъ съ мая 1811 по мартъ 1812 г., хотя онѣ и выводились на нихъ въ расходъ. Между тѣмъ, чтобы не голодать—многіе брали хлѣбъ взаимы у сосѣднихъ помѣщиковъ и крестьянъ, а когда имъ, наконецъ, роздали кормовыя, заплатили ими долги; для своего же пропитанія снова задолжали, потому что въ 1811 г. ихъ постигъ неурожай, заставившій нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ питаться однимъ варенымъ щавелемъ». Въ возникшей прежде всѣхъ Эфенгарской колоніи, Лановъ увидѣлъ «всѣ почти дома безъ крышъ, дворовъ, загоронокъ»; тамъ-же «кромѣ Оберъ-Шульца Финкенштейна никто почти ничего не сѣялъ». Точно также и въ другихъ колоніяхъ нашелъ онъ «посѣяннаго ярового недостаточно, а нивы худо обработанными». Всѣ поселяне «оправдывались двухъ лѣтними неурожаями, непрерывными болѣзнями, угнетавшими ихъ вплоть до конца 1811 г. и неопытностью въ земледѣльствѣ». Не отрицая этихъ несчастій, Лановъ, впрочемъ, прибавлялъ, что «бѣдности ихъ нельзя не приписать также и лѣность и нерадѣніе, которыя тоже примѣчаются». Кромѣ того, нѣкоторые «шатались по ближайшимъ городамъ торговать, по старой

* См. „Восходъ“ кн. I и II.

привычекъ, пренебрегали увѣщаніями и даже приказаніями заниматься земледѣліемъ». Тѣмъ не менѣ Лановъ вывелъ заключение, что они «сильно раскаиваются въ своихъ поступкахъ». А что раскаяніе ихъ было искреннее—это подтверждалось тѣмъ, что Ланову «всѣ общества дали клятвенное обѣщаніе стараніемъ поправить свое хозяйство, если имъ помогутъ денежными средствами», при этомъ они ему заявили, что ежели «нарушать клятву, то предоставляютъ себя подѣ всякое наказаніе». Въ свою очередь Лановъ предварилъ ихъ, что коль скоро они и затѣмъ «обмануть ожиданіе начальства, то оно подвергнетъ ихъ строжайшему взысканію и оставитъ безъ всякаго сожалѣнія, въ какомъ бы бѣдственномъ отношеніи они не очутились». Далѣе Лановъ, «для отвращенія еврейской сугубой нищеты, болѣзненности и преждевременной смерти»—роздалъ имъ кормовыхъ, кому сколько считалъ нужнымъ, не смотря на то, что самолично увѣрился, что «однѣми кормовыми нельзя ограничиться, а должно исправить ихъ соразмѣрно ихъ нуждамъ ссудой, которая выведетъ ихъ изъ крайняго затрудненія, да и заплотится, тогда какъ кормовыя служатъ поводомъ къ лѣни и нерадѣнію». О томъ же, въ чемъ именно евреи нуждались,—они подали Ланову, на имя Ришелье, особыя просьбы, а принять ихъ рѣшился онъ собственно потому, что евреи «дѣйствительно доведены до самаго жалкаго положенія».

Прошенія исходили отъ имени колонистовъ всѣхъ деревень. Содержаніе ихъ весьма характеристично, и мы передаемъ ихъ здѣсь въ немного лишь сокращенномъ видѣ.

„Осмѣливаемся кратко изъяснить всего нашего сословія нужды — писали Ришелье камянскіе поселенцы,—нужды, послѣдовавшія единственно отъ поступленія собратіи нашей въ земледѣльческой классѣ, не знаяши всему тому масштаба и считая произвести безъ собственныхъ трудовъ, а болѣе надѣялись на милость его величества. Собраніе наше твердо уповало получить все готовое, безъ участія трудовъ своихъ, какъ-то: дома, скоть и земледѣльческія орудія, радовались тому, что получать, какъ менониты, по 25 к. на путевое содержаніе до

поселенія; самые бѣднѣйшіе желали воспользоваться этою милостію, спѣшили въ Новороссійскій край и въ этой надеждѣ сбывали свои собственные пожитки, дабы скорѣй до мѣста достигнуть, а по прибытіи получить издержки возвращенными. Между нами были и достаточные, но чрезъ отдаленность до Новороссійскаго края, помогая другъ другу, сдѣлались въ равномъ положеніи съ бѣдными. Государь Императоръ изливалъ на насъ щедрія милости свои, производя кормовыя деньги, для поддержанія нашей собратіи, по сіе время, а нынѣ прибывшій къ намъ старшій товарищъ главнаго судьи, Надворный Совѣтникъ Лановъ, обозрѣвая колонію нашу,—нашелъ не въ такомъ порядкѣ, какъ поселенцамъ быть должно. Извѣстны были причины—болѣзни, каковыми были одержаны почти три года. Получали мы деньги ассигнаціями, когда на товары, скотъ, лѣсъ и другіе припасы высокія цѣны пренятствовали исправиться. Однакожъ хозяйства, на выданныя отъ казны деньги—уцѣлѣли, но прибавленія никакого къ нему нѣтъ. Все сіе послѣдовало отъ нашего недоумѣнія, болѣзней, возвысившихся цѣнъ, худыхъ урожаевъ (самъ г. Лановъ былъ худому нашему хлѣбоурожаю очевидцемъ) не только у евреевъ, но и у сосѣднихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Нынѣ же другъ по другу знаемъ, что кормовая выдача есть напрасна и бесполезна: онокъ всякій располагаетъ по волѣ своей и требуетъ ихъ отъ члена впередъ на цѣлый годъ, но въ послѣдствіи не скажетъ, что быть можетъ. Если бы милость Государя могла послѣдовать, то лучше-бы выдать единовременно хозяевамъ—по 250 р., для исправленія: вопервыхъ, самонужнѣйшаго одѣянія; во вторыхъ, инструментовъ: топоры, долота, косы, серпы и проч., ибо евреи, не бывъ въ земледѣліи хозяевами, не привезли съ собою орудія, а здѣсь хотя и кушили, но по необходимости все оное употребляя положами и безвременно растратили; въ третьихъ, евреи парокъ воловъ не могли вспахивать цѣлинной земли, коя подымается для посѣва хлѣба четырьмя парами воловъ (иначе въ семь полуденномъ краѣ средствъ нѣтъ),—то еще пары воловъ; въ четвертыхъ, евреи хотя всѣ нуждаются въ овцахъ, но по неизмѣннѣ гдѣ ихъ держать и по незнанію за ними ухода, выдача денегъ неизвѣстна, а учредить общую складку денегъ, и скупить овецъ и поручить ихъ одному изъ русскихъ крестьянъ пастуху; наконецъ и по другой коровѣ отъ казны. О посѣвѣ можемъ вѣрно утвердить, что не бывъ въ настоящей практикѣ хлѣбопашества показывается имъ, что такъ все дѣлаемъ, какъ русскіе крестьяне, видимъ посѣвъ и урожай хлѣба одинаковъ, но до рукъ нашихъ не доходитъ; тому причины: не надлежащій выростъ, засѣвъ густо или рѣдко, не такъ сожжемъ, или дадимъ

перестоять, перевеземъ безъ осторожности, безвременно, вымолотимъ и очистимъ не такъ, какъ русскіе крестьяне, отчего часть хлѣба теряется; съ посѣянной четверти едва-ли получаемъ сѣмена, стало быть евреи должны выучиться сперва самонужнѣйшему хозяйству, ибо по краткомъ времени—въ три года—не могли еще понять первоначальнаго правила хлѣбопашества. Униженно просимъ исходатайствовать ссуду, обязуемся при томъ быть вѣрными и настоящими хозяевами въ земледѣліи въ послѣдующія времена; поддержимъ хозяйства, исправленныя на выданныя намъ въ ссуду отъ казны деньги; просимъ яко покровителя водворенія нашей собратіи не оставить насъ милостію, каковую должны хранить и потомками наши*.

„Внимая манифесту — излагали Ингульскіе поселяне—мы, по примѣру колонистовъ, рѣшились выходить въ земледѣльцы, разумѣя получать все, какъ колонисты. Правда насъ нельзя назвать иностранцами: мы жили въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, но не имѣя собственной земли и своего отечества, мы бѣдѣе еще иностранцевъ. Мы рѣшились, переимѣня образъ нашей жизни, сбывая за безцѣнокъ все излишнее для пути, терпя разныя трудности въ дорогѣ, безъ всякаго въ ней пособія,—идти черезъ не малое пространство до мѣстъ водворенія, черезъ что лишились весьма многого имущества. Пришедши сюда, снабжены мы были деньгами и частію лѣсомъ на постройку домовъ, кои мы подѣлали собственными руками, изъ имѣющагося здѣсь камня, такъ прочно и крѣпко, что можемъ въ нихъ на долго имѣть хорошіе пріюты. Кормовыя сначала получали по 5 к. въ сутки, а теперь по 8 к., но къ подкрѣпленію и усовершенствованію нашихъ хозяйствъ—сіи выдачи весьма не достаточны; путевыхъ-же и фуражныхъ, какъ колонисты,—не получали. Съ рвеніемъ и трудомъ, принуждая себя, принялись мы за хлѣбопашество, но неопытность наша, почти несродное намъ занятіе, неурожай въ двухъ нашихъ посѣвахъ, каковой и сего лѣта отъ бездождія предвидится,—болѣзни, гнетущія насъ отъ переимѣны климата и водъ,—весьма много препятствуютъ намъ въ обзаведеніи, и мы уже дошли до того, что нѣкоторые изъ насъ къ прикрытію своему почти одежды не имѣютъ; однакожь усиливаясь рѣшились мы все претерпѣть, чтобы увѣрить правительство и Государя, что опытъ изъ евреевъ, народа, повидимому неимѣющаго способностей къ земледѣлію,—сдѣлать земледѣльцевъ,—не есть напрасный. По новости нашей мы и теперь довольно сѣяли, но для годоваго нашего содержанія все еще не достанетъ, будущіе же посѣвы могутъ быть годъ отъ году увеличены—и мы современ-

немъ содѣлаемся прямыми земледѣльцами въ пользу и славу нашего Государя.—Но только теперь униженнѣйше просимъ *воззрѣть и на насъ также, какъ и на иностранныхъ колонистовъ*, и испросить къ подкрѣпленію нашихъ хозяйствъ послѣдней Царской помощи—каждому хозяину по двѣсти руб., безъ чего всѣ произведенныя намъ отъ казны разновременныя кормовыя и ссудныя выдачи весьма—въ маломъ количествѣ—не только не поправятъ нашихъ поселеній, но отъ унынія и отчаянія доведутъ насъ до того, что мы не въ состояніи будемъ возвратить ихъ; за полученіемъ же послѣдней милости смѣло увѣрить можемъ, что все, полученное нами, будетъ, современемъ сторпцею вознаграждено, съ таковымъ чувствованіемъ, что однимъ только, чрезъ столь вѣка, разсѣяаннаго нашего народа собраніемъ во единныя мѣста—имя премилосердаго Государя отъ насъ и чадъ нашихъ превознесенія во вѣки вѣковъ аминь“.

«Имя Васъ благодѣтелемъ и покровителемъ иностранцевъ, начали Нагартавскіе поселенцы свою просьбу, и поставляя себя въ числѣ таковыхъ, осмѣливаемся прибѣгнуть съ нашею просьбою. Не описывая нашего перехода на пожалованныя намъ пустопорожнія казенныя земли,—скажемъ, что мы, какъ и прочіе нашего закона поселенцы, получали ссудныя и кормовыя деньги, но по увеличившейся дороговизнѣ весьма все въ маломъ количествѣ, но все же сдѣлали уже два посѣва. Мы, съ новозаводимыми нашими хозяйствами, уподобляемся младому отроку, который получая отъ родителей должное воспитаніе, по возрасту малолѣтнему не можетъ еще вдругъ имѣть собственнаго своего пропитанія, но требуетъ еще, до возмужалости, поддержанія отъ родителей. И мы, получа отъ щедротъ Государя ссуды, не можемъ еще вдругъ на нихъ опереться, тѣмъ болѣе, что переходъ нашъ на сіи земли былъ на собственномъ коштѣ; пережньи воды, климата и происходящія отъ того болѣзни, неурожай въ двухъ нашихъ посѣвахъ не допускаютъ насъ укрѣпиться въ хозяйствахъ; а потому и ходатайствуемъ о пособіи: 10-ти семействамъ достаточноѣ—по 100 р., 26-ти семействамъ побѣднѣ—по 150 р., а бѣднѣйшимъ 36 семействамъ—по 200 р. Воззрите на насъ человѣколюбивымъ вашимъ окомъ, подайте способъ усовершенствовать новыя хозяйства наши, дабы мы могли содѣлаться прямыми земледѣльцами и быть въ состояніи возвратить современемъ издержки, казною на насъ употребленныя».

«Слѣдуя примѣру собратіи нашей, вышедшей гораздо прежде насъ, писали нагартавцы же, и мы рѣшились, оставя свои старыя жилища,

идти на пожалованныя намъ земли, получили ссуды и обзаведясь нѣскольکو хозяйствомъ, принялись за земледѣліе, но отъ перешны климата и водъ почти половинная часть изъ насъ, впадъ въ болѣзни, не могли заниматься онымъ, а перенеся все и познакомась нѣскольکو съ климатомъ и водою, взялись мы уже, за хлѣбопашество. И хотя тѣ, кои изъ насъ подостаточнѣе и засѣяли небольшую часть хлѣба, но къ совершенному прокормленію себя до новаго урожая весьма много будетъ не доставать. Нѣкоторые изъ насъ, кромѣ небольшой части проса, по недостатку, никакого постѣву не имѣли. Кормовыя сначала получали мы все время какъ и прочіе, кромѣ прошлаго года за сентябрьскую треть 1811 и за два мѣсяца 1812 г. не получали, чѣмъ весьма много обижены противъ прежде вышедшихъ братій нашихъ, которые получаютъ кормовыя по сіе время. Почему и просимъ сравнять и насъ съ ними кормовою выдачею, ибо мы остаемся почти босы и наги, почему повелите: и насъ удовлетворить на цѣлый годъ, или по крайней мѣрѣ до урожая 1813 г. Благоклоннымъ призрѣніемъ дать средства къ совершенствамъ новозаводимыхъ нашихъ хозяйствъ».

«Мы, евреи, народъ непривыкшій къ хлѣбопашеству, заявляли сеидевиныхіе поселенцы, а занимались всегда другими промыслами современи премудраго Царя Давида. Но внимая манифесту, мы разумѣли получать фуражныя и кормовыя въ дорогѣ по 25, а на мѣстѣ водворенія по 10 к. и рѣшились оставить свои жилища и пустились въ дорогу на свои деньги, а нѣкоторые изъ насъ шли водою, платили за поднятіе ихъ на суда. Дорога наша продолжалась до 4-хъ мѣсяцевъ и мы, наконецъ, прибыли въ Кременчугъ, оттуда на наемныхъ отъ казны подводахъ на водвореніе, и получали небольшую часть кормовыхъ, кои тогда-же должны были заплатить за доставку насъ до Кременчуга. А прибывъ на пустопорожній участокъ получили ссудныя на все деньги весьма въ маломъ количествѣ. Изнурясь въ дорогѣ отъ холоду, ненастья и разныхъ безпокойствъ, должны были мы приниматься за постройку домовъ; число семействъ нашихъ и еще прибытіемъ нѣкоторыхъ умножилось, но по случившейся среди лѣта повальной среди насъ болѣзни, мы были въ отчаяніи... Намъ дана была помощь отъ казенныхъ селевій, мы принудили себя кое какъ окончить обстройку, дабы не зимовать въ чужихъ квартирахъ, а окончивъ ихъ должны были запастись сѣномъ, для купленнаго скота и его отчасти накопили; но отъ пожара на степи оно сгорѣло, и мы при всей бѣдности принуждены были покупать сѣно. Среди обширной степи, свирѣлости зимы, весьма для насъ тя-

гостной, взялись мы, никогда неоранную степь, орать. Неопытность наша, недостатокъ вблизи селеній, чтобы научиться принудили насъ для этого нанимать людей, платили по 15 руб. отъ десятины. Между тѣмъ умѣренная, или совсѣмъ малая кормовая выдача *не такъ, какъ колонистамъ* по 10 к. въ сутки, а только по 5 к., при великомъ промѣнѣ большихъ ассигнацій на мелкія, слабо насъ поддерживали, особенно въ степномъ мѣстѣ, гдѣ былъ закушаемъ хлѣбъ для молдавской арміи. Мы бросались въ разныя стороны, не знали гдѣ искать, не находили средствъ. Случалось купить зерно, но не имѣли способоу смолотъ въ муку, отчего зерномъ варили, или въ ручныхъ ступкахъ толкли зерно и ѣли. Вотъ первобытное наше состояніе, но отъ перемены водъ, климата, отъ недостатка, словомъ, отъ отчаянія, унынія и болѣзней, въ теченіи трехъ лѣтъ, померло насъ слишкомъ 200 душъ, не только старыя и малыя, но цѣлыя семейства были жертвою смерти, и теперь осталось только 116 семействъ, сироты, не имѣющія ни пропитанія, ни одѣянія; вдовы безъ всякаго призрѣнія, да и всѣ мы бѣдны, несчастны! Вы нѣкогда были очевидцемъ нашихъ подвиговъ, воззрите и нынѣ на насъ милостивымъ расположеніемъ, удѣлите времени на размышленіе о нашемъ состояніи и добродушіе Ваше избереть помощь усовершенствованія нашихъ хозяйствъ и наградить пособіемъ. Мы всѣ немощи; много терпѣли и ровно просимъ пособія, соразмѣрно тому, какое помыслите и прочимъ еврейскимъ колоніямъ назначить».

«Съ 1808 г.—излагали бобровокутскіе поселяне,—когда былъ для насъ манифестъ выходить въ земледѣльцы, были и мы, по желанію нашему, исключены изъ жѣщанъ. Намъ неизвѣстно было какое число народа назначено и изъ какихъ именно губерній будутъ евреи принимаемы и водворены на казенномъ коштѣ; но рѣшившись на то, распродавши свое имущество, и собравшись къ выходу изъ разныхъ уѣздовъ Малороссійской, Полтавской и Черниговской губерній, послали мы повѣренныхъ въ контору опекунства за испрошеніемъ первоначальнаго пособія. Но сверхъ чаянія объявили намъ дожидаться окончанія водворенія изъ бѣлороссійскихъ губерній евреевъ, а буде желаемъ—водворялись-бы на собственномъ коштѣ. Видя, что долговременное ожиданіе сдѣлаетъ намъ разстройку,—мы принуждены были водвориться, не на назначенномъ, а на собственномъ иждивеніи въ числѣ 174-хъ семействъ. Бывшіе изъ насъ подостаточно построили дома, обзавелись хозяйствомъ и занимались хлѣбопашествомъ, а остальные, побѣдѣе, по болѣзнямъ, непривычкѣ къ работамъ, по климату, по годамъ не могли производить хлѣбопашества и дошли теперь

до бѣдственнаго положенія; другіе изъ насъ по просьбамъ получили небольшое пособіе отъ казны; третьи снабжены были и на дома и на поля отъ казны и хлѣбопашествовали; не занимавшіеся-же онымъ зарабатывали кормъ на сторонѣ промыслами, по билетамъ, а иногда и безъ оныхъ, не могли сами собою обзавестись хозяйствами и теперь ни мѣщане, ни земледѣльцы. Думаемъ иногда просить исключенія изъ земледѣльцевъ, но мысль, что взыщутъ за 5 лѣтъ подати, останавливаетъ насъ. Желали бы мы быть настоящими земледѣльцами, но неопытность и бѣдность самими обзавестись всѣмъ хозяйствомъ въ томъ удерживаетъ. И такъ, мы теперь всѣхъ себя Вамъ, яко начальнику водворенія, передаемъ въ вашу волю и низжайше просимъ: или выключить изъ земледѣльческаго званія тѣхъ изъ насъ кто пожелаетъ, или устроить насъ настоящими земледѣльцами, кто также пожелаетъ. Мы уже отчасти съ послѣдними познакомились и привыкли къ здѣшнему климату и согласились быть земледѣльцами, съ тѣмъ, чтобы намъ на дома, на скоть, на всѣ земледѣльческія орудія, на все хозяйственное обзаведеніе, по существующей дороговизнѣ, на хлѣбъ и на всѣ вещи полная была отпущена ссуда и нѣкоторая часть кормовыхъ. Сіятеlevѣйшій князь! вземлите нашему несчастному положенію, воззрите челоувѣколюбиемъ на насъ и разрѣшите чѣмъ только Вамъ заблагоразсуждено будетъ, дабы могли мы узнать: въ какомъ состояніи и на какой конецъ влачимъ мы бѣдственную и несчастную нашу жизнь?"

Не останавливаясь на характерныхъ особенностяхъ каждаго изъ помѣщенныхъ прошеній, отмѣтимъ вытекающія изъ ихъ сущности нѣкоторые общіе выводы. Хотя всѣ поселенцы объясняли свои неуспѣхи тѣмъ, что земледѣліе чуждая для нихъ профессія, тѣмъ не менѣе они желали непременно посвятить себя этому занятію, если бы правительство снова снабдило ихъ вспомошествованіемъ; всѣ они прямо сваливали свои неуспѣхи на неурожаи, неудачи и неопытность въ хлѣбопашествѣ, всѣ они жаловались на то, что самое переселеніе ихъ раззорило, а на новыхъ мѣстахъ они не обрѣли всего того, на что заранѣе рассчитывали, т. е., что ихъ, какъ сквозить изъ всѣхъ прошеній, обманнымъ способомъ завлекли въ Новороссію и, наконецъ, всѣ они явно претендовали на несравненіе ихъ въ привилегіяхъ съ иностранными колонистами. Они, вѣрно, совершенно упустили изъ виду, что правительство, какъ видно

изъ положенія о евреяхъ 1804 г., никогда и не думало сравнивать евреевъ съ нѣмцами. Послѣднихъ *изъ за-границы* приглашали въ Россію, нуждаясь въ ихъ *знаніи* и ожидая отъ нихъ развитія земледѣлія въ пустынномъ краѣ, почему гостей-нѣмцевъ и приняли съ почетомъ. Между тѣмъ евреи были *русскіе* подданные, и правительство, предлагая имъ обратиться къ земледѣлію, имѣло главнымъ образомъ въ виду улучшеніе ихъ же быта, подвергнувшись сильному потрясенію, вслѣдствіе потребованнаго самимъ же правительствомъ, выселенія ихъ изъ сель и деревень. Степныя болѣзни и неурожаи въ равной степени удручали русскихъ и нѣмецкихъ, какъ и еврейскихъ колонистовъ, и все таки послѣдніе вопили больше всѣхъ о тяжести жизни и бесплодности работы, надо думать потому, что вслѣдствіе физической изнуренности и нравственнаго разочарованія, они больше всѣхъ сдѣлались воспримчивыми относительно этихъ общихъ недуговъ. Но правительство, собственно говоря, нисколько не завлекало евреевъ обѣщаніями, а напротивъ, всячески воздерживало отъ переправки болѣе 300 семействъ въ годъ. Евреи-же, какъ упомянуто уже въ 1-й главѣ, лишены всякихъ средствъ къ пропитанію въ мѣстечкахъ и городахъ Бѣлоруссіи, тайно и явно уходили оттуда партіями, безъ спроса; противъ воли правительства торопились въ Новороссію, точно ихъ предки изъ земли халдейской въ землю ханаанскую, обуреваемые фантастическими мечтами, что ихъ ждутъ тамъ готовые дома, житницы, наполненныя хлѣбами, тучныя стада скота, плодородныя нивы и т. п. Такая наивность со стороны практическихъ сыновъ Израиля можетъ, съ перваго раза казаться непонятной. Но—утопающій хватается за соломенку.

Очень можетъ быть впрочемъ, что евреи въ крайней нуждѣ домогались помощи и въ этихъ видахъ кое что и преувеличивали. Но Лановъ принялъ къ сердцу ихъ жалобы и оказалъ имъ ближайшую помощь. Онъ роздалъ на подкрѣпленіе колонистовъ 19,663 р. 5 к., и отправился знакомить Ришелье съ тѣмъ, что видѣлъ и сдѣлалъ, и создавать «планъ» коренного

улучшенія быта колонистовъ. «Планъ» этотъ заключался въ единовременной помощи на улучшеніе хозяйствъ, на одежду, обувь и на пищу по 10 к. на человѣка на годъ (ржаная мука стоила отъ 10 до 12 р. четверть) всѣмъ деревнямъ:

Камянкѣ . . .	на 661 душу въ 109 семействъ	26,521 р.
Ингульцѣ . . .	» » 99	» 23,463 »
Большому Нагартову	» » 72	» 21,024 »
Малому	» » 24	» 6,900 »
Сейдеминухѣ . . .	» » 125	» 22,961 »
Бобровому Куту . . .	» » 77	» 14,057 »
Эфенгару . . .	» » 34	» 3,400 »
<hr/>		
Итого . . .	на 2,946 » » 540	» 118,326 »

да на сѣмена и приспособленіе домовъ, колодцевъ, садиновъ, дорогъ и проч., всѣмъ этимъ колоніямъ 115,250 р., т. е. согласно составленнымъ Лановымъ подробнымъ математическимъ выкладкамъ, сообразно «насушнымъ», какъ онъ выразился, потребностямъ каждой отдѣльной семьи и деревни, на все и на всѣхъ въ сложности — 233,576 р. ассигн. Планъ этотъ Ришелье одобрилъ и отправилъ въ Петербургъ къ Козодавлеву, прося его исходатайствовать эту сумму, на которую онъ ручался всесторонне устроить и на всегда упрочить существованіе колоній.

Въ это самое время Лифановъ посѣтилъ колоніи, обозрѣлъ ихъ съ *своей* точки зрѣнія. Ему заявили, разумѣется, тѣ-же претензіи, и въ поданной ему на еврейскомъ языкѣ «запискѣ», переведенной по его просьбѣ екатеринославскимъ кагалнымъ раввиномъ Вильненскимъ, повторили видѣнное и слышанное имъ въ колоніяхъ, словомъ тоже, что изложено въ приведенныхъ выше прошеніяхъ.

Еврейскіе колонисты Камянки утверждали, будто ссуды получили: по 100 р. на построеніе домовъ, по 55 р. на покупку пары воловъ, когда и одного за 50 р. нельзя было купить, на возъ и плугъ по 7 р. 50 к., хотя плугъ одинъ стоилъ не менѣе 25 р., на ярмо да на корову по 25 р.; кормовыхъ-же денегъ получали по 5 к. на душу, всегда съ затруд-

неніемъ, а на сѣмена ничего не получали. Долговременное удержаніе кормовыхъ заставило ихъ послѣднее имущество свое закладывать и распродавать, такъ что остались въ крайней нищетѣ. Въ 1809 г. холодъ и голодъ поморилъ ихъ большую половину. Евреи Ингульскіе, пришедшіе въ 1809 г., говорили, что могилевскій губернаторъ сказалъ имъ, будто кормовыхъ денегъ имъ будутъ давать по 25 к. въ день на душу, чего они не получали. По прибытіи въ Елисаветградъ, они отправили нѣсколько человѣкъ съ просьбою въ Екатеринославъ въ Контору, а сами—47 семействъ, болѣе мѣсяца оставались въ Елисаветградѣ, куда потомъ прибылъ чиновникъ Залбахъ, принудилъ ихъ занять въ казначействѣ 380 р. и повелъ ихъ на степь, гдѣ, послѣ шестинедѣльнаго ожиданія, дали имъ кормовыя, за вычетомъ 380 р., по 5 к. на душу. Затѣмъ чрезъ Елисаветградскаго городничаго получили они кормовыя по мартъ 1811 г., а съ тѣхъ поръ имъ ничего не давали, хотя они 4 раза обращались въ Контору. Въ 1809 г. Контора выслала на построеніе домовъ по 100 р., на плуги, возы и прочія домашнія заведенія по 7 р., а чрезъ годъ добавила по 30 р., да на корову по 25 р., на пару овецъ по 8 р. и на жито по 6 р. Эта помощь пришла столь поздно, что сѣять уже было некогда. Въ май 1811 г. поселянамъ дали на яровыя по 15 р. и хотя они и сдѣлали посѣвъ, но тоже уже слишкомъ поздно и вслѣдствіе этого и погибъ. Евреямъ Боброваго Кута, вышедшимъ на свой счетъ, контора дала ссуду въ 6,000 р. Обхожденіе начальства съ евреями Лифановъ призналъ неприличнымъ *, а образъ дѣйствій—несогласнымъ съ видами Министерства и тре-

* Въ видѣ образчика этого обхожденія Лифановъ приложилъ выписку изъ указа Конторы смотрителямъ колоній о томъ, чтобы вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ краѣ чумы, „евреевъ, какъ народа жаднаго къ карыстолюбію и слѣдовательно въ теперешнее время самаго опаснаго—не выпускать никуда изъ мѣстъ жительства, до совершеннаго прекращенія заразы“. Смотрителя доносили, что евреи не даютъ сжигать вещи, оставшіяся послѣ зараженныхъ, предпочитая ихъ продавать. Контора приказала отнимать и безпремѣнно сжигать вещи, на что евреи жаловались, говоря, что у нихъ отнимаютъ не зачумленное, а обыкновенное одѣяніе, въ которомъ они сами нуждаются.

бованіями справедливости. Словомъ, колоніи произвели на Лифанова тяжелое впечатлѣніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Лифановъ вручилъ свои замѣчанія Джунковскому. Не столько письменно, сколько словесно велъ Лифановъ обо всемъ «сообщенія» съ Джунковскимъ, который передалъ все слышанное и краткую записку Лифанова Козодавлеву, послѣдній-же потребовалъ: отъ Конторы—объясненія, а отъ Рипелье—заключенія. Контора отозвалась, что выдавала на плугъ по 7 руб. 50 к., по соображенію съ тогдашними цѣнами: 5 р.—на желѣзныя, а 2 р. 50 к.—на деревянныя части плуговъ, въ которые, особенно для оранія цѣлинной земли впрягались 4 пары воловъ, а какъ евреямъ даны были деньги на семью только на одну пару воловъ, то полагалось четыремъ хозяевамъ составлять упряжку, для одного плуга. Если-бы и дѣйствительно нельзя было купить плуга менѣе 25 р., то и тогда четыре хозяева, сложившись по 7 р. 50 к.,—могли исправить по плугу. Отъ перемѣны климата, сырости въ домахъ, происходившей отъ плохого отопленія, а еще болѣе отъ непривычки къ работамъ—поселенцы, какъ Контора подтверждала, дѣйствительно подвержены были жестокимъ болѣзнямъ, почему и смертность между ними была болѣе обыкновенной. Ингульскіе евреи прибыли, по словамъ конторы, въ Елисаветградъ, не давъ предварительно знать, что они минуютъ Екатеринославъ, гдѣ Контора могла-бы снабдить ихъ деньгами, но, узнавъ объ этомъ, — контора командировала титулярнаго совѣтника Залбаха для указанія имъ земли, а вслѣдъ за тѣмъ, для поддержанія ихъ, выслала Залбаху кормовыхъ по 5 к. на душу. Залбахъ въ Елисаветградѣ сдѣлалъ между поселенцами сортировку въ семействахъ, и, не дождавшись кормовыхъ, взялъ у тамошняго городничаго заимобразно по 10 р. на каждое семейство, всего 380 р. и дабы евреи не претерпѣвали нуждъ въ городахъ, по дороговизнѣ квартиръ, размѣстилъ ихъ: сперва—по селеніямъ въ окрестностяхъ города, а потомъ—на зимовыя квартиры, но какъ Залбаху надо было спѣшить въ Херсонскій уѣздъ, то деньги были отправлены къ Елисаветградскому городничему,

такъ, что евреи ожидали денегъ только шесть недѣль. Въ уваженіе бѣдности поселившихся на собственномъ иждивеніи, въ Бобровомъ кутѣ, Контора выдала 43-мъ семействамъ ссуду, соразмѣрно ихъ нуждамъ и на три мѣсяца кормовыя, всего 5,668 р. 90 к.

Вслѣдъ затѣмъ и Рипелье донесъ, что по заявленнымъ Лифанову поселенцами жалобамъ, поручалъ Контеніусу произвести слѣдствіе, а согласно его результатамъ завѣрялъ Козодавлева, что «колонисты настолько легкомысленны, что готовы наказать всего каждому, кто только проѣздомъ черезъ колоніи будетъ ихъ выслушивать; жалобы-же происходили отъ однихъ празднوليбуивыхъ, а не отъ добрыхъ хозяевъ». Со своей стороны Рипелье просилъ Козодавлева скорѣе исходатайствовать, чтобы исчисленная Лановымъ сумма (233,576 р.), для единовременной выдачи евреямъ, была отпущена въ его распоряженіе. Далѣе, онъ заявилъ, что евреи, употребивъ «по силамъ своимъ, на посѣвъ всевозможное стараніе и деньги не получили, послѣ жатвы, хлѣба не только для озимаго или ярового будущаго посѣва, но даже и для пропитанія на зиму». Между тѣмъ они, большею частію, такъ «бѣдны, что не имѣютъ даже одѣянія, нужнаго для укрытія себя отъ наступающаго ненастливаго времени и холоду», слѣдовательно помощь неизбѣжна.

Изъ приложеннаго при бумагахъ Рипелье обслѣдованія Контеніуса, дѣло представлялось вотъ въ какомъ видѣ. Евреи селенія Каменки желали объяснить Лифанову, по комментаріямъ Контеніуса, что по содержанію манифеста полагали, что и они будутъ водворены такъ, какъ иностранные колонисты, которыми, какъ имъ извѣстно, сверхъ кормовыхъ денегъ выдавались и на путевыя издержки отъ границы до поселенія по 25 к. на душу; они же, получивъ отъ казны меньше, понесли оттого не малые убытки, потому что еще на родинѣ принуждены были заблаговременно оставить свои промыслы, для исходатайствованія себѣ паспортовъ, которые не скоро получили, да и отъ прежняго жительства до Кременчуга много издержали своей собственности. По просьбамъ еврейскихъ поселен-

цевъ, что 100 р. на постройку домовъ недостаточно, Контора отпустила имъ на достройку каждого дома еще по 29—30 р., слѣдственно, коли дома и обошлись имъ дороже 100 р., то они удовлетворены уже доданными 29—30 р. на семью. Ежели-же нѣкоторымъ дома обошлись еще дороже, то потому, что по неумѣнью строить избы,—они нанимали для этого сосѣднихъ крестьянъ, а по незнанію цѣнъ — платили имъ дороже обыкновеннаго. Евреи, какъ объясняли Контеніусу, желали-бы имѣть рубленые дома, какіе видѣли у менонитовъ, но «прихоть сія, по мнѣнію слѣдователя, неумѣстна: менониты—люди достаточные, строили дома отъ собственности», а по отдаленности поселенія евреевъ отъ судоходныхъ рѣкъ,—рубленые дома, въ которыхъ нѣтъ надобности, стоили-бы очень дорого; при хорошемъ же хозяйствѣ и соблюденіи опрятности и еврейскія избы могли быть выгодны и здоровы. Въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ камня, земляныя, плетенныя, обмазанныя избы дѣлались не только у всѣхъ помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ, но и нѣкоторые помѣщики, по дороговизнѣ лѣса и великому затрудненію доставлять его сухимъ путемъ, — для себя тоже строили земляные или плетневые дома. Значитъ, жалоба евреевъ касательно ихъ домовъ, несправедлива. Деньги евреямъ на волы, коровы, овцы и земледѣльческія орудія раздавались сообразно съ существовавшими тогда цѣнами; затѣмъ, если евреи и приобрѣтали скотъ и орудія дороже, нежели слѣдовало, то по незнанію доброты вещей допускали себя обманывать; или же купили дешевые, но не годные предметы завѣдомо, чтобы отъ каждой покупки сберечь часть денегъ; наконецъ, иные имѣя деньги въ рукахъ, «по склонности къ лакомству», —растрчивали ихъ на прихоти... Деньги на озимыя сѣмена выданы были евреямъ не въ октябрѣ, а въ началѣ сентября 1810 г., при немъ, Контеніусѣ, какъ сами они сознались; что же касается пропажи сѣмянъ, то это случилось не отъ поздняго посѣва, а отъ долго продолжавшихся, въ то время, проливныхъ дождей. Выдача кормовыхъ затягивалась отъ позднихъ представленій смотрителей и отъ недостатка суммъ въ Конто-

рѣ. Деньги на яровыя сѣмена въ 1810 г. отправлены изъ Конторы—13 марта, смотрителемъ получены—5, а розданы, подъ росписки евреевъ—11 апрѣля, стчего евреи говорили не вѣрно, что получили въ мартѣ. Изъ всѣхъ евреевъ только пять человѣкъ купили овецъ на полученныя отъ казны деньги, которыя употребляли на другія надобности. Ежелибъ овца тогда и стоила 8 р. и евреи хотѣли-бы ихъ имѣть, то вмѣсто пары, могли бы купить по одной, отчего въ теченіи двухъ лѣтъ у всѣхъ хозяевъ могло-бы ихъ быть, какъ Контеніусъ евреямъ доказалъ, по крайней мѣрѣ 300 овецъ, тогда какъ ихъ было только 11 штукъ. Прибыли 112 семействъ въ сентябрѣ; въ октябрѣ 1809 г. отпущены были смотрителю Попову совмѣстно съ ними деньги на покупку лѣса на дома на каждое семейство по 75 р., а въ апрѣлѣ 1810 г. евреи подали прошеніе, что Поповъ покупалъ лѣсъ не подобающимъ образомъ. Контора нарядила слѣдствіе, которое выяснило виновность Попова и онъ преданъ суду.

Суду на коровы, овцы и озимыя сѣмена евреи получили въ сентябрѣ 1810 г., а на волю, достройку домовъ, плуги и проч. въ маѣ 1811 г. Произошло это потому, какъ Контеніусъ дознался, что для уравниванія всѣхъ евреевъ имъ было назначено по 244 р. 29 к. на семейство, но по неимѣнію Конторою свободныхъ суммъ дали имъ только на коровъ, овецъ и яровыя сѣмена по 39 р., а по ассигнованіи Конторѣ суммъ, евреямъ дали плуги и достройку домовъ въ мартѣ 1811 г. Это и повлекло за собою остановку въ первоначальномъ хлѣбопашествѣ евреевъ: безъ воловъ, плуговъ и земледѣльческихъ орудій имъ нельзя было приступить къ оному. Справедливо, говорить слѣдователь, и то, что отъ поздней выдачи ссудныхъ денегъ и лѣса евреи, проживъ почти два года безъ домовъ и хозяйства, много претерпѣли и разстроились болѣе прочихъ. По неимѣнію мелкаго достоинства денегъ евреямъ дѣйствительно давали 25, 50 и 100 р. ассигнаціями, но въ числѣ ихъ не рѣдко получали они и мелкія ассигнаціи. Впрочемъ, евреи какъ и всѣ обыватели въ краѣ, платили за промѣнъ на мѣдныя

деньги, лажу обыкновенно 3—5 к. съ рубля. Нѣкоторыя выдачи кормовыхъ производились дѣйствительно не во-время, сперва—по 5, а потомъ—по 8 к. въ сутки на душу и недостаточна была для ихъ прокормленія, почему они, особливо при угнетавшихъ ихъ болѣзняхъ, забирали у сосѣдей хлѣбъ въ долгъ дорогою цѣною, а для уплаты продавали свое имущество. Всѣ поселенцы, при первоначальномъ переселеніи изъ края въ другой отъ переменны климата и воды, подвержены бывають болѣзнямъ, а евреи страдали еще и болѣе по непривычкѣ къ сельской жизни. Падежи скота въ край были обыкновенныя явленія. Точно также у евреевъ, какъ и у прочихъ поселенъ, пропадалъ скотъ; однакожь показаніе ихъ будто всѣ коровы ихъ въ 1810 г. подошли преувеличено: у нихъ осталось довольно рогатаго скота. Недостатокъ у евреевъ сѣна на зиму для скота происходилъ отъ небрежнаго употребленія его, какъ Контеніусъ имъ и доказалъ. У евреевъ съ начала ихъ прибытія часто крали воловъ, лошадей и прочій скотъ потому, что плохо караулили; кромѣ того ежели въ шабашъ крали скотину, евреи, по закону своему, не преслѣдовали воровъ, хотя-бы и видѣли куда скотина уведена. Воры, узнавши эти выгодныя для нихъ еврейскіе обряды и ихъ безпечность,—пользовались ими наиболѣе подъ шабашъ.

Таково въ общихъ чертахъ донесеніе Контеніуса. Что же касается подробнаго отчета въ издержанныхъ для евреевъ деньгахъ (со времени первоначальнаго поселенія по октябрю 1812 г. 345.459 р. 82 к.) министерство все еще тщетно добивалось не только отъ Рипелье, но даже и отъ Конторы, которая, точно издѣваясь надъ долготерпѣніемъ министерства, безцеремонно еще высчитала неизбѣжнаго, по ея соображенію, на одинъ лишь 1813 г., новаго для евреевъ расхода на кормовыя, домообзаведеніе и проч. 166.952 р. 51 к., прибавивъ, при томъ, что «на сѣмена, для озимаго посѣва бѣднѣйшимъ евреямъ, она уже выдала 6.500 р.» Тогда министерство не выдержало, тѣмъ болѣе, что предъ обзоромъ колоній, составленнымъ Лифановымъ, въ глазахъ министерства совершенно померкли и

«планъ» Ланова (онъ былъ отвергнутъ по значительности затраты) и «слѣдствіе» Контеніуса, и заявленіе Рипелье, что жаловались «легкомысленные и худые, а не добрые хозяева».

И вотъ, чтобы разрубить гордіевъ узелъ, сильно безпокоившій министерство, или вѣрнѣе Джунковскаго, онъ убѣдилъ Козодавлева въ настоятельной необходимости такой крутой, чрезвычайной мѣры, которая исходила-бы отъ самого Александра I. Козодавлевъ, согласившись со взглядомъ Джунковскаго, со словъ Лифанова о незавидномъ положеніи всѣхъ вообще колоній, доложилъ Александру I, а въ результатѣ этого доклада явился Высочайшій указъ Рипелье слѣдующаго содержанія:

«Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ Мнѣ отношенія Ваши къ нему касательно издержекъ по части водворенія поселенцевъ и самаго ихъ состоянія. Желая всегда видѣть устройство сей части государственнаго хозяйства въ порядкѣ, ей назначенномъ, какъ то и въ указѣ Моемъ, на имя Ваше отъ 9 декабря 1811 г., изъяснено было, вижу я, однако, изъ собственныхъ Вашихъ донесеній, что она какъ въ расчетахъ, такъ и въ самомъ существѣ своемъ не достигла еще первоначальной ея цѣли. Не безызвѣстны Мнѣ многія затрудненія, кои Вы по дѣламъ поселенія встрѣчали. Самыя занятія ваши при управленіи трехъ губерній, вамъ вѣренныхъ, отвлекаютъ уже Васъ отъ дѣятельнаго и личнаго наблюденія за поселеніями. Всѣ сіи неудобства умножаются еще отъ недостатка у Васъ надежныхъ чиновниковъ, чрезъ посредство коихъ Вы въ управленіи семъ могли бы дѣйствовать. Вслѣдствіе сего поручилъ Я Министру Внутреннихъ Дѣлъ отрядить отъ себя двухъ чиновниковъ довѣренныхъ, которые могли бы, подѣ Вашимъ главнымъ начальствомъ, обрѣзывать, надлежащимъ образомъ, счета Новороссійской Опекунской конторы, съ помощію одного изъ членовъ Екатеринославской казенной палаты; а притомъ войти въ мѣстное разсмотрѣніе состоянія и нуждъ самихъ поселенцевъ и вамъ содѣйствовать къ устройенію ихъ жребія наилучшимъ и съ Моею волею согласнымъ образомъ. Сіи чиновники снабжены будутъ инструкціею, по которой, сообразно указу, данному отъ Меня Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Вы не оставите, яко главный начальникъ края, подавать имъ отъ себя всевозможные способы къ исполненію сего ихъ порученія. Предоставляя Вамъ сіе новое удобнѣйшее средство къ приведенію въ желаемое Мною устройство сей части, я остаюсь увѣреннымъ, что вы

употребите всѣ старанія показать усердіе Ваше къ службѣ на самомъ дѣлѣ»

Министру внутреннихъ дѣлъ Александръ I также изложилъ «порученіе» въ слѣдующемъ указѣ:

«Изъ представленныхъ Мнѣ Вами свѣдѣній о суммахъ по водворенію въ Новороссійскихъ губерніяхъ поселенцевъ и о самомъ ихъ состояніи явствуетъ, что при всѣхъ издержкахъ немаловажныхъ суммъ, употребленныхъ и нынѣ употребляемыхъ, многіе поселенцы даже изъ числа прежнихъ, до нынѣ имѣютъ нужду въ пособіи отъ казны, для ихъ жилищъ и пропитанія. При семъ съ одной стороны смѣты, исчисленные на самомъ мѣстѣ водворенія и суммы, изобильно по онымъ отпущенныя, оказались вовсе недостаточными и требуются Херсонскимъ Военнымъ губернаторомъ, частию умноженныя, частию же въ удвоенномъ числѣ; съ другой же—приготовленія къ водворенію поселенцевъ производимы были, по стеченію обстоятельствъ, столь поздно, что они, по прибытіи своемъ на мѣсто, остаются, по большей части, безъ надежнаго пристанища. Всѣхъ таковыхъ затрудненій не могъ Я не приписать отчасти недостатку въ надежныхъ чиновникахъ по тамошней Опекунской конторѣ и изъ коихъ бухгалтеръ Езель, какъ извѣстно, оказался виновнымъ въ похищеніи суммъ, а нѣкоторые въ упущеніяхъ по счетной части. По такимъ причинамъ и въ предупрежденіе впредь отъ подобныхъ чиновниковъ упущеній, а паче, чтобы Херсонскаго Военнаго губернатора облегчить въ попеченіяхъ его о лучшемъ устройствѣ поселеній,—Я признаю нужнымъ поручить Вамъ отправить отсюда въ Новороссійскій край, по избранію вашему, двухъ надежныхъ и довѣрія заслуживающихъ чиновниковъ, коимъ Вы имѣете предписать слѣдующее: 1) Истребовать отъ членовъ и чиновниковъ Новороссійской Опекунской конторы, управляющихъ тамошними поселеніями, подробные отчеты въ издержанныхъ ими суммахъ на разныя поселенія, различая оныя по ихъ родамъ и назначенію и обривизовать тѣ отчеты, приглася къ тому, по избранію Губернскаго начальства, и одного изъ членовъ Екатеринославской казенной палаты. 2) Для лучшей повѣрки счетовъ, осмотрѣть имъ самимъ всѣ тамошнія поселенія, соображая употребленіе суммъ съ настоящимъ состояніемъ поселенцевъ каждаго рода и открыть точныя причины умноженія издержекъ, противъ первоначальнаго онымъ назначенія, основываясь во всемъ томъ на самомъ существѣ вещей и опредѣленныхъ, для поселеній, правилахъ и положеніяхъ. 3) Во все продолженіе ревизіи сей управлять имъ всѣми частями

водворенія въ Новороссійскихъ губерніяхъ и присутствовать, когда нужно, въ Опекунской конторѣ. Имъ должны содѣйствовать во всемъ какъ помощники главнаго судьи, такъ и другіе члены конторы, подъ главнымъ начальствомъ Дюка-де Ришелье, какъ Военнаго Губернатора, управляющаго гражданскою частію, коему дано отъ Меня особое, о себѣ, повелѣніе. Чтоже касается до порядка въ производствѣ дѣла, поручаемаго симъ чиновникамъ, то вы имѣете снабдить ихъ потребною на сіе инструкціею. На путевыя издержки отпустить имъ, изъ общей колоніестской суммы, по полторы тысячи руб. каждому, сверхъ прогоновъ, продолжая, впрочемъ, получаемое ими нынѣ по мѣстамъ, ихъ жалованье. Объ успѣхѣ такоговаго имъ порученія буду Я ожидать отъ Васъ, по временамъ, надлежащихъ донесеній».

Редакція обоихъ указовъ принадлежала, несомнѣнно, Джунковскому-же, потому что предметъ принадлежалъ вѣдомству Департамента Государственнаго хозяйства, которымъ онъ управлялъ. Самые-же указы вполне характеризовали причины неудовольствія мѣстнымъ начальствомъ, да и развязывали министерству руки: «надежные, отсюда, чиновники» становились во всѣхъ отношеніяхъ, не только ревизорами, но и управителями дѣла, на «устроеніе» котораго было потрачено множество человѣческихъ жизней, усилій и денегъ. Такимъ образомъ указы безусловно, казалось-бы, соотвѣтствовали цѣли. Но нѣтъ: министерству видимо казалось мало указовъ, а смотря на предпріятіе съ этой именно точки зрѣнія, Козодавлевъ, вслѣдъ за изданіемъ этихъ указовъ, представилъ Александру I докладъ собственно объ еврейскихъ колоніяхъ.

«Я имѣлъ счастье докладывать по донесенію Лифанова, бывшаго проѣздомъ въ колоніяхъ, о разстроеномъ ихъ состояніи и о жалобахъ, принесенныхъ евреями на малое объ нихъ попеченіе мѣстнаго начальства», излагалъ Козодавлевъ. Въ бытность Ришелье въ Петербургѣ отдалъ ему объ этомъ записку, по которой онъ поручалъ Контеніусу и Ланову учинить изслѣдованіе. Ришелье донесъ, что жалобы были неосновательны и произошли по легкомыслію болѣе отъ лѣнливыхъ, нежели отъ хорошихъ хозяевъ. Между тѣмъ открылось, что изъ 848 семействъ, вышедшихъ на поселеніе, осталось: на лицо—538;

а въ отлучкахъ, частію и безъизвѣстныхъ—88 семействъ. Многіе изъ первыхъ не имѣютъ и домовъ, хотя получили ссуды на все обзаведеніе, а у кого они и есть—то худо устроены, всѣ почти безъ крышъ; прочее заведеніе представляетъ такіе же недостатки и люди терпятъ во всемъ крайнюю нужду. Контеніусъ и Лановъ полагаютъ главною причиною разстройства поселенцевъ — ихъ незнаніе сельскаго дѣла, которымъ они не умѣли и не хотѣли заняться по настоящему. Оба признаютъ единственнымъ средствомъ — новую еврейскъ ссуду, сверхъ полученной ими сполна—въ 115.250 р.» (отъ 100 до 200 р. на семью). Оттого Козодавлевъ полагалъ «сдѣлать всѣмъ поселенцамъ разборъ и рачительнымъ—пособить, на что ассигновать, въ распоряженіе Ришелье, 30.000, а лѣнивыхъ, не имѣющихъ, пропитанія—назначать на всѣ общественныя работы, то же по усмотрѣнію Ришелье». Александръ I утвердилъ это заключеніе и Козодавлевъ извѣстилъ о немъ: министра финансовъ Гурьева, — для отпуска денегъ, а Ришелье — для исполненія, послѣднему же присовокушилъ, что «при разборѣ евреевъ, по его, Козодавлева, мнѣнію, Контеніусъ наиболѣе могъ-бы установить надлежащій порядокъ и дать дѣлу успѣшное теченіе».

Запасшись указами и деньгами, Козодавлевъ, по рекомендаціи Джунковскаго, избралъ «надежными» для исполненія порученія Лифанова и надворнаго совѣтника Лашкарева *, причемъ просилъ Ришелье «принять ихъ въ свое благосклонное вниманіе и покровительство», а Конторѣ предписалъ онъ «безпрекословно исполнять всѣ ихъ требованія». Однако и отправивъ Лифанова и Лашкарева по назначенію, съ самыми важными полномочіями, министерство, по отношенію къ еврейскимъ колоніямъ, все таки еще не успокоилось, а нетерпѣливо ждало обѣщанныхъ Конторою подробныхъ свѣдѣній объ осмотрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, этихъ колоній Лановымъ. Контора доставила, наконецъ, Департаменту и «замѣчанія»

* Еврейскими колоніями, впрочемъ, занимался одинъ только Лифановъ.

Ланова за 1812 г. Изъ этихъ замѣчаній вотъ мы что узнаемъ новаго о колоніяхъ.

Въ *Камянкѣ* было: получившихъ на обзаведеніе ссуду хозяевъ и причисленныхъ къ нимъ—76 семействъ, въ 574 души; приписанныхъ къ деревнѣ, получавшихъ только кормовыя и отпущенныхъ, на заработки, по паспортамъ—2 сем. въ 4 души; кромѣ того находилось въ отлучкахъ: въ извѣстныхъ—безъ паспортовъ—17 сем. въ 55 душъ, а въ неизвѣстныхъ—14 сем. въ 28 душъ, итого 33 сем. въ 87 душъ, а всего 109 сем. въ 661 душу.—Наличные поселенцы деревни посѣяли разнаго хлѣба и другихъ продуктовъ 185 четвертей.

Отъ весны до іюля 1812 г. совсѣмъ почти не было дождей въ окрестностяхъ еврейскихъ колоній, а жары, напротивъ, продолжались, поэтому Лановъ не предвидѣлъ и посредственного урожая. Къ тому-жъ евреи, по словамъ Ланова, отъ неумѣнія обращаться съ колосьями при складкѣ, перевозкѣ и молотьбѣ ихъ—много зерна потеряли, почему онъ полагалъ, что посѣянное не болѣе какъ учетверится имъ по урожая, т. е. изъ 185 четв. посѣяннаго не выйдетъ болѣе 732 чтв. На годовое продовольствіе на лицо и въ извѣстныхъ отлучкахъ находившихся—633 душъ, полагая по 2 чет. на душу, потребно было 1266 чт.; на посѣвъ каждому семейству по 3 чтв. — 228 чт., такъ, что за исключеніемъ предполагавшагося отъ урожая 732 чт.,—не доставало для годового продовольствія наличныхъ поселенцевъ—652 чтв. Земледѣльческихъ орудій и скота поселенцы имѣли: плуговъ, способныхъ къ оранію со всею упряжкой—15, боронъ—17, повозокъ—57, воловъ—34 пары, коровъ—133, прочаго рогатаго скота—85, овецъ—11 и лошадей—15. Дома въ деревнѣ всѣ были кончены, но крыши съ нихъ сняты. Нѣкоторые хозяева старались огараживать дворы свои, дѣлали загороди и токи, которыхъ ни одинъ хозяинъ прежде не имѣлъ. Въ деревнѣ, состоявшей изъ 2-хъ отдѣленій было домовъ: въ первомъ—45, а въ послѣднемъ—21, но на оба одинъ только колодезь «съ весьма нездоровою и затхлою водою»; текучей-же рѣчки и годной для питья людямъ воды не

было; 47 семействъ изъ прибывшихъ въ 1809 г., получили первую ссуду на покупку коровъ, овецъ и озимыхъ сѣмянъ въ исходѣ 1810 г., а ссуду и лѣсъ на дома—въ маѣ 1811 г., почему почти два года жили: лѣтомъ—въ шалахахъ, на отведенной имъ землѣ, а зимою—въ казенныхъ селеніяхъ, такъ, что лишь лѣтомъ 1811 г. выстроили себѣ дома и занялись хлѣбопашествомъ. Сначала ихъ прибытія имъ производились кормовыя по мартъ 1812 г.

Въ деревнѣ Ингулецъ: хозяевъ, получившихъ ссуду, съ приписными къ нимъ людьми, было 86 сем., въ 532 души, а неимѣвшихъ ни домовъ, ни хозяйствъ 13 сем. въ 51 д. Домовъ вполне оконченныхъ имѣли 17, неоконченныхъ 69. Всѣ дома были выстроены изъ бѣлаго нетесаннаго камня, котораго тамъ изобильно. Крыши почти на всѣхъ же домахъ были сняты. Дома недостроены окончательно, потому, какъ увѣряли Ланова, что въ этой работѣ были остановлены болѣзнями. У большей части хозяевъ были уже загороди и токи, тоже изъ камня съ землею смѣшанныя.

Наличные поселенцы посѣяли разнаго хлѣба 279 четв. 1 чек. Если бы урожай и принесъ четверо, то по приведенному выше разсчету, на годовое продовольствіе не хватало бы 235 четв. и 4 чковъ. Земледѣльческихъ орудій и скота поселенцы имѣли: плуговъ со всею упряжкою—14; боронъ—36; повозокъ—71; воловъ—73 пары; коровъ—169; прочаго рогатаго скота—234 и 20 лошадей. Вода изъ рѣки Ингульцы, по удостовѣренію Ланова, тоже не годилась для людей, ибо «лѣтомъ цвѣла». Колодезь, вблизи деревни, существовалъ еще до поселенія евреевъ, которые сами ни одного еще колодца не сдѣлали. Сѣна въ Камянкѣ и Ингульцѣ при урожайныхъ годахъ бывало изобильно, и поселенцы накапывали его столько, что могли бы сверхъ продовольствія своего скота, еще продавать часть, но они такъ нехозяйственно имъ распорядились, что его едва доставало имъ на свой обиходъ.

Въ деревнѣ Большой Нагартонъ: хозяевъ, получившихъ ссуду, было 72 семейства, въ 534 души. Посѣяли они 124 четв.

4 чк. При урожаѣ вчетверо на годовое продовольствіе не доставало бы 786 чк. Земледѣльческихъ орудій и скота имѣли они: плуговъ со всею упряжкою—17; боронь—9; повозокъ—65; воловъ—63 пары; коровъ и прочаго рогатаго скота — 222 и овецъ 10 штукъ. Въ деревнѣ было нѣсколько домовъ съ неснятыми крышами, съ порядочными дворами и загородами, а это Лановъ приписалъ тому, что тамъ жилъ смотритель колоніи Соболевъ, прилежно занимавшійся ихъ устройствомъ. Колодезь былъ только одинъ, но поселенцы брали лѣтомъ «нездоровую воду», преимущественно изъ р. Доброй и Висуни.

Въ деревнѣ Малый Нагартовъ: хозяевъ, получившихъ ссуду и приписныхъ къ нимъ, было 24 сем. въ 175 душъ, посѣяли они 20 чет. и 4 чка. На годовое продовольствіе недоставало 340 четв. Земледѣльческихъ орудій и скота имѣли они: плуговъ—3; борону—1; повозокъ—22; воловъ—22 пары, а прочаго рогатаго скота — 78 штукъ. Поселенцы мало успѣли въ хлѣбопашествѣ потому, какъ объяснялъ Лановъ, что прибыли въ 1810 г. и долго болѣли.

Домовъ въ Большомъ и Маломъ Нагартавахъ было: конченыхъ—24, непокрытыхъ — 49, а начатыхъ—21, всего 94. Обѣ колоніи расселились на безводныхъ участкахъ; отчего во время хлѣбопашества и сѣнокоса поселенцы бочками возили воду изъ р. Доброй и Висуни; они выкопали, правда, колодезь на 5 саж. въ глубину, но вода еще не показывалась. Луговъ для сѣнокоса не было; сѣно же косили на самой степи, откуда, въ сухое лѣто, какъ напр. въ 1812 г., его разносило вѣтрами.

Въ деревнѣ Эфенгартъ: получившихъ ссуду было 34 сем. въ 176 душъ, а приписанныхъ и получавшихъ только кормовья—5 сем. въ 45 душъ; въ отлучкахъ находилось 6 сем. въ 48 душъ, итого 45 сем. въ 269 душъ. Домовъ тамъ было: оконченныхъ—25, недостроенныхъ—9. Всѣ почти дома были безъ крышъ, безъ дворовъ и загородъ. По свидѣтельству Ланова, «одного только шульца Финкельштейна (знакомаго уже читателямъ) можно было почесть хорошимъ хозяиномъ». По-

сѣяли поселенцы: Финкенштейнъ—17 четв. 3 чка; всѣ остальные 33 хозяева вмѣстѣ—65 четв. 2 чка. Обозрѣвая поля деревни, Лановъ нашелъ ихъ гораздо хуже воздѣланными, нежели въ другихъ деревняхъ; яровые же хлѣба отъ чрезвычайныхъ жаровъ и бездождія не обѣщали урожая болѣе, какъ самъ-треть. Такимъ образомъ на годовое продовольствіе поселянъ деревни не хватало 441 четв. 2 чтк.

Земледѣльческихъ орудій и скота было: у 33-хъ хозяевъ: плуговъ—9; боронъ—7; повозокъ—32; воловъ—32 пары; коровъ—77; прочаго рогатаго скота и овецъ—59. У Финкенштейна: плуговъ—2; боронъ—2; повозокъ—4; воловъ—6 паръ; коровъ—11; прочаго рогатаго скота—30; овецъ—22. Колодезей въ деревнѣ не было, а воду поселенцы брали изъ р. Ингула. Колонія эта поселена была прежде другихъ и на несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ (на хорошей, изобиловавшей водою землѣ, по р. Ингулѣ сплавливали мелкій лѣсъ, хворостъ и камышь), но поселенцы менѣе другихъ успѣли устроиться. Мало того, изъ евреевъ, на казенномъ иждивеніи поселенныхъ, многіе желали исключиться изъ земледѣльцевъ и прямо говорили Ланову, что «не будутъ радѣть о своихъ хозяйствахъ, такъ, что за всѣми побужденіями они не хотѣли осенью сѣять озимаго хлѣба».

Въ деревнѣ Сейдиминухъ хозяевъ, получившихъ ссуду было—117 сем. въ 518 душъ; а неимѣвшихъ хозяйствъ—8 сем. въ 33 души, итого 125 сем. въ 551 душа. Имѣли они домовъ: конченыхъ—88, недостроенныхъ—10 и начатый—1, итого 99. Тамъ также изобиловалъ камень на строенія, но всѣ дома выстроены были земляные, большая часть ихъ непрочно, а крыши у всѣхъ почти посяты.—Посѣяли колонисты 215 четв. Хотя до половины іюня 1812 г. дождей и не было, но восходъ колонистскихъ хлѣбовъ показался Ланову порядочнымъ, особливо озимая рожь. Однако «не малую часть нивъ съ этою рожью повалило бурей съ дождемъ, а также выбило шедшимъ, полосою, градомъ». При урожаѣ вчетверо на годовое продовольствіе не хватало 513 четв. Земледѣльческихъ орудій и ско-

та было у поселенцевъ: плуговъ—15; боронъ—14; повозокъ—71; воловъ—76 паръ; коровъ—185; прочаго рогатаго скота—264; лошадей—16 и овецъ—74 штуки. Колодцевъ при деревнѣ не было, а водою народъ пользовался изъ р. Ингулы.

Въ деревню *Бобровомъ Куть* сперва всѣ были поселены на собственномъ иждивеніи, но послѣ, по бѣдности, нѣкоторые изъ поселенцевъ получили ссуду. Всѣхъ поселенцевъ было: получившихъ ссуду 43 сем. въ 190 душъ; не получившихъ 34 сем. въ 147 душъ. Находилось безъ ссуды въ отлучкахъ: извѣстныхъ—52 сем. въ 222 души; неизвѣстныхъ—39 сем. въ 142 д. Имѣли дома съ помощью ссуды: конченныхъ—19 сем.; безъ крышъ—8; недостроенныхъ—9; землянокъ—4., безъ помощи ссуды: конченныхъ—5 безъ крышъ—1; недостроенныхъ—3, землянокъ—4. Посѣяли получившіе ссуду 87 четв. 7 чк., не получившіе—20 четв. 7 чк. На годовое продовольствіе не доставало болѣе 493 четв. Земледѣльческихъ орудій и скота имѣли получившіе ссуду: плуговъ—3; боронъ—3; повозокъ—23; разнаго рогатаго скота—119; лошадей—7; безъ помощи ссуды: плуговъ—3; боронъ—3; повозокъ—9; разнаго рогатаго скота—150; лошадей—5.

Нѣкоторые изъ поселенцевъ, поселившихся на собственномъ иждивеніи, не скрывали отъ Ланова желанія исключиться изъ земледѣльческаго званія, по бѣдности. Колоніи Сейдеминуха и Бобровый Куть надѣлены были смежными участками земли «на ровной и безводной степи, при этомъ пожары нерѣдко истребляли сѣнокосы и самое сѣно». Въ 1809 г. обѣ деревни лишились отъ пожара всего, въ степи накопшеннаго и сметаннаго сѣна. То же случилось и при Лановѣ.

Въ деревню *Израилевку*, населенной на собственномъ же евреевъ иждивеніи, на лицо было: 26 сем. въ 118 душъ; въ отлучкахъ 11 сем. въ 49 душъ, всего 37 сем. въ 167 душъ. Домовъ имѣли они: конченныхъ—18 и недостроенный—1. Земледѣльческихъ орудій и скота было у нихъ: плуговъ—2; боронъ—2; повозокъ—5; воловъ—16 паръ; коровъ—45; прочаго рогатаго скота—18 и лошадей—17. Посѣяли они около 5 четв.

на годовое продовольствіе не доставало на годъ 293 четв. Въ деревнѣ былъ 1 колодезь съ довольно хорошею водою. Заниматься хлѣбопашествомъ евреи не хотѣли, потому, какъ говорили Ланову, что «терпѣли отъ ежегоднаго неурожая, а большая часть ихъ предпочитала ѣздить, безъ спроса, торговать въ города, нанимались въ повѣренные при питейныхъ откупахъ и содержали шинки у помѣщиковъ, въ ожиданіи исключенія ихъ изъ земледѣльцевъ». Такъ, что зрители были безсильны обратить ихъ къ земледѣлію и къ должному повиновенію. Вразумить поселенцевъ и Ланову не удалось.

Въ общемъ Лановъ нашелъ, что всѣ евреи здоровьемъ примѣтно поправились, къ климату привыкли, такъ, что ни въ одной деревнѣ не набиралось болѣе 25 больныхъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ примѣчались остатки цынготной болѣзни. Лановъ спрашивалъ жаловавшихся ему на неимѣніе дневнаго пропитанія и одѣянія, почему они не зарабатывали хлѣбъ на сторонѣ и ему отвѣчали, что ихъ, въ сосѣднихъ селеніяхъ, по неумѣнію порядочно жать, косить и молотить—никто не бралъ на полевые работы. Хлѣбопашество во всѣхъ колоніяхъ было, по соображенію Ланова, далеко еще не въ такомъ видѣ, какъ бы слѣдовало, потому что евреи еще не научились обрабатывать поля; а сосѣдніе поселяне, которыхъ они нанимали, пользуясь незнаніемъ евреевъ, нерѣдко дѣлали все плохо, а брали съ нихъ отъ 10 до 20 р. за вспахиваніе одной десятины цѣлинной земли. Еврейскія женщины тоже начали уже приучаться къ полевымъ и домашнимъ работамъ. Причины, по которымъ евреи не въ состояніи были еще справиться съ хозяйствомъ, заключались, по словамъ Ланова, въ ихъ привычкѣ къ беззаботной жизни, малой старательности и неопытности къ сельскимъ работамъ; но «самая справедливость» побуждала его прибавить, что «не взирая на хитрость и пронырство сего народа въ увеличеніи своихъ нуждъ,—они не имѣли еще ни времени, ни способовъ сдѣлаться земледѣльцами: къ земледѣлію надобно *подготовляться съ юныхъ лѣтъ*; евреи, до 45 и 50 лѣтъ дожившіе въ изгнѣженной жизни — не въ силахъ скоро сдѣ-

латься земледѣльцами». Мало того: обзрѣвая кетати русскія селенія изъ переселенцевъ, Лановъ убѣдился, что «нѣкоторыя и изъ нихъ, отъ одной только переменны порядка хлѣбопашества на цѣлинной землѣ—пришли въ упадокъ и не могутъ исправиться, потому что въ Россіи крестьянинъ одною лошадыю и сохою могъ поднимать землю, а здѣсь надобно 4 пары воловъ и плугъ».

Хотя евреи и добровольно согласились вступить въ земледѣльцы, однако Лановъ увѣренъ, что они «не вникли въ виды правительства: многіе признавались прямо, что запрещеніе имъ на родинѣ содержать шинки болѣе всего побудило ихъ записываться въ земледѣльцы, въ предположеніи, что пользуясь обѣщанными имъ, при поселеніяхъ на казенныхъ земляхъ, выгодами, они будутъ размножать рогатый скотъ, торговать имъ по ярмаркамъ и заниматься, по городамъ, мастерствами, а посредствомъ наемныхъ работниковъ производить и хлѣбопашество, но отнюдь не ожидали, что ихъ самихъ будутъ принуждать непремѣнно заниматься сельскими работами». Обращаясь къ домоводству евреевъ, Лановъ пояснилъ, что «въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ не только дровъ, но иные годы не растетъ и бурьянъ, которымъ топили, слѣдовало заготовить кизику; а какъ евреи не имѣли ни времени, ни способовъ ею запастись на цѣлыя зимы, то отъ недостатка въ топливѣ ихъ избы сдѣлались сыры, семейства отъ холода соединялись зимою вмѣстѣ, а остальные избы стояли пусты. Быстрый переходъ отъ легкихъ къ труднымъ работамъ, переменна климата, сырость и тѣснота въ домахъ—произвели между ними повальные болѣзни и изрядную смертность. Многіе евреи, записавшись въ земледѣльцы, были достаточны, а нѣкоторые имѣли даже довольно серебрянныхъ и другихъ хорошихъ вещей, но они деньги издержали на проѣздъ, на постройку домовъ, за распашку земли, кормовыя получали скудныя, сравнительно съ дороговизною и потому, для прокормленія себя, продавали и закладывали вещи, а истощивъ все, при болѣзняхъ, дошли до такой нищеты, что большая часть не имѣла ни пропитанія, ни са-

монужнѣйшаго одѣянія и обуви. Къ вящему же ихъ несчастію они, съ самаго ихъ поселенія, ни одного года не были ободрены порядочнымъ урожаемъ. Всѣ неудачи въ хлѣбопашествѣ, болѣзни и нужды привели ихъ въ уныніе, нѣкоторые начали раскаиваться зачѣмъ переселились, а послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ позволеніе евреямъ заниматься, по прежнему, продажею вина, — поколебало во многихъ желаніе остаться земледѣльцами и, не взирая на запретъ выпускать ихъ, — иные уходятъ безъ письменныхъ видовъ и поступаютъ въ шинкари въ помѣщичьи и казенныя селенія».

Въ заключеніи всего Лановъ полагалъ, что *«еврейскіе поселенцы болѣе другихъ заслуживаютъ смилосердія правительства, ежели успѣхъ водворенія ихъ будетъ медлительнѣе, нежели переселенцевъ другихъ націй и если издержки для нихъ не ограничатся суммою, на нихъ употребленною, ибо иностранные колонисты имѣли предъ евреями то преимущество, что въ своихъ земляхъ отдали хлѣбопашество, а при переселеніи получали ссуду и кормовыя деньги почти вдвое больше противъ евреевъ. И однакожь и они, евреи, съ 1811 г. собравшись съ силами отъ болѣзней, начали уже прилежнѣе приниматься за хозяйства свои, умножили озимые и яровые посѣвы, исправили дворы и загороди, но, къ сожалѣнію, истощились совершенно въ способахъ снабжать себя, притомъ, пищею и одѣяніемъ. Если правительство не оставитъ ихъ, по соразмѣрности нуждъ ихъ, благовременнымъ пособіемъ, то надѣяться можно, что они, преодолевъ уже всѣ главныя трудности, съ новымъ для нихъ состояніемъ сопряженныя, могли-бы, въ непродолжительномъ времени, сравниться съ порядочными земледѣльцами, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ желаетъ продолжать упражняться въ земледѣліи».*

Содержаніе «замѣчаній» Ланова до нѣкоторой степени утѣшило министерство, такъ какъ изъ сравненія ихъ съ предшествовавшими «замѣчаніями» Контеніуса видно было, что въ теченіи 2-хъ лѣтъ идея превращенія евреевъ въ земледѣльцевъ примѣнилась уже къ практикѣ настолько, что съ временемъ

обѣщала полезныя результаты. Министерство не сдѣлало, однако, отъ себя никакихъ распоряженій по «замѣчаніямъ» Ланова, а ограничилось посылкою ихъ, въ копіи «для соображеній на мѣстѣ», Лифанову, который уже изъ Екатеринослава извѣстилъ Джунковскаго, что намѣревался ѣхать дальше, но карантинъ отъ чумы пока не позволилъ ему сдѣлать это. Тѣмъ не менѣе онъ просилъ Джунковскаго увѣрить Козодавлева, что онъ «всѣ силы употребить, даже жизни не пожалѣетъ, а все порученіе исполнить по совѣсти и разумѣнію» *.

И.

(Продолженіе будетъ).

* По документамъ отъ 6 и 15 марта, 16 и 19 апрѣля, 8 и 31 мая, 6, 13 и 24 іюня, 2, 12, 20 и 24 іюля, 9, 22 и 23 августа, 14 сентября, 22 и 23 октября, 15, 27, 29 и 30 ноября, 6 и 16 декабря 1812 г.

МЕНДЕЛЬ ЛЕВИНЪ.

Биографическій очеркъ.

Многіе привыкли думать, что И. Б. Левинсонъ былъ первый и единственный въ Россіи, который сталъ будить евреевъ отъ долгаго летаргическаго сна, и въ порывѣ увлеченія считаютъ его чуть не русскимъ Мендельсономъ. Мы не намѣрены оспаривать значеніе Левинсона и умалять его заслуги въ дѣлѣ пробужденія и прогрессивнаго развитія русскихъ евреевъ. Многочисленныя его сочиненія на древне-еврейскомъ языкѣ, въ особенности два капитальныя его произведенія «Teuda be-Israael» и «Beth Jehuda», содержація систематическій анализъ и правильное рациональное освѣщеніе хода и развитія исторіи евреевъ и ихъ религіи, дѣйствительно вызвали въ свое время небывалое броженіе умовъ среди евреевъ и дали сильнѣйшій толчекъ ихъ поступательному движенію по пути общечеловѣческаго прогресса. Но мы говоримъ, что Левинсонъ не былъ первымъ и единственнымъ, хотя онъ безспорно былъ главнымъ и самымъ рѣшительнымъ піонеромъ. Еще до появленія Левинсона стали проникать и носиться среди евреевъ Россіи болѣе свѣтлыя идеи, которыя провели первую лучезарную борозду въ густомъ непечатомъ до того мрака ихъ умственнаго гетто. Были люди, которые заносили и распространяли эти свѣтлыя оживляющія идеи, и хотя они не оставили по себѣ столь многочисленныхъ и осязательныхъ признаковъ своей умственной дѣятельности, какъ Левинсонъ, и хотя ихъ дѣятельность не

обнаружила такихъ рельефныхъ непосредственныхъ результатовъ какъ сознательныя и опредѣленныя стремленія Левинсона, мы однако не можемъ отрицать у этой дѣятельности всякое значеніе, какъ не можемъ отрицать значеніе первыхъ вѣшнихъ лучей въ дѣлѣ взрыхленія почвы для будущаго пахаря. Мы не должны совершенно позабыть этихъ труженниковъ, которые въ награду за свои труды не имѣли даже того сомнительнаго удовлетворенія, какое имѣлъ И. Б. Левинсонъ: узрѣть обильные всходы, общающіе богатую жатву для грядущихъ поколѣній.

Левинсонъ, мы повторяемъ это, былъ главнымъ и самымъ рѣшительнымъ піонеромъ среди русскихъ евреевъ. Онъ явился со всѣми, доступными въ его время орудіями, и сталъ методически воздѣлывать запущенную и одичалую почву, лежавшую подъ паромъ многіе и многіе вѣка; но при его появленіи ледяная кора дала уже въ многихъ мѣстахъ сильныя трещины и почва было уже согрѣта теплыми животворными лучами, занесенными другими свѣтлыми личностями.

Одною изъ такихъ свѣтлыхъ личностей, предшествовавшихъ Левинсону и работавшихъ до него въ дѣлѣ пробужденія русскихъ евреевъ, былъ Мендель Левинъ изъ Сатнова въ Галиціи, краткій и далеко неполный очеркъ жизни котораго мы намѣрены здѣсь изложить, на сколько намъ это удалось сдѣлать на основаніи имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ *.

Мендель Левинъ родился въ 1741 году и умеръ на 78 году отъ рожденія. Въ ранней молодости онъ поражаѣтъ всѣхъ своимъ глубокимъ знаніемъ талмуда со всѣми его глоссаторами и комментаторами и общалъ стать однимъ изъ великихъ талмудическихъ корифеевъ.

Въ былое время, до укорененія у насъ хасидизма, заслонившаго своимъ кабаллистическимъ туманомъ всякій другой родъ мышленія, бібліотеки еврейскихъ молитвенныхъ домовъ, замѣнявшихъ тогда евреямъ наши академіи и университеты, изобиловали сочине-

* Нѣкоторыя свѣдѣнія о М. Левинѣ читатель найдетъ въ февральской книгѣ Восхода на стр. 31 и слѣд.

ніями средневѣковыхъ еврейскихъ философовъ и мыслителей, которыми многіе изъ прихожанъ этихъ молитвенныхъ домовъ зачитывались и упивались, что нерѣдко вызывало въ нихъ стремленіе къ дальнѣйшему развитію.

Случилось такъ, что молодой Левинъ, въ числѣ разныхъ другихъ книгъ, наткнулся, на извѣстное философско-математическое сочиненіе «Elim», принадлежащее перу еврейскаго философа и медика Іосифа Соломона дель-Медиго, жившаго въ Италіи въ началѣ XVII столѣтія *, ученика безсмертнаго Галилео Галилеи. Отъ природы склонный къ умозрительнымъ упражненіямъ, нашъ Левинъ усердно сталъ читать эту книгу, открывшую предъ нимъ совершенно новый и невѣдомый ему дотолѣ міръ. Въ теченіи короткаго времени онъ прошелъ это трудное и глубоко-философское сочиненіе, которое испестрилъ своими примѣчаніями. Отъ усиленныхъ занятій по ночамъ Левинъ заболѣлъ глазами и отправился для восстановленія своего зрѣнія въ Берлинъ, славившійся тогда лучшими врачами и знаменитымъ еврейскимъ госпиталемъ, привлекавшимъ несмѣтное число еврейскихъ паціентовъ. Въ Берлинѣ, гдѣ Левинъ пробылъ около двухъ лѣтъ, онъ близко сошелся съ Мендельсономъ, въ лицѣ котораго нашелъ лучшаго друга и совѣтника, такъ что впоследствии считалъ даже его своимъ учителемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что эпоха пребыванія Левина въ Берлинѣ относится къ началу періода умственной ломки, происшедшей тогда въ жизни евреевъ въ Германіи. Съ того времени началась, какъ въ политической, такъ и въ нравственной жизни

* І. С. дель-Медиго едва ли можно назвать „жившимъ въ Италіи“. Родившись 16 іюня 1591 г. въ Кандіи, онъ съ 1606 г. посѣщалъ университетъ въ Падуѣ, который окончилъ въ 1613 г., 22 лѣтъ отъ роду. Вернувшись затѣмъ на родину, онъ съ 1616 г. провелъ всю жизнь въ разныхъ странахъ. Побывалъ въ Египтѣ, Константинополѣ, Валахіи, Польшѣ и Литвѣ, былъ въ 1624 году въ Вильнѣ, состоялъ медикомъ у князя Радзивила и жилъ въ Трокахъ, гдѣ познакомился съ каранскимъ ученымъ Зерахомъ бенъ-Натанъ, по побужденію котораго онъ и составилъ упомянутую книгу Э л и м ъ. Затѣмъ дель-Медиго жилъ въ Германіи и въ Даніи, прибылъ въ 1628 году въ Амстердамъ, гдѣ подружился съ Менасіемъ бенъ-Израилемъ, впоследствии жилъ въ Прагѣ, гдѣ и умеръ 16 октября 1655 г.

евреевъ, новая эра, исходный моментъ которой относится къ жизни и дѣятельности еврейско-нѣмецкаго мыслителя и философа Мендельсона—главнаго виновника ихъ уметвеннаго перерожденія. Вокругъ Мендельсона начала группироваться цѣлая школа его учениковъ и послѣдователей, съ успѣхомъ продолжавшихъ дѣло, которому онъ положилъ основаніе. То была эпоха разцвѣта еврейско-нѣмецкой литературы, развѣтлявшейся потомъ и принесшей ту обильную жатву, которую мы видимъ теперь. Не смотря на то, что Мендельсонъ самъ мало и только при особыхъ случаяхъ писалъ на древне-еврейскомъ языкѣ, ученики его и послѣдователи смотрѣли на этотъ языкъ, какъ на лучшее средство къ проведенію научныхъ и гуманитарныхъ идей среди косяввшихъ во мракѣ невѣжества евреевъ. Нѣмецкимъ литературнымъ языкомъ масса евреевъ въ Германіи тогда еще не владѣла и не въ состояніи была читать книги, писанныя нѣмецкимъ шрифтомъ. Доказательствомъ служитъ то, что когда Мендельсонъ впервые перевелъ библію на нѣмецкій языкъ, онъ издалъ переводъ свой еврейскимъ шрифтомъ. Такимъ образомъ единственнымъ орудіемъ для привитія евреямъ культурныхъ началъ явился еврейскій языкъ. Извѣстно, какое вліяніе имѣли сочиненія Гартвига Вессели, Эйхеля, Фридлендера и др., впервые начавшихъ писать чистымъ библейскимъ языкомъ, на современныхъ имъ еврейскихъ читателей, которые отъ чтенія еврейскихъ книгъ легко перешли къ изученію европейскихъ языковъ и общеобразовательныхъ наукъ. Вотъ почему намъ кажется, что жестоко ошибаются тѣ, которые отрицаютъ для евреевъ воспитательное значеніе книгъ на древне-еврейскомъ языкѣ, служащихъ какъ бы преддверіемъ къ вступленію въ храмъ общечеловѣческой культуры *.

Въ эту такъ называемую *Sturm und Drangperiode* нѣмецкаго еврейства, Левинъ жилъ въ Берлинѣ, гдѣ въ то время пребывалъ другой выходецъ изъ Литвы, Соломонъ Маймонъ,

* Объ этомъ вопросѣ написать на еврейскомъ языкѣ особую монографію С. I. Финъ подъ заглавіемъ „Са фа Лене мани м“, которая напечатана въ журналѣ „Гакармель“ за 1879 г.

лучшій знатокъ философіи Канта, имѣвшій, однако, весьма смутное понятіе о своемъ личномъ я и нерѣдко ронявшій свое достоинство эксцентричными и неблаговидными поступками. Помимо еврейскихъ ученыхъ Левинъ, завелъ въ Берлинѣ знакомство со многими знаменитыми нѣмецкими писателями, между которыми были люди какъ Лессингъ, Энгель, Теллеръ и другіе; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ возвратился въ Россію съ цѣлымъ запасомъ познаній, которыя были чуждыми и совершенно непонятными для современныхъ ему евреевъ на его родинѣ.

На возвратномъ пути изъ Берлина, онъ нѣкоторое время пробылъ въ Бродахъ, гдѣ вмѣстѣ съ Іосифомъ Перелемъ, Нахманомъ Крохмалемъ и нѣкоторыми другими адептами реформы въ области юдаизма, всецѣло отдался водворенію новыхъ началъ среди своихъ собратьевъ, надъ которыми тяготѣло давящее бремя невѣжества и фанатизма. При всемъ своемъ стремленіи къ просвѣтленію умовъ и насажденію новыхъ идей, Левинъ, однако, остался вѣрнымъ традиціямъ своихъ предковъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и не унесся быстрымъ теченіемъ впередъ, какъ это случилось, къ сожалѣнію, со многими другими изъ послѣдователей школы Мендельсона, которые въ ущербъ своимъ же реформаторскимъ стремленіямъ, увлеклись и перешагнули черезъ Рубиконъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Левина на родину Мендельсона не стало. Въ это время Левинъ поселился въ Николаевѣ, одномъ изъ помѣстій польскаго князя Адама Чарторжскаго, въ нынѣшней подольской губерніи. Мѣстопробываніе князя было въ Меджибожѣ, но онъ очень часто, въ сопровожденіи своего друга доктора Акельшмидта, пріѣзжалъ въ свои помѣстья и въ томъ числѣ и въ Николаевъ. Населеніе этого городка состояло преимущественно изъ бѣдныхъ евреевъ, которые занимались мелкимъ торгашествомъ и продажей съѣстныхъ припасовъ въ своихъ убогихъ лавчонкахъ.

Въ одной изъ такихъ лавчонокъ торговала глиняною посудю и жена Левина. Разъ какъ-то, при своемъ обычномъ

посѣщеніи Миколаева, Чарторыжскій забрелъ въ лавку госпожи Левинъ и среди разнаго хлама наткнулся на одну объемистую нѣмецкую книгу, оказавшуюся математическимъ сочиненіемъ Вольфа. Князь былъ сильно пораженъ этимъ неожиданнымъ для него открытіемъ и при распросахъ жены Левина о томъ, кому принадлежитъ эта книга, узналъ, что она составляетъ предметъ любимаго чтенія Левина, который приносить ее съ собой въ лавку, помогая женѣ иногда въ торговлѣ. Чарторыжскій полюбопытствовалъ узнать этого феноменальнаго еврейскаго лавочника, который за прилавкомъ занимается чтеніемъ сочиненій извѣстнаго математика и философа. Онъ пригласилъ Левина къ себѣ, и какъ велико было его удивленіе, когда онъ въ немъ нашелъ человѣка вполне европейски образованнаго, друга и ученика Мендельсона, который былъ отчасти извѣстенъ Чарторыжскому по его сочиненіямъ! Съ того времени Левинъ сдѣлался приближеннымъ лицомъ этого польскаго магната, который взялъ его подъ свое покровительство, давалъ ему средства къ существованію и оказывалъ всевозможныя милости. Онъ велѣлъ выдавать ему изъ своей кассы ежемѣсячно извѣстную сумму для непредвидѣнныхъ расходовъ, такъ что Левинъ былъ въ состояніи удѣлять изъ своихъ средствъ нѣкоторыя крохи и другимъ менѣе счастливымъ бѣднякамъ, которые нуждались въ помощи*.

Отъ этихъ краткихъ біографическихъ сообщеній о жизни Левина, которая, какъ видитъ читатель, не отличается особо выдающимися приключеніями, мы переходимъ къ обзорѣнію его литературныхъ произведеній.

Мы уже сказали, что любимыми занятіями Левина была философія и математика, а потому не покажется страннымъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ представляетъ собою рѣзкую

* Извѣстный еврейскій поэтъ М. Леттерисъ утверждаетъ, что видѣлъ у Н. Крохмалъ въ Бродахъ цѣлый трактатъ на французскомъ языкѣ о системѣ философіи Канта, написанный Левиннымъ для Чарторыжскаго, которому онъ преподавалъ математику. (См. Ha-Measef. Изданіе. М. Леттериса, стр. 96—97. Вѣна, 1862).

противоположность многимъ изъ современныхъ ему еврейскихъ писателей, которые витали въ какой-то заоблачной выси, воспѣвали луну и природу и, слѣдуя ложно-классическому направлению европейской литературы, оставляли безъ вниманія насущные вопросы жизни.

Слѣдуя хронологическому порядку, первымъ его сочиненіемъ нужно считать «Igroth chochma» — сборникъ популярныкъ статей по естественнымъ наукамъ. Сочиненіе это появилось въ Берлинѣ, въ 1788 году, и образчики изъ него, подъ названіемъ «Moda le-bina», печатались прежде въ первомъ еврейскомъ журналѣ «Measef», который началъ издаваться въ Кенигсбергѣ, въ 1784 году «обществомъ друзей еврейской литературы». Сочиненіе это отличается легкостью и плавностью изложенія при всей скудости еврейскаго языка для передачи научныхъ и техническихъ терминовъ, въ особенности въ то время, когда литературный языкъ еще не былъ разработанъ.

Другое его сочиненіе «Refuot haam» (Народная гигиена) — переводъ съ французскаго сочиненія извѣстнаго доктора Тисо въ Швейцаріи, которое было переведено почти на всѣ европейскіе языки и вызвало одобрительные отзывы со стороны критики въ періодической печати. Сочиненіе это было напечатано въ Желкіевѣ, въ 1808 году. Оно было аттестовано извѣстными тогда талмудическими корифеями, раввинами Львова, Бродъ, Желкіева, Франкфурта-на-Одерѣ и другихъ городовъ. Изъ всѣхъ этихъ аттестаций больше всего слѣдуетъ придавать значеніе отзыву Мендельсона. Въ этомъ отзывѣ Мендельсонъ говоритъ, что онъ самъ навелъ Левина на мысль переводить это сочиненіе, которое онъ, Мендельсонъ, не смотря на то, что онъ самъ профанъ въ медицинѣ, но на основаніи отзывовъ медицинскихъ авторитетовъ, признаетъ въ высшей степени полезнымъ, если оно сдѣлается доступнымъ тѣмъ, которымъ чужды европейскіе языки.

Третье его сочиненіе — «Cheschbon hanephesch» — этика по системѣ Франклина, была напечатана въ Лембергѣ въ 1811 году. Современники Левина утверждаютъ, что во многихъ ев-

рейскихъ общинахъ Галиціи и Подоліи образовались различныя братства, которыя въ своихъ статутахъ руководились правилами нравственности, изложенными въ этомъ сочиненіи.

Всѣ эти сочиненія, писанныя легкимъ и общедоступнымъ языкомъ, въ свое время принесли громадную пользу и вызвали многихъ къ изученію естественныхъ наукъ. Но помимо этихъ научныхъ сочиненій, Левинъ работалъ и на поприщѣ специально-еврейской науки. Цѣна по достоинству значеніе сочиненій Маймонида, которыя въ переводѣ Ибнъ-Тибона часто являются непонятными даже для людей свѣдущихъ въ средневѣковой еврейской философіи, Левинъ занялся переводомъ Маймонидова сочиненія «More-Nebochim» на популярный и общедоступный еврейскій языкъ, которымъ онъ такъ мастерски владѣлъ; но мысль эту ему удалось осуществить только на половину. Первая часть этого перевода была издана уже послѣ его смерти въ Желкѣвѣ, въ 1829 году, покойнымъ учителемъ житомирскаго раввинскаго училища, Сухоставеромъ, а предисловіе къ этому переводу подъ названіемъ «Алонъ Море» появилось только въ 1865 году, благодаря стараніямъ Х. З. Слонимскаго.

Не гоняясь особенно за авторской славой, Левинъ не брезгалъ и еврейскимъ жаргономъ, на который началъ переводить священное писаніе, сопровождая переводъ комментариемъ. Въ этомъ отношеніи онъ хотѣлъ подражать Мендельсону, который своимъ нѣмецкимъ переводомъ Библии далъ первый толчокъ умственному движенію среди германскихъ евреевъ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что еврейскій жаргонъ, представляющій собою пеструю смѣсь всѣхъ возможныхъ языковъ и нарѣчій, могъ считаться лучшими людьми еврейства годнымъ средствомъ къ проведенію среди темной массы новыхъ идей и убѣжденій; но слѣдуетъ не забывать, что еврейскій жаргонъ былъ единственный языкъ, доступный тогда евреямъ въ земляхъ бывшей Рѣчи Посполитой. И. Б. Левинсонъ, который навѣрное можетъ считаться авторитетомъ въ дѣлѣ просвѣщенія евреевъ, тоже писалъ на еврейскомъ жар-

гонѣ, и въ числѣ его рукописей находится одно юмористическое произведеніе подъ названіемъ: «Hefkerwelt», въ которомъ онъ разоблачаетъ и бичуетъ пороки и недостатки своего народа. Сочиненія Аксенфельда, стихотворенія А. Б. Готлобера въ свое время, а сатирическія произведенія Абрамовича, Линецкаго еще и теперь читаются съ удовольствіемъ людьми даже интеллигентными и находятъ покупателей среди темнаго, сѣраго люда, который, за неимѣніемъ другой умственной пищи, вынужденъ питаться единственно этого рода произведеніями даровитыхъ народныхъ писателей.

Мысль о переводѣ св. Писанія Левину, однако, не удалось осуществить въ полности, вслѣдствіе постигшей его смерти.

Въ 1816 году былъ изданъ въ Тарнополь его переводъ притчей Соломона, вызвавшій страшную бурю не только между обскурантами, но и между нѣкоторыми изъ его друзей и знакомыхъ. Въ особенности рѣзко выступилъ противъ этой попытки жившій въ Бердичевѣ знатокъ еврейскаго языка и грамматики, Т. Федеръ, въ отдѣльной брошюрѣ подъ названіемъ «Kol mechazim». Переводъ книги «Экклезіастъ» съ комментариемъ появился въ свѣтъ въ Одессѣ, въ 1873 г., съ нѣкоторыми прибавленіями и филологическими замѣтками Хари, подъ редакціей котораго книга эта была издана. Т. Федеръ, о которомъ мы упомянули выше, при всемъ своемъ глубокомъ знаніи еврейскаго языка, имѣлъ, однако, весьма смутное понятіе о цѣляхъ и стремленіяхъ Левина, имѣвшаго исключительно въ виду принести пользу своему народу и непренебрегавшаго никакими средствами, которыя казались ему цѣлесообразными. Если современники Левина не вполне оцѣнили его попытку относительно перевода св. Писанія, то это объясняется только тѣмъ, что они не вполне освободились отъ стараго предубѣжденія, видящаго въ изученіи Библии одно только исполненіе заповѣди и богоугодное дѣло, а не занятіе съ практическою воспитательною цѣлію. Но тѣмъ рельефнѣе выходятъ для насъ благіе помыслы и стремленія М. Левина, котораго мы поэтому смѣло можемъ присчитать къ числу тѣхъ людей, которые, опе-

редивъ свой вѣкъ и выдаваясь изъ окружающей ихъ среды, являются апостолами лучшаго строя вещей для грядущихъ поколѣній. Достаточно указать на то, что даже въ такой темной глуши, какую представляла собою въ доброе старое время, Подоля, — центръ хасидизма и родина Бешта, вскорѣ наплись люди, которые подъ вліяніемъ сочиненій Левина, начали стряхивать съ себя слѣды старыхъ, обветшалыхъ предрасудковъ и дошли даже до того, что стали посылать своихъ сыновей въ общія учебныя заведенія. Это фактъ, который подтверждается многими изъ современниковъ этого первѣйшаго представителя въ нашей странѣ школы Мендельсона.

Заканчивая нашъ скромный очеркъ, не можемъ не выразить желанія, чтобы пишущая братія наша энергичнѣе занялась разработкой исторіи и литературы евреевъ въ нашемъ отечествѣ, равно какъ характеристикой жизни и дѣятельности представителей этой литературы и ихъ вліянія на умственное развитіе евреевъ въ Россіи. Еврейскіе ученые въ Германіи, отчасти за отсутствіемъ матеріала, а больше всего вслѣдствіе узкаго и мелкаго самолюбія, свойственнаго этимъ культуртрегерамъ, наравнѣ съ прочими гордыми тевтонами проходятъ обыкновенно молчаніемъ плодотворную дѣятельность еврейскихъ ученыхъ и писателей въ Россіи, которые своими литературными произведеніями соорудили себѣ нерукотворный памятникъ и проложили дорогу современному молодому поколѣнію, подвизающемуся на различныхъ поприщахъ науки и общечеловѣческой дѣятельности. Такъ, напримѣръ, маститый еврейскій историкъ, Гретцъ, въ одиннадцатомъ томѣ своей исторіи евреевъ, распространяясь довольно подробно о жизни и дѣятельности вѣнскаго проповѣдника Мангеймера, необладавшаго, кромѣ ораторскаго искусства, особенно выдающимися познаніями въ области еврейской эрудиціи, въ то же самое время совершенно игнорируетъ литературную дѣятельность И. Б. Левинсона, такъ рѣшительно повліявшаго на умы своихъ единовѣрцевъ и оставшагося не безъ вліянія на починъ и характеръ тѣхъ благотворныхъ реформъ, которыя предприняты были въ царствова-

ніе Императора Николая I въ пользу русскихъ евреевъ. Ни единымъ словомъ Гретцъ не промолвился о жизни и литературныхъ произведеніяхъ образцоваго прозаика М. А. Гинцбурга, между тѣмъ какъ очень легко могъ бы пользоваться его автобіографіей, изобилующей характерными фактами изъ жизни и быта русскихъ евреевъ въ началѣ текущаго столѣтія и не уступающей по глубинѣ мысли извѣстной автобіографіи Маймона.

«Если не мы сами за себя, то кто за насъ?»—этого древняго изрѣченія должны не упускать изъ виду русско-еврейскіе писатели, желающіе пополнить пробѣлы, оставляемый въ исторіи нашего народа еврейскими учеными въ Западной Европѣ.

С. Станиславскій.

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы, свободы друзья, вѣримъ въ лучшіе дни.
Пусть враги вокругъ насъ собираются.
Пусть свирѣпо на насъ устремятся они—
Взрывы дикой вражды вѣдь случаются.

Мы сомкнемся въ ряды, будемъ дружно стоять,
Какъ въ дни тяжкихъ, народныхъ гоненій,
Когда страшную дань приходилось давать
Кровожадности тѣхъ поколѣній.

Мы, свободы друзья, вѣримъ въ лучшіе дни.
Вмѣстѣ легче терпѣть поношенье:
Пусть неистовый крикъ: «эй, гони ихъ, гони!»
Повлечетъ за собой единенье

Всѣхъ свободы друзей, одной вѣры сыновъ—
Вѣры въ равенство, истину, братство!..
Дружной силой тогда одолѣемъ враговъ,—
Нетерпимость, насмѣшки, злорадетво.

А. Бебозъ.

МОШКА ПАРМСКІЙ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКАГО СОЛДАТА.

Разсказъ К. Э. Францоа.

VII.

Та любовная исторія, которая разыгралась между Мошко Фейлехьндуфтомъ и сестрою его соученика, Казею Думковичъ, была странная исторія. Повидимому въ ней главную роль играли не два сердца, а побой, колбаса, два яйца въ кругую и большой ушатъ съ водою; а въ заключеніе опять побой.

Казя была родная сестра Гаврилы, но она давно уже не жила въ родительскомъ домѣ. Ей приходилось служить, и такъ какъ эта служба была очень далека, за цѣлыхъ пять миль, то въ теченіе многихъ лѣтъ она ни разу не приходила домой; пять миль — разстояніе весьма почтенное для этихъ людей, такъ сильно прикованныхъ къ своему порогу. Но вотъ однажды—Казѣ въ то время было восемнадцать лѣтъ, а Мошкѣ—девятнадцать,—она вернулась въ Коровлю, потому что ея мать доставила ей здѣсь хорошее мѣсто у богатаго Яцека Глины. Правда, что этотъ деревенскій король имѣлъ знаменитаго сына, который звался тоже Яцекомъ и славился какъ своею красотою, такъ и распутствомъ, вслѣдствіе чего ни одна порядочная дѣвушка не рѣшалась поступать въ этотъ домъ; но Казя не побоялась. «Старикъ даетъ хорошее жалованье,—возражала она тѣмъ, которые предостерегали ее,—а если сынокъ

его потребуешь отъ меня больше, чѣмъ слѣдуетъ, то вѣдь Богъ не даромъ далъ мнѣ двѣ руки; ими я всегда могу оборониться и накормить его пощечинами!»

На то оно было и похоже, судя по этимъ рукамъ. Онѣ были огромныя, красныя, мозолистыя.

На слѣдующее утро Гаврило сообщилъ въ кузницѣ своему товарищу новость, — что его сестра Казя вернулась домой, поступила на службу къ Яцеку Глинѣ и нисколько не боится молодого Яцека.

Мошко вообще обладалъ сочувствующимъ сердцемъ, но на этотъ разъ сообщенная новость нисколько не заинтересовала его, потому что въ это время онъ былъ занятъ исключительно другою дѣвушкой — своею собственною невѣстой, и именно теперь былъ погруженъ въ предположенія насчетъ того, какова она во внѣшнемъ и внутреннемъ отношеніи, — предположенія оттого, что хотя онъ и былъ обрученъ, но будущей своей жены до сихъ поръ въ глаза не видалъ. Она была извѣстна ему только по описаніямъ господина Ицика Тюркишгельба. А этотъ послѣдній давалъ слѣдующіе лаконическіе отзывы: «Алмазъ. Брильянтъ. Ангель. Хороша какъ солнце. Коли она не вѣситъ двухъ центнеровъ, можешь мнѣ голову откусить».

Но къ исполненію такого предложенія нашъ Мошко не имѣлъ никакого желанія. Напротивъ того! Гораздо охотнѣе откусилъ бы онъ у своего стараго друга и покровителя голову за то, что тотъ желалъ навалить на него такую груду женскихъ предлестей. Нашему бѣдному Мошкѣ такъ пріятно было бы остаться навсегда холостымъ! Не потому, чтобы онъ былъ ненавистникъ женщинъ, — нѣтъ, настоящую причину не узналъ и маршалекъ, когда Мошке объяснилъ ему: «моему брату, золотому, легко быть женатымъ, — за его набожность всегда будутъ кормить и его, и жену, и дѣтей; но меня, кузнечнаго подмастерья, кто возьметъ на свое содержаніе?» Настоящая же причина заключалась въ томъ, что для Моше представлялось какъ нельзя болѣе смѣшнымъ — жениться въ такіе молодые годы. Ни одинъ христіанинъ не дѣлалъ этого, почему же дѣ-

дали евреи? И къ чему ему жена, когда онъ намѣревается пуститься въ странствованіе по свѣту, если удастся отвернуться отъ рекрутчины? Теперь онъ уже не желалъ сдѣлаться солдатомъ: мысль о празднои солдатской жизни пугала его.

Но господинъ Ицекъ Тюркишгельбъ твердо забилъ себѣ въ голову сотворить супружескую чету изъ дѣвицы Розы Райнкопфъ, дочери госпожи Шпринцеле Райнкопфъ, обладательницы мелочной лавочки въ Хоростковѣ, и изъ господина Моше Фейльхендурфта. Только въ интересахъ своего протѣгѣ желалъ онъ этого брака. Вышеупомянутая Розеле считалась одною изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Хоростковѣ, независимо отъ двухъ центнеровъ своего собственнаго я, она имѣла еще триста гульденовъ наличными деньгами и перспективу наслѣдовать лавку по смерти госпожи Шпринце. Что сія дѣвица страдала отчасти глухотою—это, правда, зналъ всякій, но ея внѣшность была весьма привлекательна,—только каждому, занимавшемуся созерцаніемъ ея болѣе продолжительное время, приходилось вышить какъ можно скорѣе послѣ этого рюмку водки, такъ какъ иначе немедленно начиналась въ немъ та изжога, которая образуется послѣ употребленія слишкомъ жирныхъ веществъ.

Моше этого ощущенія еще не испыталъ. Онъ, какъ сказано, еще ни разу не лицезрѣлъ дѣвицу Розеле. Напрасно Ицекъ Тюркишгельбъ старался заманить его въ Хоростковъ, Моше все увертывался, каждый разъ подъ новымъ предлогомъ. Но маршалекъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые отступаются отъ плановъ, признаваемыхъ ими за разумные. Тысячи средствъ употреблялъ онъ для достиженія своей цѣли. То появлялась передъ Моше супружеская чета Фейльхендурфтовъ и со слезами умоляла своего сына снятъ наконецъ со всего семейства пятно и жениться, такъ какъ люди и безъ того уже показываютъ пальцами на нихъ и на него. То выступалъ на сцену старый раввинъ и рѣзкими красками изображалъ бѣдному юношѣ справедливость изреченія: «кто не женился въ шестнадцать лѣтъ, тотъ глупъ, но оставшійся холостымъ въ восемнадцать — преступенъ и совершаетъ грѣхъ относительно

Бога, не желающаго, чтобы его народъ вымеръ!» Но самыя энергическія и настоятельныя дѣйствія исходили отъ самого Тюркишгельба, приче́мъ пускались въ ходъ преимущественно логическія аргументаціи. «Можетъ быть—часто повторялъ онъ—старый раввинъ и правъ, утверждая, что ты грѣшишь противъ Бога; но несомнѣнно то, что ты грѣшишь противъ самаго себя. Такая красивая, такая полная дѣвица,—и триста гульденовъ,—и лавка... да ну-же, глупый мальчикъ, рѣшайся скорѣе, другой разъ не навернется такое счастье! Вѣдь именно оттого, что ты желаешь остаться кузнецомъ, тебѣ и понадобятся деньги; иначе, какъ ты откроешь свою собственную мастерскую?.. Ну, перестань же упрямиться... Глуховата она немного, это правда; но чуть кто нибудь заговорить о тебѣ,—слышитъ каждое слово! Такъ сильно она влюблена въ тебя уже теперь... Что же будетъ послѣ, когда она узнаетъ тебя?.. И такъ,—когда мы ѣдемъ въ Хоростковъ на смотрины?

Но ѣхать Моше ни за что не соглашался. И когда наконецъ его уже черезъ чуръ допекли пристава́ніями, онъ воскликнулъ:

— Ну, хорошо, отстаньте! Я женюсь, коли уже нельзя иначе, только чтобъ мнѣ тутъ совсѣмъ оставаться въ сторонѣ. Обручайте меня, если вамъ такъ захотѣлось этого, но изъ кузницы своей я не тронусь до тѣхъ поръ, пока придется стать подъ «хушпу» (свадебный балдахинъ).

Обрученіе безъ личнаго присутствія жениха не рѣдкость въ полу-Азіи, гдѣ бракъ — гешефтъ. Впрочемъ Ицекъ Тюркишгельбъ былъ такой человѣкъ, который во всякомъ случаѣ и тутъ сотворилъ бы чудо. И такимъ образомъ, Моше, не покидая своей кузницы, благополучно обратился въ жениха.

Но въ жениха, конечно, не особенно счастливаго. Его мучила однако не мысль, что выборъ невѣсты сдѣланъ помимо его желанія, а вообще перспектива женатой жизни. Надо сказать притомъ, что насчетъ наружности своей будущей супруги онъ тоже не оставался равнодушнымъ. Общій идеалъ красоты былъ у него тотъ же, что и у остальныхъ его единоплеменни-

ковъ; выражаясь прозаичнѣе—и для него, какъ для всякаго польскаго еврея, чѣмъ дѣвушка была толще, тѣмъ представлялась она плѣнительнѣе... Стало быть, на счетъ этого пункта Мошко, судя по торжественнымъ увѣреніямъ своего покровителя, могъ оставаться совершенно покойнымъ. Но въ остальномъ? Какимъ характеромъ обладала его невѣста? И дѣйствительно ли уши ея имѣли необыкновенный даръ слышать каждое слово, какъ скоро разговоръ заходилъ о ея женихѣ?

Вотъ въ какія мысли былъ погруженъ Моше, когда Гаврило сообщилъ ему, что Казя снова дома и относительно молодого Яцека Глины радуется имѣнію у себя двухъ рукъ, которыми въ случаѣ нужды можно убить быка. Моше выслушалъ это извѣстіе равнодушно; полюбить ли Казя Яцека или станетъ надѣлать его пощечинами,—это для него было все равно. Но дѣло измѣнилось, когда, нѣсколько дней спустя, онъ въ первый разъ увидѣлъ эту дѣвушку.

То было вечеромъ. Пурпурныя лучи заката разстилались по полю, и вдругъ краснощекая красавица очутилась на порогѣ кузницы, въ которой въ эту минуту работалъ одинъ Мошко. Хозяинъ былъ въ городѣ, Гаврило во дворѣ. Дѣвушка презрительно взглянула на подмастерье,—не потому, чтобы онъ былъ некрасивъ, а оттого, что по щекамъ его спускались пейсы, на головѣ сидѣла ермолка, а внизу жилета болтались тесемки,—словомъ оттого, что это былъ еврей. И она даже не поклонилась ему, а просто спросила:

— Эй, жиденокъ, гдѣ мой братъ?

Мошкѣ она понравилась; ростомъ и полнотой дѣвушка занимала большую половину широкой двери. Очень она ему понравилась,—и оттого онъ привѣтливо поклонился ей и сказалъ:

— Добрый вечеръ. Ты вѣрно Казя?

— Да. Только тебѣ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Отчего же?

— Оттого что ты проклятый жидъ.

Для Моше такія рѣчи были не новость. Онъ привыкъ къ брани также какъ къ своему имени. Но на этотъ разъ ему

стало больно. Вѣдь онъ сдѣлалъ вопросъ такъ дружески, такъ ласково!

— Ахъ, ты, грубое бревно! — крикнулъ онъ, — убирайся сейчасъ вонъ!

— Не къ тебѣ пришла, собачья кровь!

— Убирайся, говорятъ! — крикнулъ онъ громче.

Гаврило услышалъ это во дворѣ и пришелъ посмотрѣть, къ кому относились такія любезности. Увидѣвъ, что тутъ на сценѣ его сестра, онъ накинулся на Мошко:

— Какъ ты смѣешь такъ кричать? Хочешь, чтобъ я показалъ тебѣ, какъ разговариваютъ съ моей сестрою?

— Сперва ты ей покажи, какъ разговариваютъ со мною. Впрочемъ, совѣтовалъ бы я и тебѣ говорить потише, — не то опять поколочу, какъ колотилъ уже неоднократно...

Никому неприятно напоминаніе о полученныхъ побояхъ. Черезъ мгновеніе Мошко и Гаврило изображали собою клубокъ. Но на этотъ разъ побѣду одержало христіанство. Дѣвушка помогала брату такъ энергически, что у еврея почернѣло въ глазахъ и посинѣло на спинѣ. Онъ находился въ весьма критическомъ положеніи, когда появившійся хозяинъ выгналъ всѣхъ троихъ.

Обѣ стороны пошли по различнымъ направленіямъ, полныя гнѣва, — гнѣва, но при этомъ и извѣстнаго уваженія другъ къ другу.

— А знаешь, — говорила Казя брату, — вѣдь это удивительно! Твой еврей вѣдь обороняется и самъ колотитъ! Этого мнѣ никогда въ жизни не приходилось видѣть.

Мошко еще болѣе дивился.

— Экія руки! — разсуждалъ онъ самъ съ собою. — Экія красныя щеки! И бьетъ точно любой мужчина! Истинное наслажденіе!

Такъ драка поселила въ нихъ взаимное уваженіе, укрѣпить которое суждено было колбасѣ.

Яцекъ Глина, деревенскій король въ Коровлѣ, выстрѣилъ себѣ новый домъ или, правильнѣе, новую избу, потому что

домовъ въ подольскихъ деревняхъ нѣтъ. Но это была прекрасная изба, такъ какъ она имѣла окна, а въ этихъ окнахъ красовались стекла,—самыя настоящія, заправскія стекла. Дверь и ворота хозяинъ желалъ тоже обить желѣзными полосами и снабдить замками. Для другихъ жителей достаточенъ простой деревянный засовъ, и характеристичною чертою этой мѣстности служить то, что даже къ помощи этой скромной охраны прибѣгаютъ весьма рѣдко. Днемъ и ночью русинская крестьянская хата остается отворенною, или если запирается, то такъ, что открыть ее можно и снаружи. Это оттого, что хотя грабежи и убійства въ Подоліи очень часты, но простое трусливое воровство тамъ явленіе рѣдкое. Въ другихъ мѣстахъ дѣлается какъ разъ наоборотъ, и это называютъ обыкновенно благотѣльными послѣдствіями цивилизаціи.

Итакъ, нашему деревенскому королю было желательно ввести у себя новый порядокъ. Вслѣдствіе этого оба подмастерья барновскаго кузнеца были отправлены во дворъ Яцека для исполненія заказа.

Работать начали они рано утромъ, и потому часамъ къ десяти сильно проголодались и съ нетерпѣніемъ ждали завтрака. Но когда онъ наконецъ появился, у Моше вдругъ пропалъ аппетитъ,—или, вѣрнѣе говоря, аппетитъ этотъ направился въ другую сторону. Корзина съ завтракомъ прибыла на мощныхъ плечахъ краснощекой непріятельницы Моше, Казіи, служанки Яцека.

Но нашего юношу она не удостоила ни однимъ взглядомъ; только къ брату обратилась ея привѣтливая улыбка.

— Вкусную штуку я принесла тебѣ,—сказала она;—отгадай-ка, что?

— Мясо! воскликнулъ Гаврило. Когда же онъ раскрылъ корзинку, по всему лицу его разлилось выраженіе блаженства.

— Колбаса!—съ умиленіемъ прошепталъ онъ,—кровяная колбаса! И хлѣбъ съ саломъ!.. Ахъ, Казя, какая ты добрая!..

Послѣднія слова были произнесены уже неявственно, такъ какъ во рту говорившаго очутился первый громадный кусокъ.

— А жидь не хочеть ѣсть? — спросила дѣвушка съ невиннымъ видомъ, но въ темныхъ глазахъ ея блеснуло злорадство; — тутъ вѣдь хватить на обоихъ, да для двоихъ и приготовлено...

Мошко сердито стоялъ въ сторонѣ и кулаки его невольно сжимались. Въ немъ кипѣло негодование, — и кипѣло тѣмъ грознѣе, что онъ былъ голодень; сытый человекъ никогда не можетъ злиться такъ какъ голодный.

— Ты скверная, злая дѣвчонка, — сказалъ онъ и близко подошелъ къ Казѣ. — Мерзкая дѣвчонка!

— Ахъ, ты, собачій сынъ! — закричала она. — Гаврило, какъ ты позволяешь ему...

Но Гаврило былъ слишкомъ занятъ; колбаса уже почти совсѣмъ исчезла.

— Совсѣмъ мерзкая! — продолжалъ Мошко. — Ты для того принесла мнѣ колбасу и намазала хлѣбъ саломъ, чтобы я не могъ ѣсть.

— Да я о тебѣ и не думала! — сказала она; — о такихъ жиденкахъ я никогда не думаю.. А можетъ быть ради тебя намъ слѣдовало взять еврейскую кухарку?..

— Этого я не требовалъ. Я вчера просилъ твоего хозяина, чтобы онъ мнѣ прислалъ на завтракъ два яйца въ крутую и большой кусокъ хлѣба. Ты сама была при этомъ и тебѣ онъ тутъ же велѣлъ исполнить мою просьбу. Отчего же ты не сдѣлала?

— А, поди ты! — презрительно отвѣчала дѣвушка, но все таки покраснѣла, потому что сознала свою несправедливость; — стану я исполнять все, что этотъ старый приказываетъ!.. Ну, да ужъ что сдѣлано, то сдѣлано, и если ты не хочешь оставаться голоднымъ...

— Она права, — перебилъ Гаврило, и добродушно прибавилъ: — Право, большого грѣха тутъ не будетъ. Колбасу я съѣлъ всю, сало тоже съѣлъ, а хлѣба осталось тоже немного. За эти два—три куска твой Богъ не станетъ тебя наказывать...

— Это не твое дѣло, обжора, — сердито возразилъ Моше; —

я съ моимъ Богомъ безъ тебя разберусь... Но я требую того, что мнѣ слѣдуетъ... Ты, дѣвченка, сейчасъ же принесешь мнѣ два яйца въ кругую и большой кусокъ хлѣба, а иначе...

Онъ сжалъ кулаки и совсѣмъ близко подошелъ къ ней. Любой мужчина отступилъ бы въ эту минуту, потому что Момшко въ подобныхъ случаяхъ производилъ не совсѣмъ успокоительное впечатлѣніе.

Но Казя была храбрая дѣвушка. Она съ вызывающимъ видомъ закинула назадъ голову и, выставивъ кулаки, сказала:

— Пусть другая дѣлаетъ, коли хочеть. А я для тебя ничего не сварю и ничего не принесу, — такъ-таки ровно ничего!

Момшко сдѣлалъ еще шагъ впередъ и поднялъ руку... Но тутъ же опустилъ ее. «Баба!» презрительно проворчалъ онъ и снова принялся за работу.

Казя нѣсколько секундъ простояла какъ ошеломленная, потомъ быстро схватила корзину и пошла по направленію къ деревнѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она остановилась и повернула голову, будто хотѣла что-то сказать, — но черезъ минуту поспѣшно продолжала путь.

Когда она исчезла, въ юношѣ обнаружилось другое дѣйствіе голода: онъ впалъ въ сентиментальность.

— Такъ хороша! — со вздохомъ разсуждалъ онъ, — такъ толста, и при этомъ такая злая!.. Вѣдь я ей никогда не сдѣлалъ ничего дурного! А у нея хватило духу заставить меня голодать!.. Знаешь, Гаврило, не стоить твоя сестра, что Богъ создалъ ее такой красивой и такой толстой!..

Гаврило уже не слышалъ сѣтованій своего товарища; онъ сладко спалъ, растянувшись на землѣ.

Тяжело вздыхая, улегся и Момшко. Но такъ какъ желудокъ есть источникъ не только гнѣва и сентиментальности, а также и сновидѣній, то легко представить себѣ, какія неприятныя грезы тревожили бѣднаго парня.

Особенно одинъ сонъ повергъ его въ ужасъ. Вотъ онъ въ фургъ весельчака Симона Гальгенштрика, и влекутъ его на-

сильно въ Хоростково, а надъ нимъ высится фигура неумолимаго Тюркишгельба, описывающаго руками въ воздухъ все болѣе и болѣе увеличивающіеся круги для опредѣленія объема невѣсты, къ которой везетъ онъ своего молодого друга. Но вотъ они и въ Хоростковѣ... Боже! какъ отвратительна и сухощава Розеле Шпринцесь! И Моше въ ужасѣ отворачивается, но въ это мгновеніе съ дѣвушкою совершается отрадная перемена. Ицекъ Тюркишгельбъ подулъ на нее изо всѣхъ силъ, и она становится все толще и все красивѣе... И при этомъ все больше и больше походитъ на Казю, и... наконецъ, это самая Казя... Онъ приближается къ ней, но она вдругъ кидаетъ въ него тарелкой съ колбасой и саломъ, и кидаетъ такъ сильно, что тарелка разбивается о голову и со звономъ разсыпается по полу...

Мошко испуганно вскрикнулъ и пробудился... Звонъ онъ слышалъ совершенно явственно,—это былъ не сонъ!.. Но когда юноша увидѣлъ, что произвело этотъ звукъ, то ему показалось, что именно теперь онъ грезить, — и это была такая чудесная греза! Ничто въ мірѣ не могло бы порадовать его такъ, какъ предметъ, стоявшій передъ нимъ въ настоящую минуту.

Что же это за предметъ?

Корзина. А въ корзинѣ, на новомъ, блестящемъ деревянномъ блюдечкѣ—четыре яйца, и тутъ же солонка и большой ломоть хлѣба. Совершенно такъ, какъ онъ желалъ, — съ тою только разницей, что вмѣсто двухъ яицъ четыре.

Мошко остотрѣлъ все это въ одну секунду и стремительно вскочилъ, чтобы успѣть открыть принесшаго или, какъ онъ надѣялся, принесшую.

Но далеко въ окрестности не было видно никого. Только по полю бѣжалъ маленькій Лиско, пастухъ Глины. Не его ли дѣвушка избрала своимъ посломъ?

Моше сѣлъ и съ удовольствіемъ принялся за ѣду. Прежде всего радовала его сама ѣда; но затѣмъ насыщала его и мысль.

что красавица-дѣвушка сознала свою несправедливость и даже искупила ее удвоеннымъ количествомъ яицъ.

Отъ этой мысли онъ невольно перешелъ и къ совершенно инымъ, — и еще долго послѣ того, снова колотя молоткомъ по воротамъ Яцека, продолжалъ думать о Казѣ.

Вѣроятно, то были совсѣмъ особенныя думы, — потому что вотъ онъ вдругъ опустилъ молотокъ и обратился къ своему товарищу:

— Какъ ты можешь оставлять твою сестру въ такомъ домѣ?

Гаврило съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и протянулъ:

— Что-о?..

— Въ домѣ гдѣ хозяйскій сынъ до сихъ поръ сбивалъ съ пути всякую дувушку, какая туда попадала..

— Мою сестру не собьетъ, хоть бы былъ вдвое красивѣе и статнѣе. Отъ нея пинковъ онъ получить сколько угодно, а на счетъ любви, — нѣтъ, шалишь!.. Да тебѣ-то однако какое до этого дѣло?

На этотъ естественный вопросъ Мошко не далъ никакого отвѣта, потому что не зналъ, что отвѣчать. Къ собственному своему изумленію, онъ при этомъ покраснѣлъ... Наконецъ, нерѣшительно и конфузясь, онъ сказалъ:

— Ну, да оттого... что я твой товарищъ... Понятно.. какая же другая причина?..

Возвращаясь въ сумерки домой, онъ думалъ все о томъ же. «Она сердитая, но не злая... иначе не прислала бы мнѣ четырехъ яицъ... Да, очень было бы досадно, еслибъ этотъ Яцекъ...

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, Яцекъ съ ней ничего не подѣлаетъ! Но любownika она во всякомъ случаѣ заведетъ, какъ всякая христіанская дѣвушка... Смѣшныя штуки дѣлаются у этихъ христіанъ, — напимѣръ, эта любовь! Ужасно смѣшно! У насъ тако-го не бываетъ. Отчего? Въ библии, правда, есть, — вотъ хоть бы любовь Іакова и Рахили... Но теперь евреи иные стали... Должно быть, Божья воля такая!

Этимъ объясненіемъ Моше довольствовался однако на про

тяженіи только пяти шаговъ. Затѣмъ онъ остановился и опять пустился въ разсужденія.

— Очень, очень, удивительно!.. Вотъ Гаврило и я! Два человѣка, два товарища... А разница то какая! Точно день и ночь!.. Гм... гм... Кому лучше? У него есть любовница, черная Магдуса, попова служанка; каждую ночь онъ, шельмецъ, забирается къ ней... Что-же, женится онъ на ней? Нѣтъ! И она не первая и не послѣдняя у него! Стало быть, только на той, которая ему особенно понравится, женится онъ... А я—вѣдь тоже человѣкъ — я имѣю невѣсту и—не знаю ея! Да, дуракомъ я поступилъ, большимъ дуракомъ! Скажу я теперь моему ребѣ Ицеку...

Въ эту минуту вдругъ издалека донесся странный звукъ. Мошко замолчалъ и сталъ вслушиваться. Сначала послышалось что-то пронзительное, потомъ звукъ сталъ дѣлаться все мягче, тише и наконецъ обратился въ простой, мелодическій вздохъ, который медленно протянулся въ воздухѣ и потомъ замеръ въ тиши лѣтняго вечера.

Мошко не зналъ, откуда и что это такое, да онъ и недолго думалъ объ этомъ. Его снова заняли прежнія мысли.

— Да!—порывисто продолжалъ онъ,—я непременно поговорю съ маршалекомъ. Коли эта Розеле такъ ему нравится, пусть самъ женится! А я возьму себѣ только такую жену, которая мнѣ по вкусу! Если же онъ мнѣ скажетъ: «да ты посмотри ее сперва»,—я отвѣчу: «мнѣ вообще не можетъ нравиться та, съ которой меня другіе обручили!».. Да, я самъ хочу найти себѣ невѣсту! Если я первый еврей, который сдѣлался кузнецомъ, то могу быть и первымъ евреемъ, который самъ выбираетъ себѣ невѣсту!.. Завтра же буду говорить съ ребѣ Ицекомъ, завтра рано и...

Въ воздухѣ снова пронесся тотъ-же странный звукъ,—но не онъ, а новая мысль, внезапно пришедшая въ голову Мошки, повернула его разсужденія въ другую сторону.

— Какъ это могло взбредить мнѣ на умъ? Ну, а если маршалекъ скажетъ мнѣ: «Вѣдь еще вчера ты объявилъ мнѣ:

дѣлайте какъ знаете, — а сегодня уже на попятный, что-же это такое?» — Что я ему отвѣчу? Для него еще, пожалуй, у меня отвѣтъ найдется, ему я скажу: «это оттого, что я сегодня умнѣе, чѣмъ былъ вчера, и глупѣе чѣмъ буду завтра!» Но что я отвѣчу самому себѣ? Если соглашался вчера, отчего не хочу сегодня?

На губахъ его зашевелилось имя, предъ глазами возникла фигура,—но онъ энергически тряхнулъ головою и гнѣвно проворчалъ:

— Нѣтъ, это совсѣмъ не изъ-за этой глупой дѣвчонки! Никакого мнѣ дѣла до нея нѣтъ, ровно никакого!.. И отчего мнѣ не жениться на своей Хоростковской невѣстѣ?.. Жѣнюсь... нѣтъ, не могу!.. Ахъ!—вдругъ воскликнулъ онъ, глубоко вздохнувъ;—что это со мной дѣлается!.. Самъ не знаю, чего хочу!..

Таинственные звуки становились все явственнѣе, но въ тоже время увеличивалась и ихъ рѣзкость. Казалось, что они выходили изъ маленькой золотой кучки, виднѣвшейся далеко-далеко на поверхности облитой серебрянымъ луннымъ свѣтомъ степи. Такъ оно и было. Этой кучкой представлялся костеръ, разложенный пастухами, — и вокругъ него лежали молодые парни, наигрывая на тричкѣ—коротенькой украинской дудѣ.

Можкѣ приходилось идти въ нѣсколькихъ шагахъ мимо ихъ. Но его острый глазъ уже издали различилъ каждую фигуру въ отдѣльности. Тутъ сидѣлъ и смуглый Лиско—его недавній спаситель отъ голода и зловѣщихъ, колбасою наполненныхъ, сновиднѣй. Мальчику не было и пятнадцати лѣтъ, но въ одиночествѣ человекъ зрѣеть скоро; этотъ маленький пастухъ былъ смѣлѣе и хитрѣе любого взрослого. Да и въ другомъ отношеніи онъ значительно опередилъ свои годы, судя по тому выраженію и тону, съ которыми вдругъ полетѣла по воздуху изъ устъ его пѣсня:

Краше душеньки моей
Въ свѣтѣ нѣтъ дивчины;
Строгость дѣвчья у ней
Тоньше паутины.

Паутина создана,
 Чтобы разрываться;
 Но и цѣпь надѣнь она,—
 Я-бъ порвалъ, признаться!

Но лежавшій около него товарищъ, бѣлокурый Грицко, былъ въ гораздо болѣе сентиментальномъ настроеніи. На заунывный, протяжный мотивъ пѣлъ онъ:

Я люблю мою душу—дѣвицу,
 И она дорога мнѣ всегда,
 Какъ въ степи запыленной и знойной
 Дорога ключевая вода...

Можетъ быть, Грицко былъ влюбленъ,—для этого онъ былъ достаточно бѣлокуръ. Можетъ быть, — потому что чудесную народную пѣсню онъ пѣлъ съ такимъ чувствомъ, что она дѣйствительно неслась какъ что-то волшебное по широкой, ярко-освѣщенной степи.

И на Мошко эта пѣсня произвела надлежащее впечатлѣніе. Онъ остановился и вслушивался. «Глупости!—сердито проворчалъ онъ потомъ;—опять объ этой любви! Хотѣлось бы наконецъ узнать, что это собственно за штука!»

Можетъ быть, желанію его суждено было осуществиться очень скоро,—потому что ничто иное, какъ хитрость, хитрость относительно самого себя, дѣйствовала въ немъ, когда онъ, постоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, рѣшилъ: «Подся цука я къ этимъ парнямъ... ночь такая чудесная!» На самомъ же дѣлѣ его тянуло только къ смуглому Лиско, потому что онъ могъ поговорить съ нимъ о нѣкоемъ краснощекомъ, зломъ и тѣмъ не менѣе вовсе не неприятномъ предметѣ.

— Добрый вечеръ, парни! сказалъ онъ, входя въ ихъ кружокъ.

— А! жидокъ, кузнецъ! закричали пастухи и запѣли всѣ вмѣстѣ какъ одинъ человѣкъ:

Хочешь, жидъ, свиного мяса?
 Жидъ, жидъ!
 Хочешь душъ купить у чорта?
 Жидъ, жидъ!

Это обычная пѣсенка, которою русины привѣтствуютъ своихъ согражданъ въ длинныхъ кафтанахъ, — пѣсенка не особенно злая и, какъ видитъ читатель, тоже не особенно умная. Мошко спокойно далъ имъ донѣтъ, что длилось нѣкоторое время, хотя пѣсня состоитъ всего изъ двухъ вышеприведенныхъ прекрасныхъ стиховъ. Но ихъ можно повторять до безконечности. Когда мальчики нагѣлись въ волю, онъ очень хладнокровно сказалъ: «Свиного мяса нѣту и у васъ самихъ, голоштанниковъ, а на счетъ вашихъ душъ, — такъ я ихъ не стану покупать у чорта, оттого что онѣ не стоятъ и мѣдной пуговицы. Ну, а теперь сдвиньтесь и дайте мѣсто!»

Они немедленно исполнили его желанію, и Мошко, усѣвшись около пастуховъ Яцека, приступилъ къ дипломатическимъ распросамъ. Но хитрый Лиско не отвѣчалъ ничего или давалъ отвѣты уклончивые и двусмысленные.

- Отчего ты принесъ ко мнѣ корзину?
- Оттого, что корзина не можетъ сама себя принести.
- А отчего попали туда четыре яйца?
- Оттого, что столько именно яицъ туда положили.

Только послѣ того какъ Мошко пообщалъ мальчику подкову въ награду за правдивое сообщеніе, онъ рассказалъ:

— Ну, вотъ какъ было дѣло. Прихожу я домой полечить больного быка и вижу—идеть ко мнѣ Казя, только что прибѣжавшая во дворъ, идетъ, совсѣмъ запыхавшись. Идетъ и говорить: «Тебѣ надо сходить для меня въ одно мѣсто». — «Хорошо—говорю—для тебя я сдѣлаю все что хочешь». И вотъ, смотрю я—беретъ она два яйца изъ одной большой корзины, и два изъ другой, маленькой,—беретъ и начинаетъ варить. Я и спрашиваю: «Отчего ты не берешь всѣ четыре изъ одной корзины? А она отвѣчаетъ: «Въ большой корзинѣ яйца принадлежатъ козынну, а въ маленькой—тѣ, что для меня снесла моя собственная курица. И я даю два яйца изъ своихъ; даю и не охотно и охотно». — «Этого я что-то не понимаю!» говорю я. — «Да и нечего тебѣ понимать!» говоритъ она, и кладетъ яйца, хлѣбъ и соль въ корзиночку, и посылаетъ меня къ тебѣ. «А

если—наказываетъ она—онъ спросить тебя, кто это послалъ,— скажи: старая кухарка!» Но ты въ то время храпѣлъ, и мнѣ, стало быть, лгать не пришлось. Вотъ и все. Ну когда же прійти за подковой?

— Завтра!—отвѣчалъ Мошко.—Ну... а скажи... какая у нея мина была, когда она тебя посылала...

— Послушай,-ка, жидь! — сказалъ мальчикъ,—ты спрашиваешь смѣшныя вещи... Ты и Казя!.. Ха, ха, ха!.. Кажется, что... ха, ха, ха!.. ахъ ты, бестія этакая!..

Мошко покраснѣлъ какъ піонъ, но сьумѣлъ выдержать себя.

— Бездѣльникъ,—закричалъ онъ,—негодный! Съ чего ты это выдумалъ клепать на честныхъ людей?.. Мнѣ до твоей Кази столько дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга!

— А мнѣ большое дѣло! со вздохомъ произнесъ бѣлокурый Грицко.

— Оттого, что она и знать его не хочетъ!—шепнула Лиско своему сосѣду;—хоть онъ и не отстаеетъ отъ нея ни на шагъ, точно банный листъ...

— Вѣроятно, у ней есть другой любовникъ? спросилъ Мошко.

— Вѣроятно! Но сказать вѣрно никто не можетъ. Она славная дѣвушка,—этого у ней не отымешь.

— Она скверная,—возразилъ Мошко,—совсѣмъ скверная; это я хорошо знаю... Хоть можно поручиться, что она не гулящая... Спокойной ночи, парни!

— Спокойной ночи! отвѣчали они дружески, но тутъ же, совсѣмъ не по злобѣ, а чисто по привычкѣ, запѣли:

Хочешь, жидь, свиного мяса?
Жидь, жидь!

Долго раздавалась эта пѣсня вслѣдъ Мошко. Но онъ не обращалъ на нее вниманія. Погруженный въ глубокую задумчивость, продолжалъ онъ свой путь или вдругъ останавливался и начиналъ произносить странные монологи, въ которыхъ утешалъ самого себя самою отборною руганью. «Ахъ, ты, болванъ, ахъ ты, песь, какое тебѣ дѣло до христіанки?» Но четыре яйца не выходили у него изъ головы. «Отъ своей бѣдности

удѣлила мнѣ она... И нѣтъ у ней никакого любовника!.. завтра мнѣ непременно надо поговорить съ маршалекомъ... Конечно, не на счетъ христіанки... Какое мнѣ дѣло до христіанки?..»

Полный тревожныхъ, разнородныхъ мыслей пришелъ онъ домой и долго не могъ успокоиться.

VIII.

На слѣдующее утро Моше не пошелъ къ маршалеку.

— Конечно, это было бы хорошо—такъ оправдывалъ онъ мысленно самого себя,—но вѣдь дѣло не такое ужъ спѣшное.

Но въ этотъ самый день должно было случиться нѣчто другое, въ чемъ не заключалось и ничего хорошаго, и ничего спѣшнаго.

Моше не вернулся больше въ Коровлю къ Яцеку Глинѣ. Работы осталось тамъ на одного человѣка, и онъ предоставилъ ее Гаврилѣ, котораго сильно притягивали туда сестра и колбаса. Самъ-же Моше остался въ кузницѣ и работалъ вмѣстѣ съ хозяиномъ.

Старикъ Василій въ это утро былъ необыкновенно взволнованъ. Лице его нѣсколько утратило свою мрачность, и по временамъ онъ что-то шепталъ про себя. Мошко удивлялся, но не смѣлъ спросить о причинѣ; когда хозяинъ хотѣлъ сообщить что нибудь, то дѣлалъ это самъ, безъ приглашенія. Такъ было и сегодня.

— Послушай, Мошко,—началъ старикъ,—сегодня ночью мнѣ приснился сонъ, и приснился какъ разъ въ полночь,—а полночные сны всегда сбываются. То былъ чудесный сонъ, и очень онъ меня радуетъ... Да и ты вѣрно порадуешься, когда узнаешь...

— Само собою, хозяинъ.

— Ну, такъ слушай. Лежу я вчера на постели, и такъ темно и тяжело у меня на сердцѣ, и верчусь я то въ ту, то въ другую сторону,—никакъ не могу уснуть... Вспоминаю я прошедшее время, вспоминаю свою молодость—и точно ножи кто втыкаетъ мнѣ въ грудь. И вотъ снова сталъ я молить

Бога, какъ молилъ уже столько разъ. «Господи—говорю—Тебя называютъ всеправеднымъ, пошли же мнѣ наконецъ мое мщеніе или дай смерть. То или другое—что хочешь, только чтонибудь одно пошли!» И долго еще послѣ того ворочался я на постели—и наконецъ уснулъ. И снится мнѣ, что я лежу въ глубокомъ, глубокомъ погребѣ, а вокругъ такая темнота, что хоть глазъ выколи. Но вдругъ на полу становится свѣтло, ярко-свѣтло, и онъ раскрывается, и изъ подъ него выступаетъ бѣлая лилія, а изъ нея такъ и сыпятся лучи. «Лилія!—радно говорю я,—милая лилія, не правда-ли, вѣдь ты моя дочурка Марина, которой пришлось умереть такою молодою?»—«Да, батюшка, отвѣчаетъ она кроткимъ, прекраснымъ голосомъ,—да, я твоя дочка Марина, которая умерла отъ своего срама. Но въ срамѣ этомъ я неповинна, и потому нашъ милосердый Спаситель превратилъ меня въ бѣлую лилію и позволилъ мнѣ цвѣсти въ его небесномъ саду». Тутъ я заплакалъ отъ радости и говорю:—«Ахъ, доченька, какъ я тебѣ благодаренъ за то, что ты пришла; хоть одно утѣшеніе мнѣ въ моей горькой старости». А лилія отвѣчаетъ: «Да, я пришла именно чтобъ утѣшить тебя и сказать тебѣ, что близокъ твой часъ. Еще только годъ остается тебѣ ждать и терпѣть, а затѣмъ исполнится то, чего ты такъ сильно желаешь». Я такъ и вскопчилъ отъ радости и—проснулся. Ахъ, какъ мнѣ стало жалко! Лилія пропала... Но въ комнатѣ все еще было свѣтло, можетъ быть только отъ мѣсяца...

Старикъ замолчалъ. Мощко тоже не говорилъ ни слова,—онъ былъ глубоко потрясенъ. Никогда онъ не могъ себѣ и представить, что его крутой, мрачный хозяинъ былъ въ состояніи говорить такъ мягко, такъ нѣжно...

— Хозяинъ,—сказалъ онъ наконецъ съ теплымъ участиемъ,—раздумывали вы когданибудь, отчего все это такъ случилось?

— О, сколько разъ раздумывалъ!—отвѣчалъ старикъ съ горечью.—Но допытаться причины все таки не могъ... Отчего на свѣтѣ такъ много крови и бѣды?.. О, судьба—злая вѣдьма!..

— Но скажите, развѣ дѣло нельзя было какъ нибудь повернуть въ хорошую сторону?

— Что ты врешь глупости?—запальчиво крикнулъ Василій;—какимъ это образомъ повернуть? Я могъ сдѣлать только одно—убить мерзавца, и убилъ. Но заставить его жениться на моей дочери я не могъ; этотъ полякъ всегда бы предпочелъ смерть такой женитьбѣ. Да еслибъ мнѣ и удалось добиться невозможнаго,—то ничего бы изъ этого не вышло путнаго... Напротивъ... Дворянину жениться на мужичкѣ! Да это все равно, что христіанину жениться на еврейкѣ, или вотъ хоть тебѣ на христіанкѣ... Это ужъ противъ природы, — оттого такіе браки всегда прокляты... Богъ поставилъ на землѣ предѣлы,—и пропалъ тотъ, кто переступитъ ихъ!

Еврей сильно поблѣднѣлъ. «Вы правы, хозяинъ», прошепталъ онъ и низко наклонился къ наковальнѣ.

Слова старика раздавались у него въ ушахъ весь день. Но когда солнце сѣло и тѣнь отъ кузницы стала все болѣе и болѣе удлиняться по направленію къ Коровлѣ, — ему показалось, что она указываетъ ему дорогу, по которой онъ долженъ пойти.

— Хозяинъ,—сказалъ онъ,—прежде чѣмъ намъ сдать работу Яцеку, мнѣ бы, я думаю, слѣдовало посмотрѣть, какъ тамъ справился съ нею Гаврило.

Василій вполне согласился съ этимъ. Но Мошко только обманывалъ и его, и самого себя. Онъ очень хорошо зналъ, отчего тянуло его въ Коровлю, и сильно сердился за это на себя; нѣсколько разъ останавливался онъ на дорогѣ, въ полголоса придавалъ себѣ самые нелестные эпитеты—и все таки шель дальше, по направленію къ новой избѣ Яцека.

Гаврило уже не было во дворѣ, но Казя находилась тамъ. Красивая дѣвушка стояла у колодца и наливала воду въ большой ушатъ. Юбка у нея была приподнята, руки обнажены до локтей; она собиралась мыть двери и окна.

Увидъ ее Мошко въ этомъ видѣ, она конечно показалась бы ему еще красивѣе, чѣмъ онъ находилъ ее до тѣхъ поръ.

Но Мошко не видѣлъ ее, или по крайней мѣрѣ видѣлъ весьма смутно,—потому что съ каждымъ новымъ его шагомъ впередъ изба и дверь, колодезь, дѣвушка и ведро все быстрѣе и фантастичнѣе вертѣлись вокругъ него. Бѣдный юноша былъ сконфуженъ до послѣдней степени.

Дѣвушка, замѣтивъ его безпомощное положеніе, начала хихикать, и это отчасти образумило его.

— Гаврило здѣсь? наконецъ нашелъ онъ въ себѣ силу выговорить.

— Онъ у матери.

— Я хотѣлъ осмотрѣть его работу.

— Ты что же за учитель такой у него?..

— Меня послалъ хозяинъ...

— Хозяину слѣдовало бы знать, что христіанинъ работаетъ лучше... когонибудь другаго... А впрочемъ, осматривай себѣ, коли желательно.

И она повернулась къ нему спиной и повидимому забыла даже о его существованіи.

Но именно это обстоятельство придало бодрости нашему Мошко. Онъ собрался съ духомъ, подошелъ къ ней, и хотя передъ его глазами блестѣла ея голая шея, онъ началъ говорить не смущенно, не заикаясь, а твердо и рѣшительно:

— Послушай, у меня наконецъ лопаются терпѣніе. Я хочу поговорить съ тобою серьезно.

Она повернулась и посмотрѣла на него полу-изумленно, полугнѣвно. А онъ продолжалъ:

— Ты постоянно упрекаешь меня, что я еврей. . Постоянно... Отчего?..

— Оттого, что ты и на самомъ дѣлѣ еврей.

— Но вѣдь если человѣкъ хромаетъ, или слѣпъ на одинъ глазъ, или имѣетъ какойнибудь скрытый недостатокъ, — его вѣдь бранятъ за это не каждую минуту, а только тогда, когда съ нимъ ссорятся. Зачѣмъ же ты бранишь меня всегда, ни за что, ни про что?

— Я... я всёхъ жидовъ терпѣть не могу.... сказала она какъ-то нерѣшительно.

— За что?

— За то, что вы распяли Христа.

— Да вѣдь меня въ то время не было...

— И за то, что вы такіе мошенники. Въ прошедшемъ году одинъ изъ вашихъ мнѣ продалъ стекло за кораллы.

— Я не торгую кораллами.

— И за то, что вы трусы и ехидные...

— Я не трусъ,—возразилъ онъ гордо.—А насчетъ моего ехидства,—такъ спроси объ этомъ своего брата.

— Правда, онъ хвалить тебя,—созналась она;—но жидъ все-таки жидомъ всегда и останется... Впрочемъ, вы вѣдь считаете за счастье, за большое счастье быть евреемъ. Отчего же ты такъ обижаешься?

— Оттого, что у тебя это брань.

— А у тебя честь? опять дерзко спросила она.

— Ни стыдъ, ни честь... А коли ужъ въ самомъ дѣлѣ есть въ этомъ что нибудь особенное,—такъ, если хочешь знать, быть евреемъ—несчастье!

Онъ почти испугался, что такъ неосторожно высказалъ свою затаеннѣйшую мысль. Казя же весело засмѣялась.

— Несчастье!—сказала она;—не оттого ли, что тебѣ нельзя ѣсть колбасу и сало?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ, тоже смѣясь;— вмѣсто колбасы и сала я вѣдь получаю двѣ пары свѣжихъ яицъ; и одну пару мнѣ выдала изъ своей собственной корзиночки одна добрая, злая, красивая, скверная дѣвчонка. Спасибо, Казя, большое спасибо!

Она сильно покраснѣла.

— Это неправда, неправда!.. Кто тебѣ это рассказалъ? Лиско? Онъ всегда вретъ, негодный!..

Мошко схватилъ ея руку.

— На этотъ разъ онъ не солгалъ... И еслибъ ты знала, какъ это меня порадовало!..

— Отчего?—спросила она наивно; — развѣ ты былъ такъ голоденъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не оттого, а...

Онъ хотѣлъ добавить: « а оттого, что ты прислала»... Но на это у него уже не хватило мужества, и притомъ она не дала ему времени продолжать, поспѣшивъ сказать:

— Ну, ступай, ступай! Не мѣшай мнѣ работать. Мнѣ надо наполнить водой вотъ этотъ ушатъ, а потомъ на скотномъ дворѣ еще одинъ вдвое больше. Вода должна простоять всю ночь, чтобы известка осѣла. Тутъ работы часа на два, а уже темнѣеть.

— Спокойной ночи! сказалъ молодой кузнецъ и протянулъ дѣвушкѣ руку.

— Спокойной ночи!—отвѣтила она и крѣпко хлопнула его по рукѣ;—спокойной ночи... жидь!..

Но въ то же время она привѣтливо улыбалась, и онъ хорошо чувствовалъ, что это слово произносилось теперь ею совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Съ полнымъ блаженствомъ въ душѣ отправился онъ домой... Что это за чудная дѣвушка! Какая красавица, какая толстуха, и какъ сердечно умѣетъ хохотать! А коли она пожметъ вамъ руку, то вы чувствуете это цѣлыхъ четверть часа послѣ того... «И какъ привѣтливо обошлась она со мною!» разсуждалъ онъ. Можетъ быть, это послѣднее обстоятельство поразило его только по контрасту съ прежнимъ, такъ какъ въ первое ихъ свиданіе она поколотила его, а во второе—обругала.

Что онъ любилъ Казю,—въ этомъ онъ еще не давалъ себѣ отчета. Только одно было ему ясно, что онъ счелъ бы себя безмѣрно счастливымъ, еслибы нашель случай оказать ей какую нибудь большую услугу,—и притомъ сегодня же, сейчасъ же... Но какъ?

Тутъ вспомнилъ онъ про скотный дворъ и про большой ушатъ. Вѣдь если Мошко нальетъ воды въ этотъ ушатъ, то бѣдной, усталой дѣвушкѣ не зачѣмъ будетъ работать ночью, и она можетъ спокойно улечься спать. И онъ быстро побѣжалъ

на скотный дворъ, находившійся среди поля. Тамъ стояла только маленькая избушка, въ которой жили родители деревенскаго короля, — старые, престарые люди; — они уже давно спали, потому что ложились съ курицами.

Мертвая тишина господствовала на этомъ маленькомъ странствѣ, ярко освѣщенномъ луною. У колодца стоялъ уже большой дубовый ушатъ.

Мошко быстро принялся за работу; ведро такъ и летѣло то внизъ, то вверхъ. «Какъ она обрадуется! — думалъ онъ, весело посмѣиваясь; — и какъ изумится!.. А догадается ли она, кто это поработалъ за нее?»

Мысль, что конечно догадается, усиливала его рвеніе. Но ведро было не велико, а ушатъ — огромный; поэтому онъ наполнился только черезъ часъ.

Какъ разъ въ ту минуту, какъ ведро въ послѣдній разъ вышло изъ колодца, Мошко услышалъ позади себя быстрые, тяжелые шаги.

Передъ нимъ очутилась Казя. А такъ какъ луна извѣстная волшебница, то при ея свѣтѣ дѣвушка показалась ему еще въдесятеро красивѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? — съ изумленіемъ спросила она; — работалъ за меня?

Она сдѣлала этотъ вопросъ какимъ-то особенно протяжнымъ, страннымъ тономъ.

— Я думалъ... я хотѣлъ... такъ какъ ты устала...

Бѣднякъ былъ такъ смущенъ, какъ будто его поймали на мѣстѣ преступленія.

Но выраженіе лица у Казя дѣйствительно было такое, какъ будто она считала его поступокъ преступленіемъ.

— Это не хорошо съ твоей стороны, — мрачно сказала она. — То есть благодарю тебя... ты вѣдь это съ добрымъ намѣреніемъ... Но...

Она остановилась и робко посмотрѣла на него.

— Прости меня... чуть слышно проговорилъ онъ.

— Тутъ не за что прощать, — тутъ слѣдуетъ только бла-

годарить... Но пожалуйста, впередъ никогда не дѣлай такихъ вещей... И еще прошу тебя—не рассказывай никому, что ты оказывалъ мнѣ услугу...

— Я и безъ того молчалъ бы... Но мнѣ все-таки хотѣлось бы узнать, отчего ты такъ настойчиво запрещаешь?..

— Оттого,—вдругъ заговорила она необыкновенно порывисто,—оттого, что я не хочу, чтобы всякій дуракъ—сплетникъ разносилъ мое имя вмѣстѣ съ жидовскимъ...

Мошко вздрогнулъ и покачнулся, точно вражеская рука нанесла ему сильный ударъ въ сердце.

Но она этого не замѣтила и также рѣзко продолжала:

— Ты вотъ вчера справлялся обо мнѣ у Лиско, а не знаешь, что это за скверный болтунъ... Да и Грицко былъ тамъ же. А вѣдь только отъ тебя одного тайна, что этотъ Грицко по уши влюбленъ въ меня. Онъ славный паренъ и со временемъ получить кое-что въ наслѣдство отъ своего дяди,—но я все таки ни за что не хочу пойти за него... Отчего? Сама не знаю... Часто я объ этомъ раздумывала и такъ ни до чего и не додумалась... Грицко говорить, что это оттого, что я будто бы другаго люблю — и ужасно ревнуетъ... Ну, вотъ послѣ твоего разговора съ ними они оба и стали меня дразнить... Изъ-за тебя, понимаешь ты?.. Такъ мнѣ стыдно стало, такъ стыдно!..

Мошко горько засмѣялся.

— Да, дѣйствительно, это ужасный стыдъ! глухо проговорилъ онъ.

Только въ эту минуту замѣтила Казя, какъ глубоко она оскорбила его. Она подошла къ юношѣ, который стоялъ, уныло опустивъ голову.

— Ты сердиться на меня, Мошко? спросила она.

— Сердиться... нѣтъ, не сержусь... ты въ этомъ не виновата...

— Но тебѣ больно?..

— Еще бы!.. А какъ же не больно!.. Я вѣдь тоже чело-

вѣкъ... Или, можетъ быть, ты думаешь, что еврей не чело-
вѣкъ?..

— Мошко!—сказала она;—а вѣдь все-таки очень, очень
грустно, что ты еврей!..

— Оставь это!—поспѣшно и чуть слышно перебилъ онъ;—
оставь... этого не перемѣнишь... А коли перемѣнить нельзя,
то я стану поступать какъ ты желаешь. Никогда не буду го-
ворить про тебя и встрѣчаться съ тобою буду только тогда,
когда ужь некуда будетъ свернуть.

— Но бранить меня въ душѣ ты не будешь,—правда?...
Прошу тебя, Мошко, извини меня за то, что я всегда такъ
бранила тебя, издѣвалась надъ тобою... Это я только такъ, съ
дуру... Я вѣдь такая скверная, упрямая...

Сильная краска разлилась по ея лицу, что, благодаря яр-
кому лунному свѣту, не могло укрыться отъ глазъ Мошко.

— И—продолжала она почти шопотомъ—дѣлала я это ско-
рѣе, можетъ быть, съ досады на самое себя, чѣмъ на тебя.
Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе говорить тебѣ совѣмъ, совѣмъ
иные слова. И оттого-то я и была такая злая...

— Казя! съ восторгомъ вскричалъ онъ и схватилъ ее за
руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня,—проговорила она въ сильнѣй-
шемъ волненіи.—Ну, вотъ, теперь ты все знаешь... И я то-
же... все знаю... Не говори ни слова,—это лишнее... Мы тутъ
нисколько не виноваты, все сдѣлалъ Богъ, или, скорѣе, чортъ.
Потому что, поддайся мы грѣху, ничего бы мы себѣ не на-
жили, кромѣ тяжкаго горя... Вотъ оттого-то... и прощай!

— Прощай!—сказалъ онъ и выпустилъ ея руку. Въ его
ушахъ грозно раздавались слова, которыя онъ слышалъ въ это
утро: «Богъ поставилъ на землѣ всему предѣлы, и пропалъ
тотъ, кто переступитъ ихъ!» Онъ склонилъ голову и прошеп-
талъ: «Прощай!»

Они пошли въ разныя стороны.

Но тутъ случилось нѣчто весьма странное. Одновременно и

онъ и она обернулись, чтобы взглянуть другъ на друга, и черезъ секунду же снова стояли рядомъ.

— Казя! — сказалъ онъ, — мы вѣдь видимся наединѣ въ первый и въ послѣдній разъ! Мнѣ хотѣлось бы поцѣловать тебя...

— Это грѣхъ, возразила она.

— Оттого что я еврей?

— Да... но такъ и быть, я беру грѣхъ на себя.

Она закрыла глаза, опустила руки и сказала:

— Цѣлуй меня!

Онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать. И она отвѣчала тѣмъ-же.

Потомъ они стремительно оторвались другъ отъ друга и побѣжали — она въ свою комнату, онъ по полю. Казя скрыла свое лицо въ соломенную подушку, Мошко — въ мокрую траву. Но этимъ и ограничивалась вся разница, — потому что оба одинаково горько плакали, — онъ — въ первый разъ въ жизни. И оба ощущали въ то же время странное, томительное, горькое блаженство...

Перев. Петръ Вейбергъ.

(Продолженіе будетъ).

М Е С С И Я.

Когда подъ гнетомъ бурь тяжелыхъ
Народъ измученный стоналъ,
Тогда приходъ его—въ восторгѣ
Пророкъ великій предсказалъ.

— Молчи, народъ! Тьма прояснится,
Грядетъ освобожденья часъ!
«Грядетъ! грядетъ!» съ небесной выси
Пророку вторилъ божій гласъ.

Умолкли ропоть и стenanья,
Великій духъ сердца объялъ,
И предъ Всевышнимъ въ умиленьи
Народъ-страдалецъ тихо палъ.

И тишь, и тьма... Къ землѣ припавши,
Молчить испытанный народъ,
А надъ его главой вѣнчанной
Гремитъ священный гласъ—впередъ!

И тихо въ душу проникаетъ
Ему тотъ высшій, чудный гласъ...

— «Мы будемъ жить, страдать и биться,
Пока придетъ великій часъ!»

— «Страдать и биться!» — Онъ въ восторгѣ
Цѣлуетъ землю, слезы льетъ,
Оковы рабства разбиваетъ
И на борьбу весь міръ зоветъ.

Онъ всталъ и въ путь... Въ груди могучей
Завѣтъ прекрасный онъ несетъ,
А надъ головой его вѣнчанной
Гремитъ великое — «грядетъ!»

Гр. Алтеръ.

ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ *

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Вѣвѣ).

(Окончаніе).

III.

Прошлое институтовъ слѣпыхъ.—Зарожденіе мысли и ея осуществленіе.—Пожертвованіе барона Кинисвартера.—Открытіе института и его уставъ.—Первый всемірный конгрессъ педагоговъ.—Внѣшнее устройство.—Внутренній бытъ.—Результаты.—Заключеніе.

Исторія современныхъ европейскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, предназначенныхъ для слѣпорожденныхъ или ослѣпшихъ дѣтей, такъ не сложна, что ее можно резюмировать въ двухъ словахъ. Это одинъ изъ плодотворныхъ результатовъ совокупныхъ усилій незабвенныхъ мыслителей XVIII вѣка, поставившихъ себѣ задачей изысканіе средствъ, чтобы сократить по возможности сумму человѣческихъ страданій. Рядомъ съ заботами объ усовершенствованіи формъ государственнаго устройства, о сверженіи средневѣковаго ярма, наложеннаго немногими избранными на безотвѣтную массу, задыхавшуюся въ желѣзныхъ тискахъ суровыхъ агентовъ: короля, папы и феодала, кипѣла работа, имѣвшая единственную цѣль — благо и облагороженіе человѣка - индивида. Взглядъ на человѣка, впадшаго въ несчастіе или преступленіе, значительно измѣнился. Падшій человѣкъ пересталъ считаться отрѣзаннымъ ломтемъ; на обдѣленныхъ природою обращено было сугубое вниманіе; особенную симпатію возбудили слѣпыя дѣти.

Организованную помощь со стороны государства впервые доставила слѣпымъ Франція. По возвращеніи изъ крестоваго похода,

* См. „Восходъ“ кн. I и II.

Восходъ, кн. III.

французскій король Людовикъ Святой основалъ въ 1260 голу, для 300 ослѣвшихъ во время похода воиновъ, госпиталь «Quinse Vingt», который и теперь еще существуетъ, и, какъ говорятъ, находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Затѣмъ первый «институтъ слѣпыхъ» во Франціи возникъ по слѣдующему поводу.

Одна изъ крестницъ, императрицы Маріи Терезіи, дѣвица фонъ-Парадисъ, имѣла несчастье ослѣпнуть на третьемъ году отъ рожденія. Отецъ ребенка, не могшій примириться съ мыслью о страшной будущности, ожидающей ее, попытался дать своей дочери образованіе. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Дѣвочка вскорѣ изучила иностранные языки, оказали большіе успѣхи въ пѣніи, игрѣ на арфѣ и органѣ. Слухъ объ этомъ удивительномъ ребенкѣ дошелъ до одного парижанина, Валантена Гои (Haüy), брата знаменитаго минералога. Пораженный необыкновенными успѣхами этой дѣвочки, Гои рѣшился повторить этотъ опытъ надъ своими слѣпыми земляками. Труды этого благороднаго филантропа увѣнчались успѣхомъ—въ 1784 году Валантенъ Гои открылъ въ Парижѣ первый въ мірѣ „институтъ слѣпыхъ“. Такимъ образомъ, рожденіе слѣпыхъ къ новой лучшей жизни произошло незадолго до знаменитаго «провозглашенія правъ человѣка и гражданина».

Примѣру Гои послѣдовалъ нѣмецъ, Вильгельмъ Клейнъ, основавшій въ 1804 году въ Вѣнѣ подобное же заведеніе.

Въ настоящее время, число подобныхъ институтовъ, въ разное время, основанныхъ въ Европѣ и Америкѣ, достигаетъ почтенной цифры 142.—Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Англія; послѣднее къ сожалѣнію, Россія. У насъ всего 2 института: одинъ въ Петербургѣ, а другой въ Варшавѣ. Сколько у насъ безслѣдно погибаетъ слѣпыхъ, можно судить по слѣдующему, наводящему на размышленія, факту. Въ Австріи, занимающей въ этомъ дѣлѣ одно изъ низшихъ мѣстъ, находится 8 институтовъ и 2 приготовительныя школы для слѣпыхъ. Число дѣтей, призрѣваемыхъ этими заведеніями, доходитъ всего до 400, тогда какъ количество всѣхъ слѣпыхъ, живущихъ въ австро-венгерской монархіи, достигаетъ ужасающей цифры въ 28.000 человѣкъ!

Если выводъ Франкля, что „культурнымъ градусникомъ государства служить число его институтовъ слѣпыхъ“, вѣренъ—то намъ есть надъ чѣмъ призадуматься.

Чѣмъ больше мы знакомились съ подробностями внутренняго устройства основаннаго Франклемъ института, тѣмъ неотвязчивѣе преслѣдовалъ насъ вопросъ: какимъ это образомъ удалось ему создать изъ ничего нѣчто капитальное и цѣлесообразное, гдѣ все на своемъ мѣстѣ, гдѣ нигдѣ не найдешь, что называется, ни сучка, ни задоринки?

Разъ, это было давно, чуть-ли не въ 1871 или 1873 году, слушая увлекательные рассказы Франкля, — который, къ слову сказать, мастерски говорить — о его путешествіяхъ по Востоку, встрѣчахъ, знакомствахъ съ разными знаменитостями и педагогами, специально занимающимися интересующимъ его вопросомъ о развитіи слѣпыхъ, мы обратились къ нему съ вопросомъ.

— Скажите, докторъ, какимъ это образомъ зародилась у васъ мысль объ основаніи института слѣпыхъ?

— Совершенно случайно. Въ 1863 году я лечился въ Гастейнѣ отъ жестокихъ головныхъ болей. Гуляя разъ долго подвѣчеръ по живописнымъ окрестностямъ, я наконецъ забрелъ въ ущелье окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами. Вдругъ у меня потемнѣло въ глазахъ, должно быть, отъ прилива крови. Хочу идти — ничего не вижу передъ собою. Совсѣмъ ослѣплъ... Я сталъ звать на помощь... Кругомъ мертвая тишина... ни живой души.... Не знаю, сколько времени я кричалъ, но могу васъ увѣрить, что никогда въ жизни я столько не перестрадалъ, какъ въ эти страшныя минуты моего внезапнаго ослѣпленія. Ужасъ моего положенія увеличился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что наступила ночь, а я былъ одинъ вдали отъ людскаго жилья.. Тогда-то я пережилъ на себѣ весь трагизмъ положенія слѣпного. Въ эти-то минуты смертельнаго ужаса я далъ себѣ обѣтъ, что если когда либо увижу свѣтъ, то посвящу всю свою жизнь святому дѣлу облегченія участи несчастныхъ, въ положеніи которыхъ я тогда былъ. Наконецъ головныя боли прошли, кровь начала правильнѣе обращаться и — я прозрѣлъ. На другой же день я приступилъ къ исполненію своего обѣта.

Онъ остановился на мысли объ основаніи именно еврейскаго института по слѣдующимъ соображеніямъ. Вѣнская община занимаетъ первевствующее мѣсто въ сферѣ благотворительныхъ учреждений. У нея есть своя образцовая больница, богадѣльня, сиротскіе пріюты, институты для глухонѣмыхъ и тому подобныя учреж-

денія. Одного недостаетъ—заведенія для слѣпыхъ, которыхъ евреи, вообще, всегда игнорировали, чуть ли не со времени своего выхода изъ Египта. Но для чего же устраивать особое еврейское заведеніе, не лучше ли было бы просто призрѣвать еврейскихъ слѣпыхъ въ готовыхъ заведеніяхъ, гдѣ уже установились извѣстныя традиціи? Противъ специально еврейскаго заведенія говорить еще соображеніе не педагогическаго свойства, но чисто-политическаго характера, съ которымъ нельзя не считаться. Едва дождались австрійскіе евреи эмансипаціи, избавившей ихъ отъ печальной необходимости жить исключительно жизнью, едва дали имъ возможность сліянія съ окружающимъ населеніемъ, чему школа служить могучимъ рычагомъ,—какъ опять понадобилось вернуться къ обособленности, и гдѣ-же? На почвѣ филантропіи...

Вдумываясь въ значеніе этого нешуточнаго вопроса, отъ котораго зависѣла судьба затѣяннаго имъ дѣла, Франкль остановился на разсмотрѣніи сравнительной важности религіи въ дѣлѣ воспитанія слѣпыхъ дѣтей. Если вѣроисповѣдный характеръ окончательно утратилъ свое прежнее значеніе въ современной школѣ, которая можетъ гордиться этимъ дорогимъ трофеемъ, доставшимся ей послѣ долгой и упорной борьбы, то онъ представляется въ совершенно иномъ видѣ, когда дѣло заходитъ о школѣ, исключительно предназначенной для нравственнаго подъема и умственнаго развитія слѣпыхъ. Слепой, силою несчастно-сложившихся для него обстоятельствъ, разобщенный съ окружающимъ его міромъ, долженъ находить—и всегда находить—утѣшеніе свое въ религіи. Лишить его этого утѣшенія было бы, по мнѣнію Франкля, просто безчеловѣчно. Даже Америка, открывшая такой широкій просторъ вѣрованіямъ своихъ гражданъ, освободившая школу отъ всякаго вліянія церкви, даже эта свободная страна сохранила вѣроисповѣдный характеръ за своими институтами слѣпыхъ, не вычеркнула изученіе катехизиса изъ своихъ учебныхъ программъ. Если же Америка сдѣлала это исключеніе, то примѣръ ея вполне пригоденъ и для Франклевскаго дѣла. при всемъ нежеланіи основателя обособиться въ чемъ бы то ни было отъ остальныхъ своихъ согражданъ. Положимъ, вопросъ о пищѣ неважный—его можно бы и игнорировать. Но совмѣстное исполненіе религіозныхъ обрядовъ съ остальными воспитанниками-католиками, постоянныя проповѣди патеровъ и т. д. поставятъ еврейскихъ дѣтей въ фальши-

вое положеніе ко всёмъ окружающимъ. Не говоря уже о томъ, что родители неохотно стануть отдавать своихъ дѣтей въ этотъ пріютъ, гдѣ они совершенно забудутъ семейныя традиции, гдѣ произойдетъ окончательный разладъ между семьей и школой, будущность самихъ воспитанниковъ, по выходѣ ихъ изъ заведенія будетъ далеко незавидная. Они возвратятся въ общество какимъ-то амфибіями, отставшими отъ своихъ, не приставшими къ другимъ — что врядъ ли желательно, какъ въ интересѣ общества, такъ и въ интересѣ самихъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, по всестороннемъ совмѣстномъ обсужденіи этого вопроса съ корифеями педагогической науки, Франкль пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію въ необходимости основанія особаго питомника для слѣпыхъ еврейскихъ дѣтей.

Теперь предстояло разъяснить вопросъ, гдѣ достать необходимый капиталъ, который даль-бы возможность заведенію окрѣпить, стать на ноги, не нуждаясь въ періодическихъ пособіяхъ благотворителей, не ложась бременемъ на общину? На однѣхъ выручкахъ съ концертовъ, благотворительныхъ спектаклей, продажи собственныхъ сочиненій далеко не уѣдешь. Въ какихъ бы скромныхъ размѣрахъ ни предполагалось это заведеніе, нуженъ постоянный и немалый фондъ. Посмотримъ же, какъ вывернулся нашъ поэтъ изъ этой трудной дилеммы. Это одна изъ самыхъ почетельныхъ сторонъ благотворительной дѣятельности настоящихъ филантроповъ на Западѣ, которой не мѣшало бы поучиться и намъ.

Какъ типъ чисто-западнаго дѣятеля, Франкль не любитъ дѣйствовать «на авось». Прежде изысканія денежныхъ средствъ, онъ хотѣлъ запастись статистическими данными о количествѣ слѣпыхъ дѣтей Моисеева закона въ монархіи Габсбурговъ. Съ этой цѣлью онъ обратился въ 1865 году къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, Шмерлингу, съ просьбою доставить ему статистику слѣпыхъ. Министръ отнесся весьма сочувственно къ этому дѣлу, обѣщаль свое полное содѣйствіе, но... онъ ничего не могъ сдѣлать потому, что вскорѣ министерство пало. Замѣнившій его членъ новаго министерства, д-ръ Гискра, зная по опыту прелесть бюрократической медлительности, посоветоваль Франклю самому лучше обратиться отъ своего имени во всѣ общины, которыя скорѣе доставятъ желанныя свѣдѣнія, а пока господа чиновники соберутся

исполнить это порученіе «пройдетъ пожалуй годъ», добавилъ Гискра. Сколько-жъ, наконецъ, считается еврейскихъ общинъ въ имперіи? добивался Франкль. Но, увы, въ министерствѣ не оказалось всѣхъ списковъ, да и тѣ, которые были подъ рукою, нкуда не годились. Пришлось такимъ образомъ бѣдному поэту принять за этотъ, по истинѣ Сизифовъ трудъ. Франкль разослалъ 1000 печатныхъ воззваній во всѣ мѣстности, гдѣ только были синагогальные совѣты, съ приложеніемъ столькожъ же бланковъ съ отмѣтками объ имени, возрастѣ и времени ослѣпленія. Написаніе этихъ отмѣтокъ, казалось, не представляло большого труда для представителей еврейскихъ общинъ. Вышло иначе.

Ни *одного* отвѣта не послѣдовало на всѣ эти 1000 воззваній!

Нисколько не обезкураженный подобнымъ печальнымъ исходомъ, Франкль опять повторилъ этотъ опытъ съ тою лишь разницею, что не забылъ вмѣстѣ съ тѣмъ приложить и 1000 почтовыхъ марокъ, для отвѣтовъ. Долго онъ ждалъ, пока, наконецъ, не получилъ отвѣта отъ 240 общинъ, заявившихъ, что на 400 слѣпыхъ, находящихся у нихъ, имѣется 60 слѣпородившихъ дѣтей. Между тѣмъ, подоспѣли изъ министерства официальныя данныя, констатировавшія тотъ фактъ, что въ Австріи процентное отношеніе слѣпыхъ къ зрячимъ находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ нежели, напримѣръ, въ Пруссіи, Норвегіи, Италиі, такъ что на 10,000 зрячихъ приходится слѣпыхъ всего 5,з. Слѣпыхъ же евреевъ считается во всей странѣ 1,200 человекъ.

Настала пора подумать о «презрѣнномъ металлѣ». Сколько нравственныхъ мукъ приходилось нашему идеалисту переносить, сколько мытарствъ пройти, какимъ разочарованіямъ подвергнуться, пока ему удалось справиться съ этою далеко нелегкою задачей. «Въ первый разъ въ жизни—говоритъ Франкль въ своей монографіи—я горько посѣтовалъ на судьбу за то, что она обдѣлила меня богатствомъ. Съ какимъ удовольствіемъ я сразу пожертвовалъ бы своимъ состояніемъ въ пользу завѣтнаго дѣла и т. д.» Но энергія и замѣчательная настойчивость вывели его изъ всѣхъ этихъ передрагъ. Кстаті подвернулся случай, которымъ онъ, какъ нельзя лучше, воспользовался для своего дебюта.

Перебирая,—это было въ 1869 году—рано утромъ принесенныя ему газеты, онъ натолкнулся на официальное извѣстіе, гласившее, что одинъ изъ его хорошихъ знакомыхъ, президентъ коммер-

ческой академіи, извѣстный богачъ Фридрихъ фонъ-Шей возведенъ въ баронское достоинство. Черезъ часъ, Франклъ былъ уже въ кабинетѣ новопожалованнаго барона съ поздравленіемъ, смыслъ котораго сводился къ тому, что, моля, не мѣшало бы отпраздновать подобное семейное событіе какимъ нибудь крупнымъ пожертвованіемъ въ пользу благотворительнаго заведенія. Между негоціантомъ, сразу догадавшимся, о какомъ это «благотворительномъ заведеніи» идетъ рѣчь, и поэтомъ завязался слѣдующій любопытный діалогъ:

— Сколько прикажете дать въ пользу предпринимаемаго вами дѣла?

Этотъ прямой вопросъ поставилъ Франкля въ тупикъ; однако, онъ скоро нашелся.

— Еслибъ этотъ вопросъ предложилъ мнѣ баронъ Ротшильдъ, то я бы сразу отвѣтилъ потому, что его балансъ напечатанъ въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ; но ваше состояніе, баронъ, мнѣ неизвѣстно.

— Скажите мнѣ, совершенно не стѣсняясь, сколько вамъ отъ меня угодно?

— Боюсь сказать цифру, которая, пожалуй, окажется слишкомъ незначительною для моего дѣла и слишкомъ неумѣренною для моей скромности. Но такъ какъ вы сами настаиваете, то извольте: я прошу 10,000 гульденовъ, если это не покажется вамъ нескромнымъ.

— Нѣтъ, это не слишкомъ. Вотъ вамъ докторъ, ваши 10,000 гульденовъ.

Примѣру новаго барона послѣдовали и другіе, и пожертвованія посыпались довольно обильно. Первоначальный планъ Франкля состоялъ въ томъ, чтобы отдавать слѣпыхъ дѣтей на воспитаніе нѣкоторымъ избраннымъ семействамъ, поставивъ имъ первымъ условіемъ — поселиться близъ зданія, занимаемаго императорскимъ институтомъ слѣпыхъ, основаннымъ Клейномъ въ 1804 году. Учиться эти дѣти должны были въ институтѣ, но жить отдѣльно, въ средѣ евреевъ. Слѣдуя примѣру императорскаго института, при открытіи котораго былъ всего принятъ одинъ воспитанникъ, а черезъ 10 лѣтъ, число ихъ достигло всего 16 человекъ, Франклъ думалъ ограничить по возможности пріемъ дѣтей, чтобы не истратить разомъ средствъ, доставляемыхъ частными пожертвованіями.

Но вдругъ случился фактъ, возмѣвшій громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу его предпріятія.

Въ началѣ марта 1870 года, Франкль получилъ отъ барона Іоны Кёнигсвартера, представителя извѣстной фирмы, письмо, въ которомъ баронъ, выражая свое теплое участіе къ задуманному Франклемъ дѣлу, заканчиваетъ его слѣдующими многознаменательными словами: «Въ доказательство моей горячей симпатіи къ вашему человѣколюбивому подвигу, я жертвую, въ пользу института, домъ со всѣми цѣлесообразными приспособленіями, въ которомъ могли бы помѣщаться 50 воспитанниковъ».

Этотъ, точно съ неба свалившійся даръ, о размѣрахъ котораго онъ прежде и не мечталъ, далъ возможность Франклю развернуться во всю ширь. Гора свалилась съ плечъ. Будущность института была обезпечена, текуція пожертвованія послужатъ лишь для увеличенія фонда. Дорогое дѣло обставлено прочно.

— Я потому такъ медлил своимъ пожертвованіемъ—сказалъ ему Кёнигсвартеръ, при личномъ свиданіи—что все ждалъ, пока составится порядочный капиталъ, достаточный для содержанія института. Я не желалъ приступить къ возведенію зданія, жильцы котораго были бы въ тягость общинѣ.

Освободившись отъ удручавшихъ его заботъ о будущности своего излюбленнаго дѣтища, Франкль принялся съ удвоенною энергіею за окончательное образованіе фонда. Исходя изъ того положенія, что члены вѣнской еврейской общины принимаютъ дѣятельное участіе во всѣхъ пожертвованіяхъ на пользу благотворительныхъ дѣлъ столицы и государства, Франкль задумалъ, какъ онъ выразился, «отплатить взаимностью»—привлеченіемъ къ дѣлу не однихъ евреевъ, но и христіанъ. Съ этою цѣлью онъ обратился къ императору, эрцгерцогамъ, тогдашнему бургомистру, д-ру Фельдеру, къ знаменитому предводителю либеральной партіи, недавно скончавшемуся аббату Эльферсдоферу и другимъ представителямъ вѣнской интеллигенціи съ просьбою о поддержкѣ задуманнаго имъ дѣла—на что послѣдовали самые сочувственные отклики. Императоръ Францъ-Іосифъ и нѣкоторые члены его семейства записались членами будущаго института, причемъ императоръ пожертвовалъ 1000 гульденовъ и подарилъ институту полный наборъ и печатню изъ собственной своей типографіи; императрица—1000 гульденовъ, эрцгерцогини: Францъ-Карль—500; Альбрехтъ—200

За дворомъ послѣдовали, какъ это всегда и вездѣ бываетъ, финансовая и родовая аристократіи. Баронъ Ансѣльмъ Ротшильдъ внесъ 15,000 гульденовъ, Захарій Кенигсвартеръ (сынъ Ионы, пожертвовавшего, какъ выше сказано, домъ для 50 воспитанниковъ)—7,200 гульденовъ, Тодеско—3000; баронъ Сина—1000 баронъ Луи фонъ Габеръ—1000; фонъ Драше—1000; Глазеръ—1000; Поперъ—1500; Эфрусси—1200; Эпштейнъ—2000; Фигдоръ—1300; Ладенбургъ—1000; баронъ Шпрингеръ—2000; баронъ Фялипп фонъ-Шей—1000; Вейкерсгеймъ—2000; баронъ Водіанеръ—1000; фонъ-Вертгейсштейнъ—1000; Винеръ—1000. Въ числѣ жертвователей встрѣчаются фамиліи княгинь: Шварценбергъ, Брезенгеймъ, маркизы Палавичини, ландграфовъ: Фюрстенбергъ, незабвеннаго аббата Эльферсдорфера, смерть котораго торжественно оплакивала вся страна. О менѣе значительныхъ пожертвованіяхъ деньгами для фонда, утварью для моельни, учебными предметами для классовъ и т. п. мы не упоминаемъ. Кромѣ единовременныхъ пожертвованій, многіе обязались дѣлать ежегодные взносы; суммы, завѣщанныя разными благотворителями, достигли вскорѣ 11,300 гульденовъ, а собранный такимъ образомъ наличный фондъ, заключающійся въ разныхъ цѣнныхъ бумагахъ, достигаетъ почтенной цифры въ 200,000 гульденовъ. *Pas mal pour un roëte*, можно сказать, пародировавъ извѣстную парижскую поговорку.

Не довольствуясь пожертвованіями, притекавшими со всѣхъ концовъ имперіи, Франкль, во время своего заграничнаго путешествія, куда онъ отправился въ августѣ 1871 года, имѣя уже утвержденный надлежащими властями уставъ, чтобы посовѣтоваться съ специалистами объ устройствѣ педагогической части въ будущемъ заведеніи, изучить на мѣстѣ состояніе 17-ти германскихъ и швейцарскихъ институтовъ и т. д., обратился къ германскимъ единовѣрцамъ и благотворителямъ съ просьбою о поддержкѣ, но потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Время было тогда самое неудобное для сбора пожертвованій. Опьяненная успѣхами только что оконченной французской кампаніи, Германія ликовала; она была слишкомъ занята дѣлежомъ контрибуціи и учредительской горячкой, чтобы обратить вниманіе на подобные пустяки, какъ устройство какого-то заведенія для слѣпыхъ жиденятъ.

По возвращеніи Франкль занялся образованіемъ попечительства (*Curatorium*) для завѣдыванія институтскими дѣлами, пріиска-

ніемъ мѣста для постройки зданія, выборомъ учителей, приѣмомъ воспитанниковъ, приобретіемъ учебныхъ пособій, училищной бібліотеки. Работа кипѣла и изъ подъ его рукъ вышло прочное прелестное дѣло, себѣ въ честь, другимъ въ пользу.

Въ составъ попечительнаго совѣта вошли извѣстный окулистъ, д-ръ Энгель, главный жертвователь Іона Кенигсвартеръ, баронъ Шей, адвокатъ д-ръ Маутверъ, г-жи: Бенедиктъ, Майерсбергъ, Тауберъ и нѣкоторые представители общиннаго совѣта. Предсѣдателемъ избранъ былъ Франкль. Сущность выработаннаго совѣтомъ органическаго устава заведенія, утвержденаго 3-го мая 1871 г., состоитъ въ слѣдующемъ:

Цѣль института — умственное, религіозно-нравственное и ремесленное образованіе слѣпыхъ дѣтей обоюго пола, которое могло бы дать дѣльную подготовку къ избранной дѣятельности. Объемъ преподаванія, кромѣ музыки, ремеслъ и гимнастики, исчерпывается программами народныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Источникомъ для содержанія заведенія служатъ: $\frac{1}{10}$ съ основнаго капитала, плата за обученіе дѣтей зажиточныхъ родителей, ежегодные членскіе взносы, легаты, пожертвованія и т. д. Лице, внесшее капиталъ, дающій ежегодную ренту въ размѣрѣ 300 гульденовъ считается учредителемъ, внесшее единовременно 100 гульденовъ или обязавшееся ежегодно платить по 5 гульденовъ, считается членомъ. Оказавшій особенные услуги заведенію избирается въ почетные члены. Учредитель имѣетъ право рекомендовать одного бесплатнаго воспитанника, который долженъ быть немедленно принятъ. Попечительный совѣтъ выбирается на 3 года. Право участія въ немъ предоставлено, на вѣчныя времена, потомству Іоны Кенигсвартера, въ нисходящей линіи. Учебная часть сосредоточена въ рукахъ директора подъ наблюденіемъ совѣта, хозяйственная — въ рукахъ избираемой совѣтомъ для этой цѣли особой комиссіи, состоящей изъ предсѣдателя, секретаря и казначея. Всѣ недоразумѣнія между попечительнымъ совѣтомъ и членами разрѣшаются, на правахъ третейскаго суда, членами общиннаго совѣта. Въ случаѣ закрытія института — домъ, въ которомъ онъ помѣщается, со всѣми приспособленіями и инвентаремъ передается въ вѣденіе вѣнской еврейской общины.

Условія приѣма воспитанниковъ слѣдующія: неизлечимая слѣпота, 9 лѣтній возрастъ, физическое здоровье, извѣстная способность

къ развитію и австрійское подданство. Иностранцы могутъ быть приняты, по взаимному соглашенію съ попечительнымъ совѣтомъ, за извѣстную плату. Пребываніе въ заведеніи продолжается 6—8 лѣтъ; но въ исключательныхъ случаяхъ, совѣтъ можетъ продлить этотъ срокъ еще на 3 года, т. е. до 20-ти лѣтнаго возраста, точно также можетъ принимать и 8 лѣтнихъ дѣтей. По представленіи необходимыхъ документовъ: метрическаго свидѣтельства, паспорта и свидѣтельства о привитіи оспы, дитя остается на испытаніи въ продолженіи 6—10 мѣсяцевъ и затѣмъ объявляется родителямъ согласіе или несогласіе на принятіе его. Бѣдные дѣти принимаются бесплатно; зажиточныя—по соглашенію, причеиъ вносится впередъ извѣстная сумма.

Для возведенія зданія института, одному изъ главныхъ ревнителей совѣта, доктору Вельфлеру, удалось отыскать за весьма сходную цѣну, прекрасное мѣсто, на такъ называемомъ «Nohe Warte», близъ Вѣны, въ уредмѣстьи Дѣблингѣ. Немедленно было приступлено къ постройкѣ его подъ руководствомъ извѣстнаго архитектора г. Стясаго. Въ ноябрѣ 1872 года зданіе было вполне окончено, садъ разведенъ, все было готово чтобы приступить къ дѣлу. Старикъ Кенигсвартеръ не дожидъ до окончанія зданія, основаннаго на его средства—онъ умеръ въ концѣ 1871 года.

Тѣмъ временемъ былъ объявленъ конкурсъ на занятіе должностей директора и преподавателей института. Изъ 36 кандидатовъ, явившихся изъ разныхъ концовъ Австріи и Германіи, выборъ палъ на педагога Эстерейхера, который, впрочемъ, недолго занималъ трудную и отвѣтственную должность директора;—черезъ полтора года этотъ полезный дѣятель умеръ. Мѣсто его занялъ г. Эллеръ. Остальной учительскій персоналъ былъ точно также подобранъ самымъ тщательнымъ образомъ. Воспитанниковъ было принято ко дню открытія института около 15 человекъ.

1-го декабря 1872 года. Франкль имѣлъ счастье видѣть блистательное осуществленіе обѣта, даннаго имъ въ Гастейнѣ въ 1863 году. Въ этотъ день происходило открытіе института при необыкновенно-торжественной обстановкѣ, въ присутствіи многочисленной публики. Императоръ хотѣлъ присутствовать при этомъ торжествѣ, но вслѣдствіе спѣшнаго отъѣзда не могъ быть, о чемъ онъ немедленно извѣстилъ, равно какъ и министры Штремайеръ,

Глазеръ и Унгеръ, приславшіе письма, съ выраженіемъ сожалѣнія, что не могутъ присутствовать, такъ какъ они должны быть въ засѣданіяхъ совѣта министровъ.

Франкль открылъ торжество пространною рѣчью, которую скорѣе можно назвать историческимъ очеркомъ всего, сдѣланнаго культурой для облегченія участи слѣпыхъ. Много было произнесено рѣчей, и весьма удачныхъ, какъ напримѣръ Иелинекомъ, пропѣто молитвъ, гимновъ, стиховъ, мотивомъ которыхъ служилъ библейскій текстъ: «Да будетъ свѣтъ!» Какое впечатлѣніе на присутствовавшихъ произвело это торжество, можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ рѣчи намѣстника нижне-австрійской провинціи, барона Эйбесфельда:

— Въ прекрасной рѣчи,—которымъ открылось это торжество, сказалъ, между прочимъ, ораторъ—были неоднократно приведены слова Всемогущаго, начертанныя въ книгѣ книгъ: «Да будетъ свѣтъ!» Каждому мыслящему и чувствующему человѣку не разъ представлялся вопросъ: неужели это слово Творца обращенное къ человѣчеству, непонято тѣми многими, которые лишены возможности различія свѣта отъ тьмы. Теперь не то. Хотя свѣтъ, благодаря которому возможно различіе цвѣтовъ, не насталъ еще для слѣпыхъ, но Богъ согрѣлъ сердца ихъ братьевъ по человѣчеству свѣтомъ любви къ ближнимъ и несчастнымъ; насталъ свѣтъ культуры, научнымъ дѣятелямъ которой удалось открыть всѣ средства къ облегченію страданій слѣпыхъ, умаленію лишеній, такъ что теперь и слѣпые могутъ присоединиться къ общему клику всего человѣчества: «И бысть свѣтъ!»—Воздавъ должное заслугамъ лицъ, участвовавшихъ и содѣйствовавшихъ возникновенію такого чудеснаго заведенія, причемъ разумѣется, пальма первенства осталась за Франклемъ, „10 лѣтъ къ ряду носившимся съ этою идеею“, ораторъ слѣдующимъ образомъ заканчиваетъ свою рѣчь:

«Такое прекрасное дѣло заслуживаетъ величайшей симпатіи въ самыхъ отдаленныхъ кружкахъ. Радуюсь возможности указать всѣмъ, въ нашей странѣ, на этотъ памятникъ человѣколюбія, какъ на примѣръ, достойный подражанія и соревнованія для всѣхъ желающихъ—хотя и съ сравнительно меньшими силами и средствами—шестьовать по стопамъ основателей этого заведенія, для достиженія подобнаго результата самой благородной любви къ ближнему“.

Слѣдя внимательно за ходомъ педагогической дѣятельности въ новомъ институтѣ, Франкль натолкнулся на множество практическихъ недоразумѣній и помѣхъ, вредящихъ правильному развитію этого высоко-гуманнаго дѣла. Помочь этому горю возможно было, по мнѣнію Франкля, лишь соединенными усиліями, при личномъ общеніи мыслей, посвятившей себя этому дѣлу корпораціи педагоговъ, т. е. посредствомъ періодическихъ «конгрессовъ», или учительскихъ съѣздовъ. Остановившись на этой мысли, Франкль, у котораго идея скоро принимаетъ осязательныя формы, немедленно взялся за ея практическое осуществленіе.

Выработанная и разосланная имъ программа занятій будущаго конгресса сочувственно была принята всѣми педагогами. Но гдѣ было собраться? Парижъ и Берлинъ не годились для съѣзда — политическія страсти, вызванныя войной еще не улеглись, а для такого мирнаго съѣзда нужна была нейтральная территорія, одинаково симпатичная представителямъ всѣхъ народностей. Осталась одна Вѣна, тѣмъ болѣе, что тамъ предстояло открытіе всемирной выставки, и что въ самой Вѣнѣ имѣется 4 заведенія для слѣпыхъ, а по близости ея находятся институты въ Брюннѣ, Линцѣ, Прагѣ, Буда-Пештѣ и Львовѣ. Франкль обратился за необходимыми разрѣшеніями. Министръ просвѣщенія, въ письмѣ къ Франклю по этому поводу, обѣщаль «самую дѣятельную поддержку этому важному въ педагогическомъ отношеніи, предприятію, проникнутому духомъ самаго чистаго человѣколюбія». Бургомистръ заявилъ, что городъ «привѣтствуетъ съ величайшею симпатіей идею объ этомъ конгрессѣ и радъ, что можетъ оказать ему, въ стѣнахъ Вѣны, подобающее гостепріимство». Такъ же сочувственно относились и другія власти, между прочими, бывшій директоръ всемирной выставки баронъ Шварцъ. Министерство отвело конгрессу великолѣпную залу такъ наз. «императорско-королевской академической гимназіи», предоставивъ въ его распоряженіе остальные залы для выставки моделей, необходимыхъ для преподаванія слѣпымъ.

Стеченіе вообще педагоговъ, извѣщенныхъ объ этомъ конгрессѣ министерствомъ, было весьма значительное: однихъ спеціалистовъ, пріѣхавшихъ изъ Америки и разныхъ концовъ Европы было около 50 человѣкъ. Туда явились представители отъ Балтимора, Бостона, Нью-Йорка, Каира, Эдинбурга, Варшавы Милана, Неаполя,

Стокгольма, Нюрнберга, Копенгагена, Лейпцига и т. д. Только Петербургскій институтъ почему-то не имѣлъ своего представителя на этомъ международномъ съѣздѣ подвижниковъ филантропіи. Президентомъ конгресса былъ единогласно избранъ Франклъ, вице-президентомъ г. Паблазекъ, секретарями — гг. Энтлихеръ и Гюбнеръ, а казначеемъ г. Глётцель.

Мы не намѣрены писать исторію этого конгресса, имѣвшего огромное вліяніе на объединеніе разрозненныхъ педагогическихъ силъ подобныхъ разсадниковъ. Съѣздъ, созванный Франклемъ въ 1873 году, далъ первый толчекъ для дальнѣйшихъ періодическихъ конгрессовъ. Благодаря новой методѣ французскаго педагога Брайля, о которой скажемъ ниже, слѣдше имѣютъ теперь свои газеты! То, о чемъ едва мечталъ Франклъ, рассылая приглашенія на первый съѣздъ, сдѣлалось теперь достояніемъ питомцевъ, прирѣвваемыхъ въ институтахъ обоихъ полушарій.

Конгрессъ занялся обсужденіемъ и рѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: объ установленіи однообразнаго шрифта, устройствѣ библиотекъ для слѣпыхъ, посредствомъ непрекращаемаго обмѣна разныхъ изданій между институтами, составленіи библиографическаго изданія, посвящаемаго разбору и ознакомленію съ замѣчательными книгами, брошюрами, журнальными статьями, появляющимися на всѣхъ языкахъ, изданіи „Ежегодника“, который послужилъ бы органомъ, гдѣ сосредоточивались бы всѣ институтскіе отчеты, біографіи, рефераты, критическій и библиографическій отдѣлы; объявленіи конкурса для составленія курса психологіи и патологіи слѣпыхъ; описаніи постройки и устройства институтовъ. Кромѣ этихъ общихъ вопросовъ дебатировались частные, какъ озаботиться судьбою выпущенныхъ питомцевъ? найти средства для прекращенія бродяжничества, столь излюбленнаго слѣпыми, что портитъ характеръ слѣпаго? *

Не ограничиваясь однимъ надзоромъ за преуспѣяніемъ дорогаго дѣла, вызваннаго имъ къ жизни, Франклъ постоянно пишетъ разные этюды, доступные пониманію питомцевъ и чрезвычайно интересующіе ихъ, стихи, очерки. Такъ, кромѣ массы стихотвореній, переводовъ сербскихъ народныхъ пѣсень, расиѣваемыхъ

* На сколько мы помнимъ, глубокое впечатлѣніе произвели рефераты и вообще всѣ сообщенія, сдѣланныя симпатичнымъ молодымъ французомъ Лаванши основаннымъ подобный институтъ въ Каирѣ. П. Л.

слѣплыми гуслярами, Франкль знакомить ихъ въ своемъ этюдѣ: «Blindheit und Poesie», съ древними рапсодами, средневѣковыми слѣплыми трубадурами, гуслярами и т. д. По его настояніямъ, одинъ изъ его почитателей, г. Фридманъ, написалъ весьма содержательную монографію: «Der Blinde in dem biblischen und rabbinischen Schrifthum», въ которой изложено, въ сжатой формѣ, все, что высказано въ древне еврейской литературѣ о слѣпыхъ и ихъ несчастной долѣ.

Скажемъ еще въ заключеніе нѣсколько словъ о вѣшнемъ устройствѣ института и внутреннемъ бытѣ его питомцевъ.

На самомъ возвышенномъ мѣстѣ, на такъ называемой «Hohe Warte», господствующемъ надъ живописными окрестностями, гдѣ ютится дачное населеніе столицы, по шоссеиной дорогѣ, ведущей изъ предмѣстія Дэблингъ къ Нуссдорфу, окаймленной садами, красуется изящное трехэтажное зданіе, выстроенное во вкусѣ Renaissance. За красивой чугунной рѣшеткой, отдѣляющей это зданіе отъ аллеи для пѣшеходовъ и главнаго подъѣзда, разбитъ небольшой англійскій садъ. Еслибы не вывѣска, гласящая, что это «институтъ слѣпыхъ, основанный барономъ Юною Кенигсвартеромъ въ 1870 году», то легко могли бы принять это зданіе за богатую виллу одного изъ баловней судьбы, которыхъ не мало таки въ жизнерадостной Вѣнѣ. По обѣимъ сторонамъ входной двери двѣ мраморныя дощечки съ начертанными четверостишіями, гдѣ, между прочимъ, приглашаютъ посѣтителей не говорить съ питомцами объ ихъ несчастной долѣ. Большая массивная дверь заперта. Вы нажимаете пуговку электрическаго звонка. Дверь открываетъ дюжій дѣтина, не то садовникъ, не то кухонный обитатель, предлагаетъ идти или направо, въ помѣщеніе директора и канцелярію или налево—въ классныя залы, откуда слышатея звуки рояля, скрипки, пѣнія. Вы оглядываетесь. Большая площадка сѣней, вымощенная асфальтомъ. Словомъ, домъ какъ домъ, ничего казеннаго. нѣтъ ни бравыхъ отставныхъ вахмистровъ, украшенныхъ медалями и нашивками, не видать величественной фигуры откормленнаго тунеядца швейцара, презрительно оглядывающаго васъ съ ногъ до головы. По мѣрѣ приближенія къ класснымъ заламъ, откуда звуки рояля доносятся все явственнѣе, иллюзія пропадаетъ.

Всматриваясь въ лица встрѣчающихся мальчиковъ и дѣвочекъ, быстро спускающихся и поднимающихся по лѣстницѣ, вы съ ужасомъ замѣчаете, по этимъ открытымъ глазнымъ бѣлкамъ, что вы попали въ царство слѣпыхъ... Первое впечатлѣніе, при взглядѣ на этихъ ничего не видящихъ дѣтей, бываетъ потрясающее.... Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается, когда приходишь въ залу, гдѣ слѣпой учитель преподаетъ своимъ слѣпымъ ученикамъ правила гармоніи, когда присутствуешь при исполненіи дуэтовъ, симфоній, отрывковъ изъ классическихъ оперъ. Мало по малу, посѣтитель, конечно, свыкается съ окружающею его средою и начинаетъ ориентироваться. Рядомъ съ этимъ заломъ столовая; вотъ подъемная машина, по которой горячія кушанья доставляются изъ кухни. Комнаты высокія, просторныя, свѣту и воздуху вдоволь, окна выходятъ въ большой тѣнистый садъ, раздѣленный на двѣ части: одна предназначена для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ; въ первой находятся кегельбанъ и разныя гимнастическія приспособленія. Второй этажъ занятъ классными и рабочими комнатами, дортуарами, тамъ же находятся залы для моделей и актовая или по тамошнему экзаменаціонная (Prüfungs-Saal). Въ третьемъ этажѣ лазаретъ, молебеня, бібліотека. Подвальный этажъ занятъ кухней, кладовыми, гардеробной, баней и т. п. Вездѣ чистота и опрятность замѣчательная. Дѣленіе чистоты на будничную и парадную тамъ неизвѣстно. Не знаемъ, въ какомъ видѣ представляется институтъ, при частомъ посѣщеніи его иностранными монархами и мѣстными высокопоставленными особами. Мы бывали тамъ очень часто, приходилось не разъ возвращаться изъ сада въ корпусъ черезъ кухню, и мы увѣрены, что еслибъ эту кухню показали бы нашимъ заправителямъ общественныхъ и мастерамъ благотворительныхъ дѣлъ, то они врядъ ли повѣрили бы, что эта большая комната, гдѣ нѣтъ и помину о специфическомъ запахѣ или сквернословіи, и есть кухня. Особенно хороши дортуары, уставленные по срединѣ новозобрѣтенными умывальниками, гдѣ питомцы совершаютъ очень скоро свой утренній туалетъ. Кровати большія, какъ вообще принято въ Австріи, постельное бѣлье безукоризненно чистое, ночные столики возлѣ каждой кровати, огромные платяные шкафы для платья и книгъ, такъ цѣлесообразно расположены, что у воспитанника всегда подъ руками то, что ему нужно.

Ни разу не случилось намъ быть въ молельнѣ, гдѣ хорвое пѣніе исполняется воспитанниками. Во время большихъ годовыхъ праздниковъ, въ особенно экстренныхъ случаяхъ, когда справляется 13-лѣтній день рожденія воспитанника, сподобившагося ношенія филактерій, при утренней молитвѣ и при панихидахъ объ упокоеніи души основателя Кенигсвартера—служба бываетъ довольно торжественная. Многіе пріѣзжаютъ изъ города, Іеллинекъ иногда произноситъ тамъ свои глубоко прочувствованныя проповѣди.

Рядомъ съ лучшимъ институтскимъ заломъ, актовымъ, находятся комнаты, стѣны которыхъ покрыты выпуклыми географическими картами, столы завалены геометрическими фигурами изъ гипса или дерева, шкафы и этажерки наполнены минералами и чучелами птицъ и звѣрей. Тамъ же находится и модель институтскаго зданія, фигурировавшая на всемірной выставкѣ, за которую Франкль получилъ, кажется, медаль или почетный отзывъ. Наглядный способъ преподаванія нигдѣ не проявилъ такъ блистательно своихъ преимуществъ передъ прежнимъ допотопнымъ способомъ самозабвенной зубряжки, какъ въ этомъ заведеніи. Сильно развитымъ у слѣпыхъ чувствомъ осязанія, восполняющимъ недостающее чувство зрѣнія, педагоги удивительно воспользовались для преподаванія географіи и геометріи, не говоря ужъ о письмѣ. Нужно видѣть какъ мальчики обращаются съ картой—рѣдкій изъ нихъ ошибется, гдѣ протекаетъ данная рѣка, или находится извѣстная возвышенность, или лежитъ такой то городъ. Разъ только ошибся одинъ воспитанникъ, лучшій изъ нихъ, русскій уроженецъ, и то не изъ географіи, а изъ еврейскаго языка; но это было при исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ институтъ пріѣхалъ бразильскій императоръ, Донъ-Педро. Осмотрѣвъ институтъ самымъ тщательнымъ образомъ, знаменитый посѣтитель проэкзаменовалъ этого воспитанника. Донъ-Педро остался очень доволенъ результатомъ экзамена изъ общихъ предметовъ, затѣмъ, какъ знатокъ еврейскаго языка, онъ сталъ его экзаменовать изъ этого языка и тутъ обратилъ вниманіе воспитанника на сдѣланную имъ ошибку въ произношеніи какого то стиха изъ вечерней молитвы, что крайне поразило педагоговъ, не ожидавшихъ подобнаго знанія, хотя бы даже отъ такого глубоко ученаго человѣка, какимъ Донъ-Педро, по справедливости, считается.

Стѣны актовaго зала покрыты портретами и рескриптами или автографами знаменитыхъ посѣтителей и, наконецъ, испещрены подходящими изрѣченіями великихъ людей всѣхъ временъ и народовъ, начиная пророкомъ Исаіей и кончая Фридрихомъ Шиллеромъ. Надъ мраморной доской, на которой начертаны фамиліи основателей: Шей, Кенигсвартера, Ротшильда и еще одного поляка, фамилію котораго, мы, къ сожалѣнію, не можемъ припомнить, красуются стихи Шиллера:

„Nicht der Sehende wird von der Götter Erscheinung beseligt,
„Ihrer Herrlichkeit Glanz hat nur der Blinde geschaut“.

рядомъ съ изрѣченіемъ Корана, гласящаго, что «когда глазъ «туснеѣтъ и луна омрачается, тогда только человѣкъ говорить: «гдѣ же мое прибѣжище?»».

Кромѣ портретовъ императорской четы, подъ которыми красуются слѣдующія надписи:

„Въ свѣтломъ взорѣ Царя—жизнь“. (Притчи Соломоновы, 16, 18).

„Что солнце восходящее—то красота доброй жены“ (Сирахъ, 26, 30).

видное мѣсто занимаютъ портреты: перваго основателя парижскаго института, Валантена Гои, и вѣнскихъ—Клейна, Кенигсвартера и Франкля. Подъ портретами Гои изображено слѣдующее двустипіе:

„Zu rufen, wie der Herr, hast du dich kühn vermessen:

„Es werde Licht!“ Die Nachwelt wird dich nicht vergessen“...

Клейна: Бродили слѣпые по улицамъ—ихъ болѣе не будетъ! (Плачь Іереміа 4, 14); Кенигсвартера: (смотрите, слѣпые, чтобы видѣть». (Исаія, 42, 8, 7) и «Ты долженъ открыть глаза слѣпыхъ». (Исаія, 42, 7). Франкля: «Да воздасть тебѣ Тотъ, кто все видитъ, будучи самъ невидимъ, за любовь, которую ты оказалъ тому, кого всѣ видятъ, но который самъ ничего не видитъ» *. Далѣе слѣдуютъ благодарственные письма императрицы, иностранныхъ монарховъ, разныхъ знаменитостей, посѣщавшихъ это заведеніе, которое на языкѣ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ нему, учреждений, воспитателей и воспитанниковъ, носить техническое названіе: «Нашъ домъ».

— Были вы въ нашемъ домѣ?—Какъ вамъ нравится нашъ

* Талмудъ, трактатъ Peah, 7.

домъ?—Неправда-ли, нашъ домъ процвѣтаетъ, онъ положительно образцовый? и т. д.

Теперь посмотримъ, что дѣлается въ «нашемъ домѣ».

Полнѣйшее отсутствіе казенщины, парадныхъ и закулисныхъ сторонъ, преобладанія опекуновъ надъ опекаемыми, паразитовъ, приписавшихся къ общественному учрежденію, въ родѣ экономовъ, поставщиковъ и подобной тли, сказывается при ближайшемъ не-поверхностномъ знакомствѣ съ этимъ, по истинѣ, образцовымъ заведеніемъ. Порядокъ и экономія, трудъ и аккуратность царятъ въ этомъ домѣ, представляющемъ дѣйствительную единую семью. На всемъ лежитъ какой то семейный отпечатокъ; дѣти не оторваны отъ семейной жизни; хорошій женскій элементъ оказываетъ благотворное вліяніе на питомцевъ, не разобщенныхъ съ семейными традиціями, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ сплошь да рядомъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, уродующихъ мягкую, податливую дѣтскую натуру безсмысленною суровостью полу-монашескаго, полу-казарменнаго воспитанія.

Душа заведенія — директоръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ своего дѣла, г. Симонъ Эллеръ, занимающій эту должность съ 1873 года, т. е. послѣ смерти Эстеррейхера. По отзывамъ компетентныхъ людей, г. Эллеру обязанъ институтъ своимъ блестящимъ положеніемъ. Намъ случилось слышать восторженный отзывъ одной матери, отзывъ, который лучше всего рекомендуетъ дѣятельность этого педагога. Вдова одного венгерскаго магната, фамилія котораго часто упоминалась во время событій 1848—49 годовъ, графиня Т—ни имѣетъ одну дочь, къ несчастію для нея, — слѣпую. Извѣздивъ всю Европу, испробовавъ всевозможныхъ окулистовъ и воспитателей, графиня не нашла лучшаго средства дать своей единственной дочери хорошее воспитаніе, какъ помѣстить ее, въ качествѣ экстерна, въ заведеніе, во главѣ котораго стоитъ г. Эллеръ. Она поселилась рядомъ съ институтомъ и 15-лѣтняя дѣвушка продолжаетъ свое воспитаніе въ еврейскомъ заведеніи. Мать съ восхищеніемъ отзывается о педагогическомъ талантѣ директора. «C'est plus qu'un pédagogue éminent — говорила она намъ—c'est un homme de génie». Дѣятельность его, по истинѣ, изумительная. Завѣдуя исключительно педагогическою

частью — хозяйственная часть находится въ рукахъ его жены, кухню завѣдуетъ его старуха-мать—директоръ съ 7 часовъ утра вплоть до 10 часовъ вечера, когда заведеніе обращается въ сонное царство, зорко слѣдитъ за мельчайшими подробностями индивидуальнаго развитія каждаго питомца, не говоря о томъ, что онъ преподаетъ нѣсколько предметовъ и самъ ведетъ всю обширную корреспонденцію, счетную и бухгалтерскую части— словомъ изображаетъ всю канцелярію. Большую часть ночи онъ проводитъ за составленіемъ учебниковъ для слѣпыхъ, рефератовъ, журнальныхъ статей и т. п.

Ученый персоналъ состоитъ, кромѣ вездѣсушаго директора, изъ 6 человѣкъ: трехъ учителей общихъ предметовъ, пѣнія, музыки и гимнастики, преподавательницы женскихъ руководѣлій, такъ называемой *Kindergärtnerin* и двухъ мастеровъ для ремеслъ и плетенія корзинокъ. Служебный персоналъ изъ 5 человѣкъ: садовника, онъ же и *portier*, лакея, горничной, кухарки и судомойки, которые находятся въ непосредственномъ вѣденіи г-жи Эллеръ и ея свекрови. Кромѣ того, заведеніе имѣетъ своего домашняго врача, окулиста и дантиста; первые два занимаютъ каюеты въ университетѣ, но многіе изъ врачей охотно предлагаютъ свои услуги институту.

Исходя изъ того безспорнаго положенія, что *mens sana* развивается солидно только въ *corpore sano*, институтское преподаваніе распадается на двѣ части: физическое и умственное. Физическое здоровье укрѣпляется частой гимнастикой на свѣжемъ воздухѣ, частыми холодными ваннами, сытнымъ столомъ и одеждой по сезону. Новички сразу испытываютъ вліяніе всѣхъ этихъ условий и свойственные слѣпымъ невѣрность похоти, боязливое шаганіе впередъ скоро замѣняются бѣготней по садовымъ аллеямъ, корридорамъ, лѣстницамъ, классамъ. Строгое вниманіе обращено на произношеніе. Мальчикъ, побывши годъ въ заведеніи, говоритъ ужъ такимъ чисто-вѣнскимъ акцентомъ, для иностранца не совсѣмъ понятнымъ, что просто не вѣрится, куда дѣвается родной акцентъ отвратительнаго галиційскаго жаргона, составляющаго все таки болѣе цивилизованную рѣчь нежели нашъ южный или въ особенности невозможный литовскій *petoir*. Въ здоровомъ, краснощекомъ, съ правильною грудью мальчикѣ или юношѣ нелегко узнать недавняго сгорѣннаго, искривленнаго щенца

заднихъ дворовъ галиційскихъ или чешско-моравскихъ палестинъ.

Такъ какъ задача института приготовить своихъ учениковъ къ двумъ специальностямъ: музыкальной и ремесленной, то специализация эта начинается въ высшихъ классахъ. Преподаваніе распадается на 3 отдѣла: литературный, музыкальный и техническій. Къ первому, обязательному для всѣхъ, отдѣлу относятся: катехизисъ (Religionslehre), библейская исторія, древне-еврейскій языкъ, нѣмецкій, ариметика, геометрія, исторія, географія, естественновѣдѣніе, устное и письменное изложеніе мысли, рисованіе, моделировка и такъ называемое: *Uebung der Sinne*. Ко второму относятся: пѣніе, игра на фортепьяно и на скрипкѣ. Принимая во вниманіе важность для слѣпыхъ музыки, институтъ старается соединить пріятное съ полезнымъ. Рядомъ съ теоріею музыки, воспитанники, избравшіе себѣ эту специальность, готовятся въ то же время, быть настройщиками, но не заурядными, а «научно-образованными знатоками этого дѣла». Третій, техническій отдѣлъ, состоитъ въ обученіи ткацкому ремеслу, щеточному производству, плетенію корзинокъ, стульевъ, циновокъ (*Matte*), тканію соломенныхъ шторъ; а для дѣвочекъ — шитью, вязанью, бѣлошвейному мастерству, работѣ на швейной машинѣ и т. д. Опасенія представителей заведенія, что продукты его мастерскихъ будутъ сведены къ нулю, вслѣдствіе громадной конкуренціи, къ счастью, не оправдались. Не смотря на то, что много рукъ занято въ мастерскихъ, институтъ заваленъ заказами, такъ что выручка съ проданныхъ работъ воспитанниковъ доставляетъ значительное подспорье институтскому бюджету, хотя часть заработной платы распределяется между воспитанниками, сообразно труду. Эта заработная плата, помѣщаемая въ сберегательныхъ кассахъ, выдается воспитанникамъ по выходѣ ихъ изъ заведенія. Выпускному воспитаннику, получающему на руки нѣсколько сотъ гульденовъ, можно на первыхъ порахъ оглянуться, подыскать себѣ подходящее мѣсто въ большой фабрикѣ или извѣстной мастерской. Воспитанники послѣдняго отдѣла, которымъ современемъ предстоитъ, можетъ быть, стоять во главѣ значительныхъ мастерскихъ, изучаютъ бухгалтерію какъ нельзя старательнѣе — на это обращено строгое вниманіе. Совѣтъ, благодаря своимъ огромнымъ связямъ въ промышленныхъ сферахъ, пристраиваетъ воспитанника, не оставляя его на произволъ судьбы, и промышленные тузы мебель-

наго и тому подобнаго производства съ большой охотой даютъ занятія этимъ слѣпцамъ, добросовѣстное отношеніе которыхъ къ труду выше всякихъ похвалъ, какъ показали послѣдніе два выпуска. Директоръ, въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, съ гордостью заявляетъ, что руки питомцевъ, привывшихъ къ честному упорному труду никогда не унизятся, не запятнаютъ заведенія, протягиваемъ для испрошенія милостыни! Еще бы! этого бы еще не доставало. Оно было бы, дѣйствительно, убійственно. Не загѣтъ институтъ тратить такія большія деньги, чтобы питомецъ, содержание котораго обходится ежегодно, среднимъ числомъ, свыше 535 гульденовъ, былъ доведенъ въ послѣдствіи до попрошайничества.

Передать, хотя бы въ самомъ сжатомъ очеркѣ, преподавательскій методъ, употребляемый въ институтѣ, мы не въ состояніи. Эта задача намъ, положительно, не по силамъ. Нужно самому стоять на высотѣ современнаго уровня педагогической науки, послѣдніе выводы которой прилагаются людьми знающими и многоопытными къ умственному и духовному развитію слѣпыхъ. Трудъ, предстоящій самоотверженнымъ послѣдователямъ Песталлоцци, усугубляется исключительнымъ положеніемъ учениковъ, внимающихъ словамъ преподавателя, котораго они не въ состояніи разглядѣть. Сильно развитыя чувства слуха и осязанія, въ особенности осязанія, изошряются до изумительной степени совершенства. Мѣткое замѣчаніе Льюиса, автора извѣстной „Исторіи Философіи“, что болѣзненные дѣти, лишенные возможности предаваться рѣзвымъ играмъ своего возраста, болѣе другихъ способны къ развитію мышленія, серьезному вдумыванію во всѣ причины явленія окружающаго міра, самоуглубленія, находятъ блестящее примѣненіе у несчастныхъ, лишенныхъ лучшаго дара Божьяго — зрѣнія. Этою-то прирожденною способностью своихъ питомцевъ институтскіе педагоги пользуются въ совершенствѣ. Все у нихъ основано на натглядномъ обученіи, посредствомъ осязанія выпуклыхъ буквъ, рельефныхъ географическихъ картъ, геометрическихъ фигуръ, которыя немедленно срисовываются, моделируются и глубоко западаютъ въ памяти, изошренной до нельзя.

Строгое примѣненіе звукового метода при первоначальномъ обученіи чтенію, привычка, усвоенная съ первыхъ же мѣсяцевъ

пребыванія въ заведеніи, передавать своими словами, по возможности сжато и опредѣленно, все слышанное отъ преподавателя, подготавливаютъ ученика къ воспріятію новыхъ понятій и осмысленному приобрѣтенію ими знаній *. Содержаніе библіи усваивается не въ видѣ бессмысленной долби текствъ, а объясняется примѣрами изъ житейской дѣйствительности, основанными на духѣ любви къ ближнему, ко всему доброму, честному, гуманному. Событія библейской исторіи, этические принципы и изреченія, которыхъ не занимать стать въ этой „книгѣ книгъ“, толковое объясненіе смысла религиозныхъ обрядовъ — глубоко западаютъ въ умы воспитанниковъ, вообще склонныхъ къ мышленію и обреченныхъ жить внутреннею жизнью. Учебники, издаваемые для этой цѣли институтами, весьма цѣлесообразны. При преподаваніи исторіи на первомъ планѣ стоитъ исторія отечественная, за нею слѣдуетъ всемірная. Но это не казенная исторія, повѣствующая лишь о полководцахъ, побѣдахъ, осадахъ, сожженіяхъ и разграбленіяхъ, а исторія культуры, стремящейся къ освобожденію человѣческаго духа, къ излеченію вѣковыхъ болячекъ, къ установленію вѣчнаго мира на землѣ. Чтобы не засорить памяти учениковъ зубреніемъ хронологическихъ таблицъ, установлены дни, посвященные памяти великихъ историческихъ событій и извѣстныхъ борцовъ мысли. Напримѣръ 22 марта — день смерти Гете. Учитель исторіи знакомитъ ихъ съ жизнью и твореніями великаго поэта, читается его предсмертное стихотвореніе «Wanderer's Nachtlid», поется извѣстное стихотвореніе «An Göthe's Sterbetag». Или 13 марта, день рожденія императора Іосифа II. Жизнь, полная неудачъ, этого „вѣнценоснаго друга человѣчества“ излагается далеко не въ томъ видѣ, какъ его изображаютъ католическіе клерикалы или галиційскіе цадики, причемъ декламируютъ стихотвореніе Анастасія Грюна: «Sein Bild» и т. д.

Точно также рационально преподается имъ географія. Въ вакаціонное время слѣдше отправляются на экскурсіи въ ближайшія мѣстности для ознакомленія съ природой, растительностью, минералами, дорогами, фабриками, мостами. Всѣ линіи, обозначающія теченіе данной рѣки на выпуклой картѣ, точки, обозна-

* Декламація занимаетъ видное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ, и нужно отдать справедливость, что въ рѣдкомъ учебномъ заведеніи можно слышать такую безупречную декламацію, какъ у слѣдшихъ.

чающіе города, расположенные по теченію этой рѣки, срисовываются воспитанниками тѣмъ же способомъ, какимъ они научаются писать, т. е. посредствомъ вотнутыхъ въ подушку булавокъ, — головки которыхъ замѣняютъ искомыя точки, а линіями служатъ проволоки, нитки, прикрѣпленные концами тонкими металлическими скобками. Привышіе къ постепенному изученію сначала расположенія института, его окрестностей, потомъ города, государства и т. д., ученики такъ изловчились въ искусствѣ сниманія плановъ, что, по словамъ отчета, могутъ сами, безъ предварительнаго ощупыванія большой карты, вполне отчетливо начертить планъ всѣхъ главныхъ рѣкъ и гористыхъ мѣстностей Австріи.

Способъ нагляднаго преподаванія примѣняется и при изученіи естественной исторіи. Тутъ опять вывозитъ моделировка. Путемъ ощупыванія моделей всѣхъ видовъ растительнаго и животнаго царства, ученикъ усваиваетъ себѣ ихъ форму, которую передаетъ своимъ обычнымъ способомъ срисовки; кромѣ того, въ институтѣ есть много минераловъ, домашнихъ птицъ и животныхъ. Начиная съ весны, воспитанники вооружаются лейкой, косой, сохой, смотря по тому, чѣмъ кто занимается: садоводствомъ, косябой или посѣвомъ. Моделировка, конечно, занимаетъ первое мѣсто при изученіи геометрическихъ фигуръ. Что касается арифметики, то прежде учили считать въ умѣ, но теперь, со введеніемъ новой счетной машины директора лондонскаго института Армитада, и арифметика утратила значительную часть своей трудности.

Самымъ труднымъ предметомъ прежде считалось писаніе. Въ прежнія времена этотъ предметъ былъ сопряженъ дѣйствительно съ огромными трудностями. Для слѣпыхъ были особые наборы самаго крупнаго шрифта, который они по достаточномъ ощупываніи, воспроизводили на бумагѣ, посредствомъ машинокъ, изобрѣтенныхъ Клейномъ, концы которыхъ были заострены, и формы буквъ прокалывались на бумагѣ. Затѣмъ они научились выдавливать буквы, а не прокалывать. Все это занимало много времени и затрудняло появленіе специальныхъ книгъ и учебниковъ для слѣпыхъ, хотя многіе изъ нихъ научились владѣть карандашемъ, т. е. воспроизводить имъ печатныя буквы на бумагѣ, но трата времени сильно тормозила дѣло. Недавнее изобрѣтеніе француза Брайля совершило такой же переворотъ въ письменныхъ упражненіяхъ питомцевъ, какъ на примѣръ изобрѣтеніе телеграфа. Брайль изоб-

рѣлъ особую азбуку, близко подходящую къ телеграфической, состоящей изъ точекъ и черточекъ, которые быстро появляются на бумагѣ посредствомъ его аппарата. Благодаря этому упрощенному способу корреспонденціи, появилась возможность изданія газетъ для слѣпыхъ. Надо видѣть съ какимъ проворствомъ они разбираются въ этой массѣ едва замѣтныхъ точекъ и черточекъ. Кажется, бѣлый листъ бумаги, который держитъ въ рукахъ мальчикъ чуть не за спиною, гдѣ угодно. Незамѣтно ощупываетъ онъ эти точки и читаетъ вамъ вслухъ фельетонъ, статью, хронику газеты, существованіе которой вы не подозреваете. Брайлевскимъ способомъ ведется бухгалтерія, гдѣ воспитанники тщательно записываютъ проданныя институтомъ издѣлія и вырученныя суммы.

Музыкальная часть, до послѣдняго времени, была не особенно важна. Многие, интересующіеся преуспѣваніемъ этого прекраснаго учрежденія, объясняли этотъ фактъ тѣмъ, что директоръ страстный педагогъ, но не музыкантъ въ душѣ. На новаго учителя музыки, г. Лабора, возлагаютъ большія надежды. Этотъ молодой человѣкъ, слѣпой, получилъ воспитаніе въ императорскомъ институтѣ и затѣмъ блистательно окончилъ курсъ въ вѣнской консерваторіи. Онъ былъ придворнымъ скрипачемъ послѣдняго ганноверскаго короля, слѣпаго Георга, и давалъ концерты въ присутствіи двора въ Царскомъ Селѣ.

Еще одна замѣчательная черта, рѣзко выдѣляющая этотъ институтъ изъ сонма закрытыхъ учебныхъ заведеній. Это—любовь питомцевъ къ своей *almae matris*, выражающаяся въ нежеланіи разстаться съ нимъ, посвятить всю жизнь служенію дорогому мѣсту, гдѣ мирно протекали дѣтство и юность. Это стремленіе замѣчается во всѣхъ дѣтяхъ безъ исключенія, даже въ отпрыскахъ богатыхъ домовъ, имѣющихъ полную возможность наслаждаться всѣми благами жизни. Этому стремленію осталась вѣрна и дочь венгерскаго магната, мечтающая лишь о томъ, какъ бы современемъ быть преподавательницей въ заведеніи, подобномъ тому, какое красуется на *Hohe Warte*.

Нашъ братъ, выросшій въ средѣ, гдѣ царить и властвуетъ полнѣйшій разладъ теоріи съ практикой, не особенно охотно поддается обаянію красивой внѣшности. Знаетъ онъ, по опыту, что

творится въ иныхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, гдѣ почетнаго посѣтителя встрѣчаютъ умильной улыбкой, водятъ его по вылощенному паркету парадныхъ комнатъ, гдѣ все блеститъ, все смотритъ весело, начиная швейцаромъ съ булавою и кончая причесанными, вымытыми и хорошо накормленными, на сей случай, младенцами. Съ уходомъ же посѣтителя, растроганнаго привѣтствіями, умиленнаго чистенькимъ видомъ *de ces petits charmants bébés*, снова вступаетъ въ свои права на минуту нарушенная будничная обстановка: пинки, сквернословіе, суконные пироги и рваная одежонка. Вотъ почему мы долгое время отстаивали свое право на скептическое отношеніе къ вѣнскому институту. Но результаты, достигнутые этимъ образцовымъ распадникомъ, въ состояніи поколебать самаго мрачнаго скептика. Когда видишь, какъ изъ слѣпago мальчика, отданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ полудикомъ состояніи, вышелъ цвѣтущій юноша, вполне развитой, съ большимъ запасомъ знаній, съ чистыми стремленіями вести честную трудовую жизнь, быть полезнымъ себѣ и другимъ; когда слушаешь осмысленное исполненіе этимъ эскъ-дикаремъ бетховенской симфоніи или шумановскаго романса; когда читаешь его письма, когда припоминаешь, что этотъ мальчикъ, до поступленія въ институтъ, не зналъ о существованіи носового платка, а теперь онъ декламируетъ Байрона и Гете, владѣетъ, кромѣ еврейскаго, тремя живыми языками: нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ, то по неволѣ приходится преклоняться передъ энергіей дѣятелей и основателя этого заведенія. По неволѣ приходится согласиться съ мнѣніемъ біографа, что помимо значенія Франкля для нѣмецкой поэзіи и искусства въ Австріи, имя его будетъ «на вѣки прославлено, и не забудется на почвѣ истой гуманитарной дѣятельности».

Каковъ же, говоря словами Гете «краткій смыслъ длинной рѣчи?» А вотъ каковъ.

Мы писали эту статью не въ видахъ прославленія Франкля, прославленія, въ которомъ онъ не нуждается. Намъ казалось, что такое заведеніе, какъ вѣнское, было бы далеко не лишнимъ и въ нашемъ отечествѣ. Могутъ, конечно, возразить:—«Помилуйте, у насъ и безъ того много дѣла. Не знаемъ, что дѣлать со зрячими, а тутъ еще предлагаютъ возиться со слѣпцами. Франклю и его единомышленникамъ позволительно баловаться филантропическими

затѣями, благо у нихъ нѣтъ «черты осѣдлости», они не нуждаются въ устройствѣ благотворительнаго фонда, ихъ никто периодически не изгоняетъ изъ Вѣны или тамъ Праги, Будапешта, или Львова, они не знаютъ, что значить уклоненіе отъ военной повинности. А намъ подобныя затѣи не ко двору».

Въ логичности подобнаго возраженія позволительно усумниться. Не думаемъ, чтобы заботы о слѣпыхъ казимъ бы то ни было образомъ могли парализовать благія усилія представителей русскаго еврейства въ созданія колонистскаго фонда. Одно другому ни мало не помѣшаетъ. Если намъ не скоро удастся увидѣть въ своей средѣ дѣятелей Франклевскаго пошиба, то думаемъ, что исконная благотворительность, свойственная послѣдователямъ моисеева закона, не только не оскудѣла, но, напротивъ, принимаетъ съ каждымъ днемъ все большіе размѣры, захватывая большіе районы и увеличивая число жертвователей. Нашлись бы у насъ пова Кенигсвартеры, а тамъ легче было бы подождать появленія Франклей. Неужели думать о Кенигсвартерѣ еще преждевременно? Какъ то не вѣрится. Дай Богъ, чтобы нашъ скептицизмъ оправдался—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

И. Левенсонъ.

С. Петербургъ, 1 Декабря 1880 г.

ОБОЗРѢНІЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖУРНАЛИСТИКИ.

Изъ журнальной массы: „Габокеръ-оръ“ 1881, Январь. „Ко-зелетъ“ литературный сборникъ г. Цедербаума.

Въ январской книжкѣ «Габокеръ-оръ» издатель сообщаетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ интересныя свѣдѣнія о нашихъ хасидахъ. Мы узнаемъ о существованіи нѣсколькихъ династій главъ хасидской партіи (цаддиковъ) и знакомимся съ ихъ родословною. У основателя этой партіи на Воляни, пресловутаго Бешта, была дочь по имени Адель, сынъ которой, Борухъ, занялъ мѣсто своего дѣда въ Меджибожѣ. Другой сынъ ея, Ефраимъ, возсѣдалъ въ Судильковѣ. Дочь ея, Фейгеле, была мать р. Нахмана, извѣстнаго по описанію его приключеній во время путешествія въ св. землю. Г. Готлоберъ рисуетъ намъ этого р. Нахмана какъ человѣка съ восторженною идиллически настроенною душою, воспримчивою для красоты природы и для всего возвышеннаго и изящнаго. Онъ находитъ сходство въ характерѣ между этимъ р. Нахманомъ и древнимъ галлейскимъ мечтателемъ, какъ охарактеризовалъ этого послѣдняго Эрнстъ Ренау въ извѣстномъ своемъ сочиненіи. Естественно, что поэтическая восторженность р. Нахмана обнаружилась въ формѣ, соответствующей его мировоззрѣнію и той средѣ, въ которой онъ воспитывался и вращался, и приняла видъ спиритуализма.

Еще въ послѣдніе годы Бешта прославился другой цаддикъ, р. Лейбъ Соресъ, про котораго между его приверженцами ходили разныя легенды. Онъ слылъ шапкой-невидимкой, такъ какъ безпрепятственно входилъ въ дворецъ послѣдняго польскаго короля Понятовскаго, и хасиды повѣствуютъ, что р. Лейбъ велъ

семилѣтнюю войну съ австрійскимъ Императоромъ Іосифомъ II, съ которымъ онъ умеръ въ одинъ годъ (1790). Г. Готлоберъ объясняетъ все это очень просто, что р. Лейбъ Соресъ состоялъ тайнымъ агентомъ у польскаго правительства. По поводу этого своеобразнаго паддика передается еще слѣдующій курьезный анекдотъ. Скоро послѣ его смерти, въ Меджибожѣ была напечатана пресловутая книга «Розіель», которую каббалисты не на шутку приписываютъ самому Адаму. Въ этой книгѣ имѣется молитва, которой ангель Розіель научилъ будто-бы Адама. Въ текстѣ этой молитвы находятся слова „пони бенъ понить“ („имя рекъ“). Случилось такъ, что наборщикъ, котораго случайно также звали „Лейбъ Соресъ“, по невѣжеству поставилъ свое имя на это вакантное мѣсто въ текстѣ молитвы, и по появленіи книги хасиды стали ее покупать на расхватъ, вѣруя, что ангель дѣйствительно пророчествовалъ еще Адаму о знаменитомъ паддикѣ, имѣющемъ родиться въ дальнихъ грядущихъ поколѣніяхъ.—Ребъ Лейбъ Соресъ умеръ безъ дѣтей и власть его перешла къ его ловкому кучеру, по имени Авріель, который избралъ своею резиденцію м. Козинъ, около Кременца, и назывался Авріелемъ Козениромъ. Но власть не упрочилась въ династіи паддика-узурпатора. Сынъ его сначала велъ жизнь свѣтскую и лишь, разорившись, на старости лѣтъ обратился къ родительскому промыслу и сдѣлался странствующимъ паддикомъ. Но съ нимъ династія эта и прекращается.

На мѣсто внука Бешта, ребъ-Боруха, сдѣлался паддикомъ въ Меджибожѣ прибывшій изъ Опты р. Гешель, извѣстный подъ именемъ „Оптскаго Реббе“. Предъ Оптскимъ Реббе преклонялись всѣ современные ему паддики, за исключеніемъ Израіля Розинера, который не признавалъ его авторитета. Одновременно съ Оптскимъ Реббе были: 1) „Проповѣдникъ изъ Мезерича“, ученикъ котораго, р. Залманъ, основалъ, подъ названіемъ „Хабадъ“, хасидскую фракцію на Литвѣ, въ Лядахъ (Витебской губ). У мезеричскаго проповѣдника былъ сынъ Абрамъ, прозванный, „ангеломъ“. Сынъ „Абрама-ангела“, (ангелы, какъ видите, также рожаютъ дѣтей), Шаломъ, былъ зятемъ знаменитаго паддика р. Нохума Черноболера и отцомъ ставшаго внослѣдствіи извѣстнымъ р. Израіля Розинера; 2) Ребъ Мотеле Черноболеръ, сынъ р. Нохума, слѣдовательно дядя съ материнской стороны р. Изра-

иля Розинера; и 3) р. Моше Савранскій. въ м. Саврани (Подольской губерніи).

Не признававшій авторитета Оптскаго Реббе, р. Израиль Розинеръ велъ жизнь до того пышную и расточительную, что онъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Онъ былъ арестованъ въ Кіевѣ и, по освобожденіи, эмигрировалъ въ Галицію и поселился въ Садогорахъ, гдѣ купилъ себѣ большія помѣстья и сдѣлался австрійскимъ подданнымъ. Онъ умеръ въ 1851 году. Санъ его перешелъ къ его сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ, ребъ Абрамъ-Іаковъ, находится нынѣ въ Садогорахъ и извѣстенъ подъ именемъ «Садогорскаго Реббе», а другой ребъ-Мотеле—въ Стризеви.

Отъ Савранскаго Реббе остался внукъ, по имени также Моше, который еще ребенкомъ взшелъ на цаддикскій престолъ въ Чейчельникѣ. Плодовитѣ всѣхъ былъ ребъ Мотеле Черноболеръ, оставившій восемь сыновей, которые до сихъ поръ господствуютъ въ его владѣніяхъ въ видѣ удѣльныхъ князей, а именно: 1) ребъ Ааронъ въ Черноболѣ, 2) ребъ Мошеле въ Кортишеви, 3) ребъ Іаковъ Израиль въ Черкасахъ, 4) ребъ Авремеле въ Трискакъ, 5) ребъ Довидуню въ Тальнѣ, 6) ребъ Ицыкель въ Сквирѣ, 7) ребъ Іохенче въ Рахмистровѣ и 8) ребъ Нохемль въ Макаровѣ.

Г. Готлоберъ касается вкратцѣ трагической исторіи съ семействомъ типографовъ Шапиро въ Славутѣ. Славутская еврейская типографія отличалась тѣмъ, что не печатала у себя другихъ книгъ, кромѣ богословскихъ или каббалистическихъ. Это была, такъ сказать, кош и р н а я типографія, не осквернявшая своихъ святыхъ станковъ гр е ф ъ-п о с у л а м и. Иначе и не могло быть: основателемъ ея былъ Славутскій раввинъ, р. Моисей Шапиро, сынъ р. Пинхоса изъ Корца, младшаго современника самаго Бешта. Въ царствованіе Императора Николая это двѣтущее семейство постигла страшная катастрофа. Два сына р. Моше Шапиры, за нарушеніе кажется какихъ-то цензурныхъ правилъ, подверглись уголовному суду, были наказаны плетью и сданы въ солдаты. Старикъ р. Моше умеръ съ горя, типографія хоть и осталась за его семействомъ, была переведена въ Житомиръ подъ ближайшій надзоръ цензуры, и наконецъ въ 1867 году, при внукахъ основателя, совсѣмъ закрыта.

Къ сожалѣнію, г. Готлоберъ дѣлаетъ всѣ эти весьма интерес-

ныя сообщенія, какъ то отрывочно и хаотически. Мы бы ему со-
вѣтовали, взамѣнъ разныхъ колкостей и насмѣшекъ, посылаемыхъ
имъ по разнымъ адресамъ, отнестись къ предмету съ большею объ-
ективностію, опредѣлить точнѣ хронологию и дать болѣе полныя
свѣдѣнія о событіяхъ, по меньшей мѣрѣ въ главныхъ ихъ моментахъ.
Правда, г. Готлоберъ пишетъ не исторію, а только воспоминанія,
отмѣчая ихъ даже отъ 1865 г.; но ничто не мѣшаетъ ему попол-
нить эти воспоминанія новѣйшими справками. Мемуары тогда
только и имѣютъ значеніе, когда они могутъ служить надежнымъ
источникомъ для исторіи данной эпохи.

Весьма не дуренъ помѣщенный въ той же январской книжкѣ
разсказъ Х. Маргольеса: „Виноваты ли они?“ Авторъ задѣваетъ
одно весьма больное мѣсто въ строю еврейской жизни. Положеніе
женщины у евреевъ воистину плачевное. Если въ образовательно-
воспитательномъ отношеніи дѣло начинаетъ поправляться и еврей-
скія дѣвушки, для которыхъ на основаніи талмуда, и „даже изу-
ченіе торы есть богохульство“, наполняютъ теперъ пансіоны, гим-
назіи и высшіе курсы, то тѣмъ чувствительнѣе и пагубнѣе для
нихъ остающіяся въ силѣ нѣкоторыя раввинскія постановленія въ
бракоразводномъ отношеніи. Эти устарѣлыя постановленія, не га-
рантирующія женщину отъ произвола мужчины и случайныхъ об-
стоятельствъ, порождаютъ въ жизни грустныя явленія, которыя въ
нашемъ отечествѣ, не однократно уже восходили до высшей ин-
станціи, вѣдающей у насъ дѣла иностранныхъ исповѣданій,
въ томъ числѣ и исповѣданія русскихъ евреевъ, и рассматлива-
лись въ тагъ называемыхъ раввинскихъ комиссіяхъ. Но пользы отъ
этого не вышло ровно никакой. Комиссіи эти, къ несчастію, всегда
оказываются ниже своего призванія. Не рѣшаясь на то, чего
именно администрація отъ нихъ добивается, — на измѣненія нѣ-
которыхъ самыхъ пустыхъ и устарѣлыхъ формулъ, идущихъ въ
разрѣзъ съ жизнію, онѣ всегда вертятся кругомъ да около пред-
лагаемыхъ имъ вопросовъ, боясь наложить руку на самый корень
зла. Выходитъ, что вмѣсто ожидаемой пользы, эти комиссіи при-
носятъ только вредъ, придавая схоластическому буквовѣдству пра-
вительственную санецію. Даже комиссія 1879 г., въ которой оф-
фициально не засѣдалъ ни одинъ духовный раввинъ, рокетничая

съ ортодоксією и, ведя закулисную игру съ неофициальными раввинами, отдѣлывалась пустыми канцелярскими фразами, и не подвинула дѣла ни на шагъ. Между тѣмъ, кто знаетъ и сознаетъ, сколько вреда для несчастныхъ евреевъ происходитъ подчасъ отъ бессмысленнаго формализма, требуемаго раввинами въ дѣлахъ бракоразводныхъ, у того сердце не можетъ не обливаться кровію при мысли, что здѣсь дѣло идетъ не о какомъ нибудь глиняномъ горшкѣ съ мясомъ, подлежащемъ устраненію по причинѣ попавшей въ немъ капли молока, не о какой нибудь отрефившейся коровѣ, а о загубленіи множества прекрасныхъ юныхъ жизней, несчастныхъ, но ни въ чемъ неповинныхъ. Это безысходное житейское горе, не встрѣчая себѣ облегченія ни въ официальныхъ вѣдомствахъ, ни въ офиціозныхъ коммисіяхъ, начинаетъ искать себѣ исходъ и огласку въ литературѣ. Въ предыдущей статьѣ мы вскользь упомянули объ одной поэмѣ, которой служилъ сюжетомъ взятый изъ дѣйствительности фактъ загубленія жизни одной молодой еврейки съ двумя дѣтьми изъ за нелѣпой придирки безграмотнаго раввина, недосчитавшаго въ ея разводномъ листѣ одной, въ сущности вовсе и не нужной, іоты. О другомъ фактѣ этого же рода, изложенномъ въ новомъ стихотвореніи того же автора, мы поговоримъ ниже. Подобный же случай имѣетъ предметомъ и рассказъ г. Маргольеса.

Въ большомъ городѣ К., съ сорокатысячнымъ еврейскимъ населеніемъ, шесть лѣтъ уже живетъ богатое семейство Родъ, состоящее изъ мужа, жены и трехъ маленькихъ дѣтей. Богатый негодіантъ Яковъ Родъ извѣстенъ всѣмъ и каждому своею широкою благотворительностію, въ практикованіи которой ему содѣйствуетъ его добродѣтельная Дебора. Эта образцовая мать и хозяйка, кромѣ богоугодныхъ заведеній, на которыя она сыплетъ свои милости полными пригоршнями, вѣдаетъ только свой домъ и своихъ дѣтей,—цвѣтушій трилистникъ, состоящій изъ одной дѣвочки и двухъ мальчиковъ. При всемъ своемъ богатствѣ, Дебора не знаетъ ни расточительности, ни спѣси; она доступна для всѣхъ, любима и благословляема всѣми. Одна только черта неприглядно выдается въ характерѣ этихъ двухъ образцовыхъ супруговъ, другъ въ другѣ души не чающихъ; это—ихъ несообщительность. Печать полнѣйшаго безмолвія лежитъ на ихъ прошломъ. Оба они хранятъ о своей прежней судьбѣ какое-то упорное, подозрительное молчаніе.

Никто, даже изъ самыхъ приближенныхъ, не знаетъ при какихъ обстоятельствахъ Родъ встрѣтился съ своею женою, гдѣ и какъ они познакомились и женились. Неужто эти неподобные люди совершили въ своемъ прошедшемъ что нибудь такое, что они имѣютъ причину такъ тщательно скрывать? Оказывается, что въ прошлой жизни нашихъ супруговъ дѣйствительно кроется секретъ, отъ сохраненія котораго зависитъ не болѣе и не менѣе, какъ счастье и доброе имя ихъ дѣтей.

Яковъ Родъ—сынъ бѣднаго портного одного посада возлѣ Риги. Обучавшись до 14 лѣтъ въ мѣстной народной школѣ, онъ на 15 году поступилъ для изученія торговли въ одинъ изъ торговыхъ домовъ Риги, гдѣ, кромѣ жалованья, правда небольшого, вскорѣ сталъ получать частыя награды. Расторопному и бережливому Якову Роду перевалило уже далеко за 20 лѣтъ, когда онъ успѣлъ сколотить себѣ небольшой капиталаецъ, тысячи въ четыре, и тогда, оставивъ своего принципала, онъ съ компаньономъ, положившимъ въ дѣло значительный капиталъ, открыли самостоятельную торговлю московскими фабрикатами. Скоро фирма Родъ et С^о стала извѣстна торговому міру и своею солидностію снискала себѣ общее довѣріе. Родъ сталъ часто ѣздить въ Москву, гдѣ, сохраняя врожденную ему скромность, не увлекался соблазнами столичной жизни, а предавался всецѣло торговымъ своимъ занятіямъ, днемъ посѣщая фабрики и нужныхъ людей, а по вечерамъ оставаясь дома въ гостинницѣ для составленія своихъ счетовъ и корреспонденцій. Разъ, сидитъ онъ такимъ образомъ въ своемъ номерѣ, и входитъ въ нему служитель гостинницы, давно уже успѣвшій убѣдиться въ щедрости ихъ постоянного постояльца; онъ рассказываетъ ему, что нѣсколько недѣль тому назадъ остановилась у нихъ въ гостинницѣ молодая еврейка, взяла дешевый номеръ и справилась, гдѣ находится пересылочная тюрьма. Затѣмъ въ теченіе 5 дней стала она выходить рано и возвращаться поздно вечеромъ. На шестой день, занимаясь въ корридорѣ, онъ услышалъ изъ ея комнаты болѣзненные стоны. Оказалось, что она заболѣла и, по ея просьбѣ, онъ позвалъ доктора. Докторъ сталъ ходить каждый день, такъ какъ болѣзнь оказалась тяжкою. Теперь докторъ находитъ нужнымъ пригласить еще врача для консультаціи, но у нея нѣтъ денегъ ни для доктора, ни для аптеки. И вотъ, зная что Родъ единоплеменный страдалецъ, онъ обращается къ нему за

помощію. Естественно, что помощь была оказана, сперва посредственно, чрезъ отельнаго служителя, а когда больная поправилась и встала съ постели, Родъ навѣстилъ ее лично. Отклонивъ всѣ попытки къ благодарности, онъ изъ искренняго участія спросилъ о ея судьбѣ и узналъ слѣдующее:

Рано лишившись отца, она съ младшимъ братомъ были воспитаны матерью, которая содержала постоялый дворъ. Мать добросовѣстно заботилась о воспитаніи своихъ дѣтей, сына отдала въ гимназію, а дочери доставила возможное при ея обстоятельствахъ хорошее домашнее воспитаніе. Пришедши въ возрастъ, она сдѣлалась невѣстою сорокалѣтняго вдовца изъ ближайшаго города, по имени Давида Бланка, слышаго состоятельнымъ и порядочнымъ человекомъ; но тотчасъ послѣ свадьбы обнаружилось, что Бланкъ былъ одержимъ рѣдкою между евреями слабостью: онъ любилъ выпить. Это было бы еще полбѣды, но вдобавокъ Бланкъ оказался немощнымъ и занимающимся неблагоприятными дѣлами. Съ первыхъ же дней онъ сталъ жестоко обращаться съ женою, и она больше полугода не выдержала и вернулась къ матери. Вскорѣ Бланкъ попался за какія то продѣлки, былъ арестованъ въ Москвѣ и приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Омскъ.

Дебора, которая успѣла тѣмъ временемъ схоронить мать, узнавъ о случившемся, собрала всѣ свои сбереженія отъ трудовой руководящей работы, которою она въ послѣднее время пропитывалась, и покатилась въ Москву. Тамъ, отыскавъ своего мужа въ арестантской, она попросила отъ него развода. Онъ согласился дать ей разводъ, но потребовалъ 500 р. У нея всего было 230 руб., потомъ и кровію сколоченныхъ. Она предложила ему 200, оставляя себѣ 30 р., чтобы расплатиться въ гостинницѣ и вернуться домой. Онъ согласился и она тутъ же вручила ему 200 р. Но, поладивъ дѣло съ мужемъ, пьяницею и преступникомъ, несчастная не знала, что ей придется еще ладить съ — раввиномъ. Раввинъ, къ которому она обратилась, оказался не менѣе любостыжательнымъ. Весьма удачна сцена визита Деборы къ раввину; передадимъ ее ея собственными словами:

«Вручила я мужу деньги, говоритъ она, и пошла отыскивать раввина, дающаго разводъ. Мнила я, что раввины—это люди воистину боящіеся Бога, но какъ горько ошиблась я! Близокъ Онъ въ устахъ ихъ, но далекъ отъ сердца ихъ! Когда раввинъ, къ ко-

«торому я обратилась, узналъ, что я бѣдна и много дать не въ состояніи, онъ направилъ меня къ другому раввину. Съ трудомъ отыскала я этого другаго; но когда я пришла, онъ отправился уже въ синагогу къ вечерней (минха). Я его въ тотъ день не дождалась и встала на другой день до разсвѣта, такъ какъ онъ живетъ очень далеко отсюда. Но я всетаки опять опоздала: когда я пришла онъ уже ушелъ къ заутренней (шахрить). Лишь къ полудню дождалась я его. Выслушавъ меня, онъ сказалъ, что «устроить разводъ вещь не шуточная, тѣмъ болѣе что придется идти въ тюрьму и туда же взять съ собою писца (софера) и свидѣтелей».

Показавъ такимъ образомъ товаръ свой лицомъ, благочестивый раввинъ совершилъ „омовеніе рукъ“ и сѣлъ за трапезу, конечно экстракопирную. Пообѣдавши, онъ занимался другими лицами, поджидавшими его и видимо больше его интересовавшими; лишь къ вечеру раввинъ могъ заняться бѣдною женщиною и сказать ей, — чтобъ она пришла завтра. На другой день благочестивый раввинъ, аккуратно посѣщающій синагогу и совершающій обрядъ „омовенія“, наконецъ объявилъ ей, что устройство развода будетъ стоить—пятьдесятъ р. „Да помилуйте, святой отецъ, на эти деньги вѣдь можно устроить разводъ съ церемонією!“ Этого конечно убитая Дебора не осмѣлилась ему сказать; она бросилась на просьбы, въ слезы, — ничего не помогаетъ. Она предлагаетъ ему половину своего состоянія—пятнадцать руб.; онъ и слушать не хочетъ. Несчастной ничего не осталось дѣлать. Она рѣшилась продать свои платья. На другой день отправилась съ узломъ въ рынокъ. Весь день промаялась голодная, но нужной суммы не выручила; вечеромъ же, вернувшись домой въ гостинницу разбитая, измученная, съ отчаяньемъ въ душѣ, занемогла и слегла. Остальное знаемъ.

Родъ взялся самъ устраивать дѣло. Теперь изъ за денегъ дѣло не стало бы, но случилось другое горе: Бланкъ тѣмъ временемъ былъ уже отправленъ по дорогѣ въ Сибирь. Родъ, для котораго дѣло это стало уже дѣломъ своего сердца, — читатель догадывается, что бѣдствующая молодая Дебора ему приглянулась, —устроивъ свои дѣла въ Москвѣ, спусти недѣльку катилъ уже по дорогѣ въ Нижній. Но пріѣхавъ туда, Бланка и тамъ уже не засталъ; онъ шагаль уже съ этапомъ дальше по дорогѣ туда, туда.. wo die Citronen blühen. Потерявъ на эту поѣздку двѣ недѣли,

Родъ вернулся въ Москву, гдѣ его ожидала Дебора. Тутъ слѣдуетъ кстати замѣтить, что исторія эта, время которой авторомъ не обозначено, повидимому должна быть отнесена къ прежнему времени, когда въ Москвѣ еще ни раввина Минора, ни желѣзной дороги въ Нижній Новгородъ не было, иначе чудовищный поступокъ раввина и двухнедѣльный проѣздъ въ Нижній были бы анахронизмомъ. Какъ бы то ни было, но отысканіе Бланка и освобожденіе желанной Деборы отъ ея брачныхъ узъ сдѣлались для Рода задачей жизни. Съ каждымъ днемъ онъ все больше проникался сознаньемъ, что безъ этой женщины ему жить нельзя. Объяснившись съ Деборой, которая тутъ лишь впервые узнала, что Родъ холостъ, и получивши конечно ея обѣщаніе выйти за него, когда она будетъ свободна, Родъ послалъ на свой счетъ нарочнаго человѣка въ Омскъ добиться отъ Бланка развода во что бы ни стало. Трудно было, замѣчаетъ авторъ, найти такого человѣка, такъ какъ еврей, не совершившій преступленія, ѣхать въ Сибирь не имѣетъ права. Прошли мѣсяцы; посланецъ вернулся ни съ чѣмъ. Случилось вотъ что: въ партіи арестантовъ, съ которою слѣдовалъ Бланкъ, находился другой еврей, по фамиліи Цвангъ, который за убійство и грабежъ былъ осужденъ на каторжные работы въ рудникахъ. Этотъ пройдоха во время пути уговорилъ своихъ товарищей при переключкѣ на этапныхъ стоянкахъ отеликатся другъ за друга, какъ бы потѣхи ради. Когда партія прибыла въ Тобольскъ, гдѣ сортировали ссыльныхъ, Цвангъ напоилъ Бланка пьянымъ и при переключкѣ Бланкъ отеликнулся на его имя и такимъ образомъ попалъ на каторгу въ Нерчинскъ, между тѣмъ какъ ловкій Цвангъ былъ отправленъ на вольное поселеніе въ Омскъ. Посланецъ Рода узналъ объ этомъ частнымъ образомъ, когда ему приходилось констатировать личность мнимаго Бланка въ Омскѣ, но убѣдить въ происшедшемъ *qui pro quo* мѣстное начальство онъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе чего не рѣшился ѣхать въ Нерчинскъ, гдѣ вдобавокъ и некому было бы разводный листъ составить. Вотъ онъ и вернулся съ пустыми руками. Но Рода и эта осложнившаяся трудность не утратила. Онъ отвезъ Дебору въ Петербургъ къ ея брату, находившемуся тамъ студентомъ, и рѣшился самолично ѣхать въ восточную Сибирь. Устроивъ предварительно дѣла свои въ Ригѣ, Родъ пригласилъ съ собою одного молодого раввина, который не пристроился

еще къ паствѣ и за хорошій кушъ согласился ѣхать въ Сибирь для составленія на мѣстѣ разводнаго листа, запаса рекомендабельными письмами къ мѣстному начальству и возможностью документально доказать происшедшую замѣну личностей и отправился въ Якутскую область. Но бѣда никогда не ходитъ одна. Пріѣхавши въ Нерчинскъ, Родъ узналъ, что за два мѣсяца до того Бланкъ утонулъ вмѣстѣ съ четырьмя другими ссыльно каторжными при прорубкѣ льда въ рѣкѣ. Фактъ этотъ былъ несомнѣненъ и констатированъ какъ списками арестантовъ такъ и показаніями свидѣтелей, присутствовавшихъ при катастрофѣ; но для брачныхъ законовъ раввинскаго кодекса этого недостаточно, такъ какъ трупъ утопленника не былъ отысканъ и освидѣтельствованъ. По этимъ законамъ Дебора не могла быть признана овдовѣвшею и была обречена на вѣчное безбрачіе (агуна).

Дошедши въ своихъ поискахъ и стараніяхъ до крайнихъ предѣловъ человѣческой возможности, Родъ считалъ счеты со своею совѣстью поконченными, вернулся домой и женился на Деборѣ. Авторъ не говоритъ, гдѣ нашелъ Родъ въ Россіи раввина, который вѣнчалъ ихъ при данныхъ условіяхъ; но мы имѣемъ дѣло съ совершившимся фактомъ. И вотъ причина, почему Родъ съ женою, проживающіе уже шесть лѣтъ въ К., такъ тщательно скрываютъ свое прошлое: по законамъ раввиновъ бракъ ихъ считается недѣйствительнымъ, а происшедшія отъ него дѣти—незаконно-рожденными.

Разсказъ г. Маргольеса въ художественномъ отношеніи оставляетъ еще кое чего желать. Слогъ его не изященъ и слишкомъ сухъ, хотя впрочемъ правиленъ и удобопонятенъ. Нѣкоторые аксесуары не совсѣмъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности и не находятъ себѣ оправданія въ развязкѣ. Намъ напр., непонятенъ типъ русскаго половаго, распинающагося и проливающаго даже слезы изъ жалости къ судьбѣ несчастной жидовки. Такихъ идеальныхъ гуманистовъ въ дѣйствительности не только между отельными служителями, но пожалуй, и между самими содержателями отелей не отыщешь. Эпизодъ замѣны ссыльно-каторжника Цванга сосланнымъ на поселеніе Бланкомъ, какъ онъ ни естествененъ и возможенъ при порядкахъ на нашихъ этапно-ссылныхъ трактахъ, не необходимъ для сущности разсказа. Бланку не было надобности утонуть непременно въ Ленѣ; онъ могъ отлично

при тѣхъ же условіяхъ погибнуть въ волнахъ Иртыша, или могъ бы съ самаго начала совершить такое преступленіе, за которое онъ самолично и законно попалъ бы въ Нерчинскъ. Но эти и тому подобныя мелочи въ разсказѣ г. Маргольеса, въ первый разъ, кажется, встрѣчаемаго нами въ литературѣ, вполне искупаются трагичностію самаго содержанія разсказа, взятаго повидимому изъ жизни. Высокотрагичныя сюжеты, которыми такъ изобилуетъ еврейская жизнь, сами по себѣ до того интересны и занимательны, что ихъ раскрашивать не надо. Мы уже сказали, что этого большого мѣста въ еврейскомъ общественномъ организмѣ равьше г. Маргольеса коснулся нашъ народный поэтъ Л. Гордонъ въ своей мастерской поэмѣ «Коцо шелъ іудъ», появившейся пять лѣтъ тому назадъ. Какъ pendant къ этой поэмѣ появилось въ литературномъ сборникѣ «Когелетъ» г. Цедербаума небольшое стихотвореніе того же автора подъ заглавіемъ «Шомеретъ-іавемъ» т. е. ожидающая совершенности своего девера.

По Моисееву уставу, когда одинъ изъ братьевъ умереть безъ дѣтей, то вдова его не должна выйдти за чужаго, а деверь ея, братъ умершаго, обязанъ на ней жениться. Если же онъ отказывается жениться на своей невесткѣ, тогда совершается обрядъ снятія башмака, состоящій въ томъ, что невестка въ присутствіи судей снимаетъ съ ноги своего девера башмакъ, плюетъ ему въ лицо и произноситъ: „Такъ поступаютъ съ человѣкомъ, который не соглашается возстановить домъ брата своего“. (*Второзаконіе XXV, 5—10*). Обязательная женитьба на вдовѣ брата установлена Моисеемъ съ цѣлю сохраненія въ цѣлости родового наслѣдства, и то обстоятельство, что остающійся въ живыхъ братъ могъ оказаться женатымъ, не могло служить препятствіемъ къ исполненію этой семейной обязанности, такъ какъ многоженство во время оно не возбранялось. Но съ запрещеніемъ многоженства равнины запретили и бракосочетаніе съ овдовѣвшею невесткою (іибумъ), провозгласивъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязательнымъ обрядъ снятія башмака (халица). Случается же такъ, что при смерти бездѣтнаго брата остается малолѣтній братъ и несчастная вдова обязана ждать до его совершеннолѣтія, такъ какъ исполненіе обряда халицы надъ малолѣтнимъ не допускается, и тогда судьба несчастной женщины зависитъ отъ произвола своего субъекта, которому это право служить обыкновенно предлогомъ для эксплу-

атаціи, такъ какъ въ случаѣ его отказа дать ей халицу, она одна обречена на вѣчное безбрачіе. Во всякомъ случаѣ погибають при этомъ лучшіе годы жизни несчастой вдовушки. Единственный исходъ изъ этой дилеммы есть—склонить опасно больного бездѣтнаго мужа дать своей женѣ разводъ, и тутъ опять является на сцену раввинъ, дающій разводъ, который въ виду опаснаго положенія больного и важности послѣдствій отъ его смерти для вдовы, не долженъ медлить и затруднять совершенія развода. Подобное положеніе и служить предметомъ новаго стихотворенія г. Гордона.

Молодой Иона, три года тому назадъ женившійся на прекрасной Таубѣ, умираетъ отъ чахотки. Ихъ союзъ Господь неблагословилъ «плодомъ чрева», но за то «призрѣлъ» Онъ на старости лѣтъ Ионину мать, которая недавно родила второго сына. Бѣдной Таубѣ видѣется перспектива «помереть-іавемъ» ожидающей зрѣлости своего девера.

„Такъ юныхъ дней весна твоя пройдетъ,
„А тамъ... Богъ вѣсть еще какимъ онъ въ жизни станетъ.
„Быть можетъ алчный, извергъ и кулакъ
„Изъ жадности съ тебя онъ раньше кожу стянетъ
„Чѣмъ дастъ тебѣ стащить съ себя башмакъ.

Тауба сама объ этомъ и не думаетъ. Она, которую мы недавно еще видѣли пышною розою подъ балдахиномъ, сидитъ зачахшею отъ долгаго блѣнія у постели больного мужа, ибо „кто знаетъ долгъ свой лучше дочери Израиля?!“. Но о ней заботятся ея родители. Сама мать Ионы склонила его дать разводъ своей возлюбленной женѣ. Материнское сердце „мягче чѣмъ восекъ; крѣпче чѣмъ кремень“, способно и сообщить сыну о безнадежности его положенія. Отецъ спѣшитъ къ раввину. Раввинъ требуетъ 200 злотыхъ, (онъ живетъ очевидно въ какомъ нибудь польскомъ городѣ). Разорившійся болѣзнію сына, отецъ не можетъ дать требуемой суммы и предлагаетъ половину. Но раввинъ человѣкъ твердыхъ правилъ и не уступаетъ. „Не даромъ онъ ѣлъ одиннадцать лѣтъ * казенный хлѣбъ: онъ отлично знаетъ, что 200 больше 100“. Какъ видитъ читатель, мы на сей разъ имѣемъ дѣло съ образованнымъ, такъ называемымъ казеннымъ, равви-

* Это *licentia poetica*, къ которой принуждалъ поэта размеръ стиха. Больше 10 лѣтъ воспитанника не оставались въ раввинскомъ училищѣ.

номъ, который также знаетъ цѣну презрѣнному металлу. Но пока несчастный отецъ упрашивалъ неумолимаго духовнаго отца и хлопоталъ о деньгахъ, больной не дождался и—Богу душу отдалъ. Поэтъ заканчиваетъ свою несложную сатиру ѣдкимъ, обращеннымъ къ равнину, сарказмомъ:

„Мнѣ жаль тебя, равнинъ, увы не возвратима

„Твоя потеря: какъ ты оплошалъ!

„Не вѣкъ ей быть вдовой: то горе исправимо,

„Но ты... ужъ ты то сотню прозѣвалъ!

Въ обоихъ произведеніяхъ, содержаніе которыхъ мы сейчасъ передали, встрѣчаемся съ совершенно новымъ недугомъ нашего общественнаго строя. Въ любостязательности до сихъ поръ равниновъ не упрекали. Если это зло существуетъ, то оно во всякомъ случаѣ не пустило еще глубочайшихъ корней, и равнины, герои нашихъ эпопей, могутъ быть только жалкими исключеніями. Главное же зло лежитъ безсомнѣнно въ самомъ драконовскомъ характерѣ нашего застарѣлаго брачнаго устава. Печальныя приключенія въ родѣ тѣхъ, какія служили сюжетомъ обоимъ нашимъ авторамъ, случаются сплошь да рядомъ, и тяжелыя послѣдствія ихъ не могутъ быть нагляднѣе доказаны, чѣмъ это сдѣлано въ обоихъ стихотвореніяхъ г. Гордона и разсказѣ г. Маргольеса. Г. Маргольесъ ушелъ еще дальше г. Гордона. Въ то время какъ герои г. Гордона не затѣваютъ борьбы противъ постановленій идущихъ въ разрѣзъ съ жизнью и падаютъ добровольными жертвами,—герои г. Маргольеса дѣлаютъ шагъ впередъ и не стѣсняются этими нелѣпыми постановленіями. О возможности подобной развязки не мѣшало бы заблаговременно подумать и равнинамъ и равнинскимъ комиссіямъ. *Si l'église ne va pas avec la vie, la vie ira malgré l'église, contre l'église, sans église.*

Есть въ сборникѣ „Когелетъ“ еще нѣкоторыя небезинтересныя вещи. Самъ издатель помѣстилъ обширную статью по училищному вопросу. Г. Цедербаумъ высчиталъ, что казенно-еврейскія училища, за 35 лѣтъ ихъ существованія, стоили евреямъ не шуточной суммы въ десять милліоновъ руб., между тѣмъ пользы принесли они относительно немного и не вытѣснили хедеровъ и іешиботовъ, безъ которыхъ евреи существовать не могутъ. Съ другой стороны авторъ статьи рисуетъ неприглядную картину этихъ

устарѣлыхъ учреждений, со всѣми прелестями ихъ внѣшней обстановки и не выдерживающей нынѣ критики программы. Г. Цедербаумъ рекомендуетъ евреямъ самимъ взяться за дѣло реорганизаци ихъ учебныхъ учреждений, превратить хедеры въ первоначальныя школы, а іешиботъ въ раввинскія училища; онъ излагаетъ подробный проектъ и программу преобразованныхъ заведеній, которыя евреямъ придется содержать на собственный счетъ, т. е. на деньги отъ платы за ученіе и пособія отъ обществъ. Г. Цедербаумъ надѣется, что когда евреи сами заведутъ у себя правильно организованныя учебныя заведенія въ духѣ своей народности и плата должную дань современнымъ потребностямъ, тогда не только упразднится, за ненадобностію, тяготящій надъ ними свѣчной сборъ, но въ ихъ распоряженіе будутъ переданы хранящіеся въ государственномъ казначействѣ остатки отъ этого сбора, доходящіе до 600,000 руб., по примѣру того, какъ это сдѣлано въ Австріи, гдѣ правительство передало евреямъ запасный капиталъ шульфонда въ милліонъ гульденовъ. Блаженъ вѣрующій! Скажемъ г. Цедербауму, и какъ ни желательно было бы, чтобы проектъ его былъ приведенъ въ дѣло, но намъ кажется, что евреи тогда «превратятъ хедеры въ начальныя школы и іешиботъ въ раввинскія училища», когда народы «перекуютъ мечи свои на сошники и копыя на серпы» и въ свою очередь — прежде чѣмъ евреи дождутся, чтобы имъ передали остатки свѣчнаго сбора, наступить для нихъ другой признакъ мессіанскаго времени *מן מלכות עוֹלָם עָוֹל* т. е. „выйдетъ послѣдній грошъ изъ кармана“.

М. Л. Лиліенблюмъ помѣстилъ въ „Сборникѣ“ двѣ статьи. Въ одной онъ рекомендуетъ новоеврейскимъ писателямъ и журналистамъ держаться реального направленія, въ другой разоблачаетъ М. Розенсона, автора мнимо каббалистической книги Дивре-Шаломъ («Слова примиренія»). Г. Лиліенблюмъ доказываетъ, что авторъ проповѣдуетъ тенденціи антимонотеистическія, проще говоря: пропагандируетъ христіанство. Разоблаченія г. Лиліенблюма до того плѣнили московскаго раввина г. Минора, что онъ въ особомъ посланіи, напечатанномъ въ „Гамелицѣ“ за нынѣшній годъ, № 6, высказываетъ ему публичную благодарность и тщится подтвердить мнѣніе г. Лиліенблюма о г. Розенсонѣ цитатами изъ другихъ книгъ сего послѣдняго.

Но оба почтенные борца за монотеизмъ очевидно не подозрѣ-

ваютъ, что они имѣютъ дѣло съ мономаномъ. Г. Розенсонъ давно уже преслѣдуетъ утопію примирить негосподствующую синагогу съ господствующею церковію — разсматриваемая книга числомъ седьмая, — и пользуется для своей цѣли каббалистическими фокусами. Туманная каббала самое удобное орудіе для религіозной пропаганды. Ею пользовался пресловутый Саббатай Цеви, который дебютировалъ въ исламизмѣ. Извѣстно также, что Zohar, — эта біблія каббалистовъ, была изъята изъ числа книгъ раввинской письменности, преданныхъ костру въ Парижѣ въ царствованіе Людовика Святаго, потому, что римская курія находила въ Zohar'ѣ подтвержденіе принциповъ католицизма. Г. Розенсонъ собственно въ каббалѣ ничего не смыслитъ. Весь его аппаратъ содержитъ только фейерверкъ трескучихъ мистическихъ фразъ и техническихъ выраженій. Это только дымъ безъ пороху, который никому вредить не можетъ. Никто изъ евреевъ не читаетъ бредней новаго апостола, и мы не знаемъ за нимъ ни одного случая успѣха въ дѣлѣ совращенія съ пути монотеизма. Возражающіе ему оказываютъ ему скорѣе услугу тѣмъ, что обращаютъ на него вниманіе публики. Статьи гг. Лиліенблюма и Минора, мы увѣрены въ томъ, послужатъ г. Розенсону лишь поводомъ къ написанію новаго сочиненія. О подобныхъ случаяхъ говорится весьма мѣтко въ талмудѣ: $\text{לֹא יִשְׁתַּחֲוֶה אִישׁ לְרֵעֵהוּ בְּכֹחַ שׂוֹמְרוֹ}$ «Оставь пьянаго, онъ самъ упадетъ».

Статья д-ра Шмильга «Объ отношеніи Маймонида къ Аристотелю» составлена съ глубокимъ знаніемъ предмета и анализируетъ вліяніе аристотелевой философіи на космогонію Маймонида и его послѣдователей.

Г. Л. Гордонъ въ небольшомъ очеркѣ, озаглавленномъ: „Только не силою“, характеризуетъ воспитаніе двухъ еврейскихъ юношей отцами двухъ различныхъ направленій. Одинъ насильственно приготовляетъ своего сына въ раввины и достигаетъ того, что несчастный пытливый юноша, столкнувшись, такъ сказать, съ вѣковыми вопросами, на которые онъ не находитъ отвѣта, сходитъ съ ума; другой, искусственно вырощая неразвитаго мальчика, какъ бы въ теплицѣ, обременяетъ его паче силъ научными предметами, насильственно погоняя его окончить докторомъ къ заранѣе высчитанному сроку, видитъ себя вынужденнымъ своего многообѣщавша-

го, но сбившагося съ колеи и понавшаго въ развратъ сына собственными руками — сдать въ солдаты.

Нѣкій М. Бройдо помѣстилъ статью по вопросу объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности. Авторъ не отрицаетъ существованія этого грустнаго факта, а старается объяснить его тѣми ограниченіями въ своихъ правахъ, которымъ евреи подвергаются при исполненіи этой, во всякомъ случаѣ тяжелой, государственной повинности. Но эти аргументы автора не выдерживаютъ критики. Опредѣленіе возраста по наружному виду, равно какъ и привлеченіе на службу льготныхъ послѣдовало, какъ репрессивныя мѣры, уже послѣ того, какъ официальная статистика высказалась не въ пользу нашихъ единовѣрцевъ. Есть причины гораздо болѣе глубокия и аргументы гораздо болѣе сильныя, которые авторомъ упускаются изъ виду — но здѣсь не мѣсто останавливаться на нихъ.

Изъ помѣщенныхъ въ „Сборникъ“ стихотвореній, кромѣ вышеизложенной поэмы г. Гордона, стоитъ еще упомянуть объ аллегоріи „Два Корабля“ З. К — на, — стихотвореніи, отличающемся изящностью слога, но страдающемъ нѣсколько широковыщательностью. На буксирномъ пароходѣ происходитъ пожаръ и глупый капитанъ не соглашается уменьшить паръ и выбросить за бортъ часть груза, вслѣдствіе чего гибнетъ весь грузъ вмѣстѣ съ экипажемъ. Поэтъ намекаетъ этимъ на необходимость облегченія религіозной жизни евреевъ отъ чрезмѣрнаго обрядоваго балласта. На эту несложную аллегорію употреблено цѣлыхъ сорокъ одно четверостишіе.

Остальныя статьи и стихи въ „Сборникъ“ можно обойти молчаніемъ. Сборникъ Когелетъ г. Цедербаума есть первая еврейская книга, появившаяся у насъ безъ предварительной цензуры. Г. Цедербаумъ намѣренъ упрочить изданіе «Сборника» и превратить его въ ежегодникъ. Это прекрасная мысль, и мы желаемъ издателю, чтобы онъ на будущее время былъ въ состояніи дѣлать болѣе строгій выборъ въ помѣщаемомъ матеріалѣ, въ особенности по части поэзіи и беллетристики.

Меваккеръ.

ПИСЬМА ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

II. ЕВРЕЙСКАЯ ПЕДАГОГИКА и РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Отъ трудовъ въ области еврейской исторіи мы переходимъ къ той части еврейской науки, на которую до сихъ поръ обращалось мало вниманія—къ педагогикѣ, или къ дѣлу обученія и образованія у евреевъ.

Библейская, а частью тоже и по-библейская или талмудическая педагогика неоднократно подвергалась разработкѣ съ тѣхъ поръ какъ директоръ пражской школы, Петръ Беръ, положилъ тому начало,—т. е. пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Мы напомнимъ только о монографіяхъ Эрмана, рано умершаго раввина С. Маркуса, I. Рейха и др. Въ новѣйшее время къ этимъ писателямъ присоединились Иосифъ Симонъ, который въ своемъ сочиненіи «L'éducation et l'instruction des enfans chez les juifs d'après la Bible et le Talmud» (въ Нимѣ), толкуетъ о томъ же предметѣ, и натурально не приходи ни къ какимъ новымъ результатамъ,—и М. Дайтшлендеръ, который тоже повторилъ только уже извѣстныя вещи въ своей статьѣ «Der Talmud und die Pädagogik», напечатанной въ «Шлезвигъ-Гольштинскомъ педагогическомъ журналѣ» (августъ 1880 г.).

Гораздо больше интереса представляетъ „Исторія педагогики и культуры у западныхъ евреевъ въ средніе вѣка и новое время“, которая имѣетъ авторомъ д-ра Гюдемана, раввина и проповѣдника въ Вѣнѣ, и которой въ прошедшемъ году вышелъ тотъ томъ, гдѣ говорится о евреяхъ Франціи и Германіи. Авторъ съ похвальнымъ прилежаніемъ старается пополнить пробѣлы и исправить недостатки

въ общей исторіи педагогики, и благодаря тщательному пользованію предшествовавшими работами Цунца, Гейгера, Штейншнейдера, Гретца и др., употребленію въ дѣло новаго рукописнаго матеріала, сравненію папирскихъ посланій средневѣковыхъ раввиновъ съ сочиненіями христіанскихъ писателей,—ему удалось начертить любопытную культурную картину. Сочиненіе это, которое, какъ и всѣ культурно-историческія работы, представляется мозаикоподобнымъ подборомъ небольшихъ составныхъ частей, включаетъ въ себѣ на столько интереснаго, что мы охотно оставимся на немъ нѣсколько дольше.

Книга Гюдемана распадается на девять главъ, изъ которыхъ первыя три даютъ культурно-историческія изображенія изъ жизни евреевъ французскихъ, слѣдующія три—евреевъ германскихъ, а послѣднія занимаются предметами, касающимися тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

То различіе, которое существуетъ съ одной стороны между культурою Испаніи и южной Франціи, долго находившейся подъ испанскимъ господствомъ, а съ другой стороны—Франціи сѣверной, обнаруживается и въ культурномъ состояніи евреевъ въ обѣихъ этихъ странахъ. Между тѣмъ какъ евреи Пиренейскаго полуострова подчинялись въ этомъ отношеніи вліянію арабовъ, у этихъ послѣднихъ приобрѣтали знакомство съ философіею, математикою, медициною и астрономіею, были даже главными посредниками между Востокомъ и Западомъ,—евреи сѣверной Франціи оставались чуждыми дѣйствію арабской культуры и были предоставлены своему собственному развитію; философскія изслѣдованія не представляли для нихъ интереса, и во всѣхъ тѣхъ наукахъ, которыя въ Испаніи разрабатывались съ такимъ блестящимъ успѣхомъ—въ медицинѣ, астрономіи, даже грамматикѣ и поэзіи—они не сдѣлали ничего, мало-мальски заслуживающаго вниманія. Ихъ дѣятельность имѣла почти исключительно религіозный характеръ и была направлена на изученіе библии и талмуда; между ними образовалась школа тосафитская, истощавшая большіе запасы искусной діалектики на изслѣдованіе талмуда, изъ ихъ среды вышли, съ Раши во главѣ, самыя замѣчательныя комментаторы библии. Считаемъ долгомъ однако упомянуть, что, не смотря на это одностороннее религіозное направленіе и находившуюся съ нимъ въ тѣсной связи ортодоксію, евреи сѣверной Франціи были очень хо-

рошо знакомы съ языкомъ страны и усвоили себѣ тонкія формы общественной жизни; о ихъ знаніи старофранцузскаго языка лучше всего свидѣтельствуютъ сѣверно-французскіе комментаторы библіи, не исключая и самаго Раши, такъ какъ многія еврейскія слова они объясняютъ и точнѣе опредѣляютъ французскими.

Съ ухудшеніемъ политическаго положенія евреевъ и усиленіемъ политическаго гнета, начавшимися послѣ смерти Людовика VII и окончившимися изгнаніемъ еврейскаго населенія, стала упадать и умственная дѣятельность этого послѣдняго. Въ спорѣ между приверженцами и противниками Маймонида имъ постоянно приходилось слышать отъ своихъ оппонентовъ, что они, при своей односторонней талмудической учености и полномъ отсутствіи философскихъ и другихъ научныхъ свѣдѣній, рѣшительно не могли понимать смыслъ сочиненій Маймонида. Послѣдствія этого печальнаго спора пришлось въ наибольшей степени испытать на себѣ французскимъ евреямъ: тотъ самый костеръ, на которомъ сгорѣли труды еврейскаго продолжателя Аристотеля, скоро послѣ того уничтожилъ и талмудъ вмѣстѣ съ его комментаторами; вслѣдствіе этого изученіе талмуда въ сѣверной Франціи начало все больше и больше упадать. Что можно было сдѣлать безъ книгъ?

О ходѣ воспитанія и обученія у французскихъ евреевъ въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ книга Гюдемана сообщаетъ очень мало подробностей, да и тѣ, которыя мы находимъ здѣсь, не представляютъ существеннаго отличія съ тѣми, что извѣстно въ этомъ отношеніи о евреяхъ въ другихъ странахъ. Что мальчикъ, при вступленіи въ школу, получалъ медовый пряникъ, испеченный изъ трехъ сортовъ тонкой муки, что ученіе начиналось съ еврейской грамоты и учениковъ рано сажали за Мишну и Талмудъ, что прилежная молодежь утражнялась также въ разныхъ играхъ—прыганьи и бѣганьи въ запуски,—все это составляло особенность не однихъ только французскихъ евреевъ. Особенный интересъ представляетъ напечатанный Гюдеманомъ въ первый разъ, по одной оксфордской рукописи, «училищный уставъ» 13 столѣтія (гл. III); онъ приведенъ здѣсь въ подлинникѣ съ нѣмецкимъ переводомъ; подлинникъ былъ во многихъ мѣстахъ испорченъ и потомъ тщательно исправленъ Г. Фиртомъ изъ Лейдена (въ „Monatsschrift“ Гретца, 1880, стр. 427—430). Составленъ ли этотъ уставъ раввиномъ Исаакомъ изъ Корбейлли, написанъ ли онъ вообще какимъ нибудь француз-

скимъ раввиномъ, какъ думаетъ Гюдеманъ,—это еще требуетъ болѣе точнаго изслѣдованія; несомнѣнно только то, что автору устава служила образцами организація подобныхъ-же учреждений у его согражданъ—христіанъ, т. е. духовныхъ семинарій и монастырскихъ школъ.

Что касается педагогическаго дѣла въ Германіи, то главные основанія его тѣже, что у вышеупомянутыхъ французскихъ евреевъ и у евреевъ другихъ странъ. Обученіе ограничивалось исключительно закономъ божіимъ и религіозною литературою. Три главы, посвященныя евреямъ германскимъ, вообще находятся въ очень слабой связи съ тѣмъ, что составляетъ собственно предметъ сочиненія. Такъ въ 4-й главѣ авторъ изображаетъ умственное положеніе нѣмецкихъ евреевъ отъ 9 до 12 столѣтія и при этомъ рассказываетъ о предпринимавшихся ими съ торговыми цѣлями путешествіяхъ, о ростовщичествѣ, которымъ въ то время занимались какъ евреи, такъ и христіане, и т. п. Въ качествѣ торговаго народа евреи совершали очень далекія поѣздки, даже раввины и ученые посѣщали отдаленныя земли. Рабби Эліазаръ бенъ-Натанъ говорить о путешествіяхъ въ Россію, ссылается на обычай русскихъ евреевъ—въ два первые вечера Пасхи обязательно выпивать четыре кубка съ крѣпкимъ виномъ, и знакомъ съ модами испанскихъ женщинъ. Исаакъ бенъ-Дурбало упоминаетъ о еврейскихъ купцахъ, ѣздившихъ въ Польшу. Что живущіе въ Богеміи и славянскихъ земляхъ евреи переселились туда, какъ доказываетъ Гюдеманъ, изъ Болгаріи, — это требуетъ еще болѣе обстоятельнаго подтвержденія. Но что евреи еще въ 13-мъ столѣтіи употребляли славянскій языкъ какъ свой родной—это давно уже доказалъ Гаркави въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Die Juden und die slavischen Sprachen»—томъ самомъ сочиненіи, замѣтимъ встать, которымъ воспользовался, какъ главнымъ источникомъ, эсегскій раввинъ Шницеръ для своего, недавно вышедшаго труда «Die Juden in den slavischen Ländern». Нѣкоторыя изъ мнѣній и объясненій Гюдемана нуждаются въ болѣе тщательномъ обслѣдованіи. Вино, дѣлавшее конкуренцію французскому, именно שׂוּנֵי יוֹ, было не венгерское вино, какъ думаетъ Гюдеманъ; слово שׂוּנֵי יוֹ не венгерское, а испорченное שׂוּנֵי יוֹ т. е. „гагаувишъ“, употребляемое въ нынѣшнемъ Эльзасѣ.

Гюдеманъ подробно говорить въ обширной главѣ о возникно-

веніи мистики, о еврейской и христіанской туманной мечтательности и нѣмецкомъ хасидизмѣ, объ извѣстномъ и въ другихъ отношеніяхъ рабби Іегудѣ Хасидѣ, изъ сочиненія котораго «Книга Набожныхъ» приводятся въ 6-й главѣ цитаты.

Здѣсь слѣдовало бы указать на брошюру Ландсбергера «Orthodoxe Stimmen aus dem 13 Jahrhundert». Въ связи съ разсужденіемъ о «Книгѣ набожныхъ», авторъ въ 7-й главѣ собралъ данныя о вѣрованіи евреевъ въ колдовство, вѣдьмъ и т. п., причемъ многое во все не характеризуетъ разбираемую эпоху, а періодъ гораздо ранѣе.

Гюдеманъ цѣнитъ „Книгу Набожныхъ“ такъ высоко, что видитъ въ ней между прочимъ доказательство образованности и высокаго общественнаго положенія еврейскихъ женщинъ; (см. напримѣръ главу 9-ю его сочиненія). Эта послѣдняя и вмѣстѣ съ тѣмъ самая короткая глава есть также и самая слабая, и мы считаемъ нелишнимъ въ заключеніе замѣтить еще, что приводимый авторомъ фактъ, будто дочь Раши, во время болѣзни своего отца, вела за него его научную корреспонденцію, давно уже признанъ вымышленнымъ.

Сочиненіе Гюдемана не соответствуетъ, правда, неудачно выбранному авторомъ заглавію, но во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ такое огромное количество матеріала, что охотно прочитаешь ему отдѣльные недостатки и съ нетерпѣніемъ ожидаешь продолженія этого труда.

Обращаясь затѣмъ къ появившимся въ прошедшемъ году сочиненіямъ по еврейской философіи, мы прежде всего должны замѣтить, что здѣсь количественность и качественность книгъ почти одинаковы: философская литература обогатилась, относительно, въ незначительной степени.

По старшинству лѣтъ, первое мѣсто принадлежитъ здѣсь александринцу Филону. Переводить и издавать съ комментаріями его сочиненія пытались уже неоднократно, и, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, эта попытка недавно снова возобновлена. Д-ръ М. Фридендеръ „переводитъ и комментируетъ сочиненія Филона“, и трудъ свой начинаетъ съ трактата—подлинность котораго подвержена большому сомнѣнію, именно «О филантропіи моисеева закона». Если оставить въ сторонѣ этотъ вопросъ о подлинности, то нельзя не признать изданіе этого трактатца очень своевременнымъ,

такъ какъ онъ по трезвости взгляда и ясности изложенія отличается отъ большинства другихъ произведеній этого философа. Переводъ очень хорошъ, о предпосланномъ же разсужденію введеніи этого сказать нельзя: тутъ изложенъ такой взглядъ на палестинскихъ евреевъ, что д-ръ А. Геллинекъ, которому принадлежитъ заслуга этой попытки, счелъ своею обязанностью вступить за нихъ и сдѣлалъ это въ статьѣ подъ заглавіемъ „Вавилонъ, Александрія и Палестина“. Продолженіе перевода до сихъ поръ не появлялось, и такимъ образомъ литература, касающаяся вышеупомянутаго философа, обогатилась только однимъ отрывкомъ.

„Blicke in die Religionsgeschichte zu Anfang des zweiten christlichen Jahrhunderts“ — сочиненіе раввина М. Иоэля, одного изъ основательнѣйшихъ знатоковъ религіозной философіи евреевъ, заслуживаетъ вниманія по содержащемуся въ немъ изслѣдованію объ „Аристокбулѣ, такъ называемомъ перипатетикѣ“. Иоэль также приходитъ къ заключенію, что такъ называемыя «Aristobulea», о которыхъ совершенно умалчиваетъ Иосифъ Флавій въ своемъ сочиненіи „Противъ Аппіона“, поддѣльны.

Раввинъ М. Вольфъ въ Готенбургѣ сравнилъ тибонскій переводъ „Эмунотъ ве-деотъ“ Саадіи съ находящимся въ Оксфордѣ рукописнымъ арабскимъ текстомъ и результаты этого сравненія изложилъ въ „Примѣчаніяхъ къ тексту „Эмунотъ ве-деотъ“, напечатанныхъ въ журналѣ „Zeitschrift der deutsch-morgenländischen Gesellschaft“ (т. XXXII, стр. 694 и слѣд.). Этому же ученому принадлежитъ другая статья о Саадіи въ «Magazin für die Literatur des Auslandes» (Лейпцигъ, 1880). Новымъ переводомъ вышеупомянутаго сочиненія Саадіи занятъ въ настоящее время раввинъ М. Блохъ въ Познани, и небольшая часть его труда уже появилась въ печати (Познань, 1880). Хотя переводъ этотъ далеко превосходитъ Фюрстовскій, но продолженіе его по всей вѣроятности останется неизданнымъ.

При стремленіи нынѣшнихъ ученыхъ переводить на новые языки древнія сочиненія, промахи неизбѣжны. Ошибочному соображенію или фальшивому коммерческому разсчету слѣдуетъ приписать предпринятый раввиномъ М. Клейномъ переводъ на венгерскій языкъ сочиненія Маймонида «Море Небухимъ», существующаго на французскомъ въ образцовомъ переводѣ Мунка, а на нѣмецкомъ — въ переводѣ Фюрстенталя, Шерера и Штерна.

На хорошій сбытъ этого труда нельзя было надѣяться, и дѣйствительно начатый въ 1878 г. переводъ съ трудомъ доведенъ въ настоящее время только до конца 1-й части; послѣдній выпускъ, появившійся въ 1880 г., заканчивается 69-ю главою подлинника.

Сочиненіе профессора Д. Кауфмана: «Слѣды вліянія аль-Батаюси въ еврейской религіозной философіи, съ добавленіемъ еврейскаго перевода его „Наглядныхъ круговъ“ (Буда-Пештъ, 1880 г.), тоже не особенно усилило знакомства съ религіозною философіею евреевъ. На испанско-арабскаго философа Абдуллу-ибнъ-Могамеда-ибнъ-Сію, прозваннаго по Бадаіюцу, какъ мѣсту его рожденія, аль-Батаюси, впервые обратилъ вниманіе Штейншнейдеръ въ „Каталогъ еврейскихъ рукоисей берлинской королевской бібліотеки“ (Берлинъ, 1878 г.), тутъ же вкратцѣ сообщившій существенныя свѣдѣнія о его рукописи *מגות מלכות*, что Кауфманъ переводитъ „Bildliche Kreise“. Попытка Кауфмана доказать вліяніе вышеупомянутаго ученаго на еврейскую религіозную философію и опредѣлить отношеніе между древнѣйшими и позднѣйшими философами съ одной стороны и сочиненіями аль-Батаюси съ другой—не привела къ особенно плодотворнымъ результатамъ и рѣдко представляетъ надежныя точки опоры, вслѣдствіе чего постоянно встрѣчается читателю „кажется“, „вѣроятно“ и т. п.; такъ напр. въ введеніи есть страницы, на которыхъ слово „кажется“ повторяется шесть-семь разъ. Только при обсужденіи дѣятельности Саломона бенъ-Адерета авторъ оставляетъ поле догадокъ, какъ выражается онъ, для того однако, чтобъ скоро опять возвратиться къ нимъ. Появившійся здѣсь впервые еврейскій переводъ „Наглядныхъ круговъ“, принадлежащій Моисею-ибнъ-Тиббону, сдѣланъ на основаніи нѣсколькихъ рукописей, изъ которыхъ одна находится въ императорской публичной бібліотекѣ въ Петербургѣ (Сод. 456 коллекціи Фирковича).

Съ Моисеемъ Мендельсономъ подходимъ мы къ новому времени. Имя Мендельсона все еще обладаетъ прежнею притягательною силою. Его философскія изслѣдованія въ настоящее время, конечно, имѣютъ только второстепенное значеніе, но изящное, умное и задушевное изложеніе его философскихъ идей продолжаетъ доставлять автору искреннихъ друзей и приверженцевъ. Поэтому нельзя не порадоваться, что въ теперешнюю пору, когда лучшій другъ

Мендельсона, Лессингъ, подвергается со стороны извѣстной партіи такимъ поруганіямъ и осмѣяніямъ въ качествѣ защитника евреевъ,—появилось въ печати новое и роскошное изданіе „Сочиненій Моисея Мендельсона по философіи, эстетикѣ и апологетикѣ; съ введеніями, примѣчаніями и біографическо-историческою характеристикой“ (Лейпцигъ, 2 тома). Изданіе редактировалъ М. Брашъ, который тутъ же, въ хорошо написанной статьѣ, уяснилъ какъ слѣдуетъ точку зрѣнія Мендельсона въ философіи и ходъ его развитія. Достигнуть ли издатель и редакторъ своей цѣли—распространить новое изданіе въ обширномъ кругу читателей, тѣмъ болѣе, что цѣна его довольно высока? Прежнее, совершенно полное изданіе сочиненій Мендельсона, появившееся въ семи томахъ у Брокгауза въ Лейпцигѣ, все-таки заслуживаетъ предпочтенія сравнительно съ этимъ новымъ.

Брошюра Шрейбера «Moses Mendelsohn's Verdienste um die deutsche Nation» (Цюрихъ, 1880) есть не болѣе какъ жалкій плагиатъ, а о сочиненіи нѣкоего Лазаря Шейна «Moses Mendelsohn, sein Leben und Wirken» (Букарештъ, 1880) мы упоминаемъ только для полноты перечня.

М. Кайзерлингъ.

Буда-Пештъ,
Мартъ, 1881 г.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

Еще и еще антисемитическое движение въ Германіи.—Столѣтняя годовщина смерти Лессинга.—Демонстрація противъ евреевъ въ Гессель.—Пожаръ Ней-Штеттинской синагоги.—Еврейскій вопросъ въ Дрезденъ и Лейпцигъ.—Бракосочетаніе принца Вильгельма и еврейскіе студенты Берлина.—Великій герцогъ Баденскій о еврейскомъ вопросѣ.—Карлъ Фохтъ о томъ же.—Речь профессора Лазаруса.—Безобразія психическихъ студентовъ.—Еврейскій вопросъ въ Сербіи.—Праздникъ въ пользу еврейскихъ школъ въ Константинополѣ и речь французскаго посла Тиссо.—Неудавшійся проектъ основанія еврейскихъ колоній въ Палестинѣ.—Речь пастора Бишера по поводу евреевъ и антисемитической агитаціи.—Протестъ бостонскаго митинга противъ антисемитическаго движенія.

15-го (3-го) февраля въ Германіи праздновалась столѣтняя годовщина смерти Лессинга. Память его была отпразднована, можно сказать, всей Германіей, всѣми ея партіями и кружками, безъ исключенія. Правительственные органы чествовали въ немъ патріота, сторонника Пруссіи, либералы—писателя, поднявшаго на подобающую высоту идею единой и свободной Германіи; консервативныя газеты видѣли въ немъ преимущественно выдающагося литературнаго критика, выражая однако вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе, что въ его твореніяхъ сквозитъ космополитическая жалка. Но всякій, къ какому бы политическому лагерю онъ ни принадлежалъ, не могъ не помнить, что дѣло идетъ о чествованіи памяти апостола вѣротерпимости, автора «Натана Мудраго». Конечно консервативныя и реакціонныя газеты не могли удержаться отъ того, чтобы выставить его мнимо-святымъ, которому евреи дали мѣсто въ нѣмецкомъ календарѣ. Во многихъ газетахъ ясно выражено было чувство стыда по поводу того, что религіозная нетерпимость, противъ которой такъ энергично протестовалъ при жизни своей

великий поэтъ, критикъ и ученый, пережила его и стала вновь выражаться въ такой интенсивной и безобразной формѣ именно въ томъ году, въ который должно было праздноваться столѣтіе этого писателя. Извѣстно, что самое извѣстное изъ его драматическихъ произведеній, «Натанъ Мудрый», представляетъ собою энергическій, краснорѣчивый, выраженный въ прекрасной поэтической формѣ протестъ противъ такъ называемаго «Judenhass'a», свирѣпствовавшаго съ особою силою въ Германіи въ теченіи среднихъ вѣковъ и вплоть до начала нынѣшняго столѣтія, нѣсколько ослабѣвшаго послѣ великой французской революціи и вызваннаго ею обновленія и возрожденія Германіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія и вновь принявшаго свои прежнія некрасивыя и недостойныя цивилизованнаго общества формы въ послѣдніе годы. «Натанъ Мудрый» остается до сихъ поръ и останется на вѣки вѣчные въ литературной сокровищницѣ человѣчества произведеніемъ, которое болѣе сильно говоритъ уму и сердцу, чѣмъ самыя глубокомысленныя философскіе трактаты. Извѣстная притча о трехъ кольцахъ и образцы христіанскаго, еврейскаго и мусульманскаго міровоззрѣній, выведенныя Лессингомъ въ знаменитой его драмѣ, болѣе содѣйствовали уничтоженію религіозной вражды и нетерпимости, чѣмъ творенія Локка и другихъ. Поэтому не безъ основанія многіе выражали желаніе, чтобы въ годовщину смерти Лессинга его «Натанъ Мудрый» былъ исполненъ на всѣхъ безъ исключенія германскихъ сценахъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что чувство стыда удержало бы многихъ современныхъ дѣятелей, такъ усердно раздувающихся въ наши дни религіозную нетерпимость, отъ присутствованія при этихъ представленіяхъ.

Во всякомъ случаѣ тѣ, которые ожидали, что годовщина смерти Лессинга обусловитъ собою извѣстный поворотъ въ общественномъ настроеніи извѣстныхъ слоевъ германскаго общества относительно евреевъ, ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Разъ возбуждены дурныя инстинкты массы—и ихъ уже не такъ легко вновь направить въ русло благоразумія, гуманности и терпимости. Извѣстное сказаніе о злыхъ духахъ, вызванныхъ неумѣлымъ кудесникомъ, который затѣмъ уже самъ не имѣлъ возможности справиться съ ними, вполне подтверждается антисемитическимъ движеніемъ въ Германіи. Во многихъ мѣстностяхъ антисемитическое

движеніе, выразившееся прежде преимущественно въ газетныхъ статьяхъ, въ публичныхъ собраніяхъ и, къ стыду германскаго имени, даже на церковныхъ и профессорскихъ кафедрахъ (Штекверъ, Трейчке и др.), перешло отъ слова къ дѣлу, выразилось въ недостойныхъ образованнаго общества фактахъ. Такъ и въ Прирейнскомъ Гессенѣ, въ городѣ Гехтсгеймѣ, толпа, возбужденная зажигательными рѣчами антисемитовъ, выбила камнями всѣ окна въ двухъ домахъ, принадлежащихъ евреямъ, а въ одномъ изъ нихъ выломала и двери; нѣчто подобное случилось въ Гейдесгеймѣ. Въ Нилеръ-Ульмѣ толпа срубила и попортила фруктовыя деревья въ садахъ, принадлежащихъ евреямъ. Этотъ безобразный поступокъ заставилъ однако болѣе благоразумныхъ жителей этого мѣстечка, принадлежащихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, обратиться къ дармштадтскому правительству съ просьбой положить предѣлъ этимъ безобразіямъ.

Еще болѣе возмутительный фактъ случился въ Ней-Штеттинѣ, довольно значительномъ городѣ Помераніи, насчитывающемъ до 12,000 жителей. 18-го (6) февраля недавно отстроенная въ этомъ городѣ еврейская синагога сдѣлалась жертвою пламени. Все еврейское населеніе этого города единогласно приписываетъ этотъ пожаръ поджогу. Предположеніе это вытекаетъ изъ того, что за нѣсколько дней перель тѣмъ пресловутый д-ръ Генрици, стяжавшій себѣ уже равнѣ печальную извѣстность своими антисемитическими рѣчами, произнесенными въ Берлинѣ, прибылъ въ Ней-Штеттинъ и произнесъ тамъ нѣсколько рѣчей, заключавшихъ въ себѣ ярыя нападки противъ евреевъ и науськивавшихъ противъ нихъ невѣжественную массу. Совѣтъ синагоги немедленно же объявилъ, что награда въ 1000 марокъ будетъ выдана тому, кто укажетъ поджигателя или дастъ возможность открыть его. Съ своей стороны около сотни жителей сосѣдняго городка Ратцебурга собрали между собою по подпискѣ сумму въ 2000 марокъ и обѣщали ее тому, кто докажетъ истинную причину пожара, въ надеждѣ, конечно, что это открытіе поможетъ свалить съ антисемитовъ тяжкое подозрѣніе, падающее на нихъ, вслѣдствіе этого пожара. Оба лагеря рассчитываютъ такимъ образомъ, что открытія, сдѣланныя благодаря обѣщаннымъ ими щедрымъ денежнымъ наградамъ, поведутъ къ посрамленію противниковъ. Наконецъ, въ издающейся

въ Ней-Штеттинѣ газетѣ «Norddeutsche Presse» появилось объявленіе мѣстнаго прокурора, въ которомъ всѣ лица, имѣющія сдѣлать какія либо указанія на причины пожара синагоги, приглашаются сообщить ихъ прокурору. Въ этомъ официальномъ заявленіи сказано, что пока нѣтъ ни малѣйшаго положительнаго указанія на то, что пожаръ есть результатъ поджога. Не смотря на это официальное заявленіе, мѣстная еврейская колонія продолжаетъ вѣрять въ поджогъ и есть много основаній считать эти предположенія справедливыми. Прежде всего не можетъ не броситься въ глаза странное совпаденіе времени пожара съ пребываніемъ въ Ней-Штеттинѣ пресловутаго д-ра Генрици и съ произнесенной имъ анти-еврейской рѣчью; во-вторыхъ, болѣе чѣмъ странно то, что пожаръ начался одновременно съ четырехъ сторонъ зданія; въ третьихъ, иные, не безъ основанія, указываютъ на то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ того какъ синагога была отстроена, въ ней обнаружился пожаръ и что уже и тогда молва приписывала этотъ, впрочемъ вскорѣ потушенный, пожаръ поджогу со стороны извѣстной части населенія, недовольной появленіемъ еврейской синагоги въ этомъ гнѣздѣ померанскихъ юнкеровъ и средневѣковыхъ предрасудковъ. Такимъ образомъ, хотя въ настоящее время и нѣтъ еще положительныхъ указаній на поджогъ, то во всякомъ случаѣ нѣсколько преждевременнымъ представляется предположеніе, совершенно неумѣстно высказанное прокуроромъ въ вышеозначенномъ своемъ заявленіи, что ничто не указываетъ на существованіе поджога и что взаимная вражда партій совершенно чужда этому происшествію.

Кстати о г-нѣ Генрици. За нѣсколько дней до произнесенія своей ней-штеттинской «зажигательной» (въ переносномъ, а быть можетъ, и въ прямомъ смыслѣ) рѣчи, этотъ *commis-voageur* анти-семитовъ долженъ былъ произнести рѣчь противъ евреевъ въ специально созванномъ для этой цѣли собраніи въ Дрезденѣ; но оказалось, что противники антисемитовъ,—которыхъ въ мирномъ и трезвомъ населеніи саксонской столицы гораздо больше, чѣмъ въ «интеллигентномъ» Берлинѣ или среди померанскихъ «юнкеровъ»—собрались на эту сходку въ такомъ значительномъ числѣ, что президентъ сходки счелъ нужнымъ заявить присутствующимъ объ отнѣннѣ предположеннаго чтенія. Тогда многіе изъ присутствовав-

шихъ стали требовать возвращенія внесенныхъ ими за право входа денегъ, называя членовъ бюро «мошенниками» и другими столь же лестными эпитетами. Такимъ образомъ это предполагавшееся «ad majorem Stoeckeri gloriam» собраніе кончилось крупнымъ скандаломъ; произошелъ невообразимый шумъ и скандалъ, пока наконецъ въ дѣло не вмѣшалась полиція и не выпроводила изъ собранія какъ антисемитовъ, такъ и ихъ противниковъ.

Въ другомъ большомъ саксонскомъ городѣ, въ Лейпцигѣ, еврейскій вопросъ тоже послужилъ поводомъ къ небольшому скандалу. Тамъ недавно назначена была большая сходка студентовъ, въ которой, по предположенію организаторовъ ея, должны были произноситься антисемитическія рѣчи и быть приняты антисемитическія резолюціи; но университетскій совѣтъ весьма основательно сообразивъ, что дѣло студентовъ учиться, а не идти въ хвостѣ за разными Штеккерами, Генрици, Трейчке и tutti quanti въ ихъ недостойной агитаціи, просто на просто запретилъ сходку. Другая попытка лейпцигскихъ студентовъ увлечь своихъ кенигсбергскихъ товарищей въ травлю противъ евреевъ, была отклонена громаднымъ большинствомъ студентовъ древней столицы Пруссіи (Кстати замѣтимъ здѣсь, что подобная же судьба постигла недавно и попытку берлинскихъ студентовъ увлечь своихъ дерптскихъ сотоварищей въ травлю евреевъ; съ этою цѣлью первые послали послѣднимъ приглашеніе подписать антисемитическую петицію; но дерптскіе студенты отвѣтили на это приглашеніе отрицательно, объявивъ, что они желаютъ заниматься наукой, а не политикой, и что ихъ ни мало не касается движеніе, происходящее въ настоящее время въ Германіи).

Не выходя пока изъ области университетской, можно указать еще на слѣдующій фактъ. По случаю состоявшагося въ концѣ февраля бракосочетанія внука императора Вильгельма, старшаго сына наследнаго принца, будущаго императора Германіи, принца Вильгельма съ принцессой Аугустенбургской, берлинскіе студенты рѣшили устроить большое факельное шествіе, и затѣмъ такъ называемый студенческій «Kommerz», съ рѣчами. Но въ виду образа дѣйствій большинства студентовъ во время послѣдней антисемитической агитаціи, студенты-евреи отказались участвовать какъ въ шествіи, такъ и въ «Kommerz'ѣ», причѣмъ однако они сочли нужнымъ оговориться, что дѣлаютъ это не вслѣдствіе недостатка

преданности къ царскому дому, но просто во избѣжаніе беспорядковъ, которые иначе были бы почти неизбѣжны.

Антисемитическая агитація, поднятая въ Берлинѣ, встрѣтила благородный и разумный протестъ не только въ лучшей части учащейся молодежи, не только у многихъ выдающихся ея руководителей—напомнимъ здѣсь только прекрасный, полный достоинства протестъ уважаемаго профессора Моммсена, о которомъ мы уже имѣли случай говорить—но и со стороны лицъ болѣе высокопоставленныхъ. Такъ изъ Карльсруэ пишутъ въ берлинскую «Национальную Газету», что великій герцогъ Баденскій, зять императора Вильгельма, неоднократно выражалъ свое живѣйшее неодобрѣніе антисемитической агитаціи. Поэтому городской совѣтъ Карльсруэ, который единогласно далъ энергическій отпоръ внесенной было въ него антисемитической петиціи, поступилъ въ данномъ случаѣ не только придерживаясь смысла и характера баденской конституціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне согласно съ личнымъ взглядомъ великаго герцога. Тутъ вкстати будетъ замѣтить, что бургомистры Дрездена, Гильдесгейма, Висбадена, Ганнау, Гиссена, Оффенбаха, Риттельна, Саарбрюкена, Пренцлау и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ городовъ также съ негодованіемъ отклонили сдѣланное имъ предложеніе пустить въ обращеніе антисемитическія петиціи.

Наконецъ евреи нашли краснорѣчиваго и талантливаго защитника въ лицѣ знаменитаго ученаго Карла Фохта. Недавно Фохтъ прочелъ публичную лекцію по поводу безобразій антисемитической лиги, въ которой со всею силою своего могучаго краснорѣчія онъ порицалъ безобразія антисемитовъ. «Еслибы, говорилъ между прочимъ Фохтъ, Европа была населена одними только евреями, то она представила бы весьма любопытное зрѣлище: не было бы ни войны, ни государственныхъ долговъ; бремя налоговъ замѣтно облегчилось бы; торговля и промышленность, литература и въ особенности музыка сдѣлали бы громадный шагъ впередъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, число преступленій противъ личности замѣтно уменьшилось бы; борьбы духовенства противъ свѣтской власти не существовало бы. Браки были бы болѣе ранніе, частые и производительные; средняя жизнь населенія значительно бы увеличилась;

соединеніе всѣхъ этихъ причинъ вызвало бы неслыханное увеличеніе численности народонаселенія, и Европа въ этомъ отношеніи скоро превратилась бы въ Китай, съ тою только, впрочемъ, разницей, что въ ней разумъ, нравственность и изящный вкусъ стояли бы гораздо выше, чѣмъ въ Небесной имперіи и что въ ней не было бы тѣхъ ужасныхъ періодическихъ возмущеній и соединенныхъ съ ними варварствъ и убійствъ, которыя такъ присущи Небесной имперіи». Фохтъ строго порицалъ своихъ соотечественниковъ и нельзя не сознаться, что не смотря на нѣкоторую парадоксальность этой части его рѣчи, упреки его въ общемъ были болѣе чѣмъ заслужены. Послѣ борьбы противъ Франціи, борьбы противъ католицизма, борьбы противъ социализма—говорилъ Фохтъ—разоходившіеся германскіе воители стали озираться вокругъ себя, отыскивая объектъ для новой борьбы; варварскіе и кровожадные инстинкты требовали все новой и новой пищи. И вотъ этотъ новый объектъ нашелся—въ лицѣ евреевъ. Ату ихъ! Трави ихъ!! Но за что? Да они вообще обманщики. А вы, зачѣмъ же вы настолько глупы, чтобы давать обманывать себя?—Да они завладѣли чуть ли не всей печатью.—А вольно жъ вамъ было допустить ихъ до этого! Будь у васъ болѣе энергіи, таланта, стойкости въ убѣжденіяхъ—печать осталась бы въ значительной мѣрѣ въ вашихъ рукахъ и не сдѣлалась бы почти исключительнымъ достояніемъ евреевъ.—Евреи завладѣли почти всѣмъ финансовымъ рынкомъ, кредитомъ, торговлей.—Но какимъ же образомъ ничтожное меньшинство населенія успѣло бы достигнуть такихъ результатовъ, еслибъ оно не имѣло болѣе выдержки, энергіи, разсудительности и разума, чѣмъ вы?—Народное богатство—увѣряете вы—мало по малу перешло въ ихъ руки.—Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что они не пьютъ, подобно вамъ, не живутъ выше своихъ средствъ, отличаются вообще прекрасною нравственностью, трудятся съ толкомъ безъ усталости съ утра до вечера. Поступайте, какъ они поступаютъ—и вы разбогатеете подобно имъ. «Въ концѣ концовъ»—говоритъ Фохтъ—«эта антисемитическая кампанія является ничѣмъ инымъ, какъ неприятной отрыжкой варварства». Онъ видитъ въ этой кампаніи, достойный среднихъ вѣковъ, странный примѣръ укоренѣлой наслѣдственности. По его мнѣнію, германская цивилизація еще слишкомъ молода для того, чтобы можно было считать на вѣки искорененной изъ нея извѣстные

варварскіе инстинкты. Впрочемъ для того, чтобы быть справедливымъ, прибавляетъ Фохтъ, нужно замѣтить, что юдофобская зараза была занесена въ Германію изъ Венгріи; уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гораздо ранѣе появленія антисемитической лиги въ Германіи, подобная лига была организована въ Венгріи депутатомъ Истоци.

Въ виду антиеврейской агитаціи въ Берлинѣ была созвана сходка евреевъ, цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы протестовать противъ раздающихся въ Германіи отовсюду нападокъ на нихъ. Извѣстный профессоръ Лазарусъ, который говорилъ первымъ; выразилъ сожалѣніе по поводу того, что со стороны евреевъ не была устроена контръ-агитаціи съ цѣлью отвѣтить на ничѣмъ неоправдаваемую агитацію, вызванную противъ евреевъ христіанами. Онъ объявилъ, что отказывается понять, какимъ образомъ можно было вызвать между согражданами одного и того же государства, одушевленныхъ одинаковымъ сознаніемъ своихъ гражданскихъ и общественныхъ обязанностей, такую глубокую разнь, основанную исключительно на вѣроисповѣдномъ различіи. Если съ точки зрѣнія строго-нравственной есть извѣстное основаніе упрекать евреевъ, то развѣ съ меньшимъ основаніемъ можно бы упрекать и христіанъ? Еврейскому религіозному міровоззрѣнію пришлось выдержать бездну затрудненій, чтобы сохраниться кезыблемымъ среди враждебныхъ религій; но оно преодолѣло всѣ эти затрудненія и будетъ продолжать преодолѣвать ихъ благодаря своему девизу: «Мое знамя—вѣчность». Оно существуетъ уже цѣлыхъ три тысячелѣтія и евреи и впредь останутся ему навсегда вѣрными. Но во всемъ остальномъ, что не касается вѣры ихъ отцевъ, евреи были и остаются вѣрными, преданными сынами Германіи и они не имѣютъ иныхъ поползновеній, кромѣ того, чтобы остаться гражданами страны, въ которой они родились, языкомъ которой они говорятъ, нравы которой они себѣ усвоили и съ которой у нихъ общая исторія. Въ заключеніе собраніе приняло слѣдующую резолюцію: «Члены собранія будутъ стараться постоянно выдѣлять на сколько возможно въ такъ называемомъ антисемитическомъ вопросѣ еврейскую общину въ цѣломъ отъ нападокъ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ евреевъ въ частности и ошибки и недостатки которыхъ не могли бы отразиться на всѣхъ евреяхъ, они будутъ неустанно проводить тотъ принципъ, что германскіе

евреи ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ германскихъ гражданъ, что они не менѣе другихъ гражданъ привязаны къ общей германской родинѣ и столь же пламенно желаютъ ей благоденствія, величія и силы».

Достойные послѣдователи, не менѣе достойные сотоварищи берлинскихъ и лейпцигскихъ студентовъ, гг. студенты пештскаго университета, тоже вздумали затѣять анти-еврейскую демонстрацію, но полиція наша нужнымъ предупредить этотъ скандалъ. Четыре студента, распорядившіеся предположенной демонстраціей и привлеченные за это къ отвѣтственности, сознались на допросѣ, что лично они не питаютъ никакихъ враждебныхъ чувствъ къ евреямъ, но что они желали бы освободить университеты отъ наплыва евреевъ; ихъ, изволите-ли видѣть, очень огорчаетъ то, что въ пештскомъ университетѣ евреи составляютъ около 26% всего числа студентовъ. Такъ вотъ, значить, въ чемъ вина евреевъ! Они стремятся къ просвѣщенію, они учатся усерднѣе, чѣмъ загородные мадьяры! И какъ же тутъ не вспомнить еще разъ вышеприведенныхъ разумныхъ словъ Фохта! Господствующая народность въ Венгріи, т. е. мадьяры, не отступаютъ ни передъ какимъ средствомъ, ни передъ какимъ насиліемъ и запугиваніемъ, чтобы принудить евреевъ отказаться отъ нѣмецкихъ именъ и отъ употребленія нѣмецкаго языка. Едва ли съ большею справедливостью относятся къ евреямъ чехи и поляки, въ глазахъ которыхъ евреи виноваты тѣмъ, что являются представителямъ сравнительно высшей германской культуры. Извѣстно, что въ Чехіи травлей евреевъ занимаются преимущественно клерикальныя и феодальныя газеты. Въ виду всего этого нѣмецко-либеральная партія въ Чехіи и въ Галиціи считаетъ необходимымъ горячо защищать евреевъ; въ этихъ видахъ ими организована въ послѣднее время контръ-манifestація прогивъ чешско-польско-мадьярскихъ юдофобскихъ демонстрацій. Дѣйствительно, это было далеко не лишнимъ въ странѣ, гдѣ, какъ напр. въ Чехіи, распѣваются въ настоящее время, въ концѣ 19-го столѣтія, и пользуются при томъ громадною популярностью такого рода народныя пѣсни: «Еврею да нѣмцу—горѣть на одномъ кострѣ». Такимъ образомъ невѣжественный чехъ, нафанатизированный своими есендзами, великодушно примирилъ на одномъ кострѣ и нѣмца, и еврея, и ультра-

ортодоксальнаго пастора Штеккера, и еврейскаго раввина, и почтеннаго д-ра Генрици, купно съ нейштеттинскими поджигателями, и устроителей празднествъ въ честь автора «Натана Мудраго».

До послѣдняго времени освобожденныя отъ турецкаго гнета христіанскія провинціи Европейской Турціи, Сербія и Румынія, представляли весьма некрасивое зрѣлище по отношенію къ религіозной, политической и гражданской равноправности проживающихъ въ этихъ областяхъ евреевъ. Населеніе, само едва только вышедшее изъ-подъ тяжелаго гнета, тяготѣвшаго надъ ними цѣлыя вѣка, выказывало такъ мало терпимости, было до того чуждо самимъ элементарнымъ началъ справедливости, что упорно отказывалось видѣть въ своихъ согражданахъ Моисеева закона равноправныхъ членовъ одного и того же политическаго и общественнаго организма и заставляло ихъ терпѣть всевозможныя притѣсненія, весьма мало отличавшіяся отъ тѣхъ, которыя оно само еще такъ недавно терпѣло отъ господствующей турецкой національности. Относительно Румыніи и въ настоящее время едва ли можно указать на существенныя измѣненія къ лучшему, хотя за послѣднее время и тамъ не было особенно рѣзкихъ, бьющихъ въ глаза проявленій нетерпимости. За то въ Сербіи можно съ удовольствіемъ видѣть фактъ, показывающій, что и въ этомъ юнѣйшемъ изъ европейскихъ независимыхъ государствъ старыя предрассудки мало по малу уступаютъ мѣсто болѣе разумнымъ и просвѣщеннымъ взглядамъ. Въ сербской скупщинѣ 10 февраля обсуждался законопроектъ о судебной реформѣ. Одинъ изъ депутатовъ, сынъ нѣмецкаго эмигранта, осербившійся нѣмецъ Вальтеровичъ, которому, очевидно, лавры его соотечественниковъ на берегахъ Шпрее и Одера не давали спокойно спать, счелъ нужнымъ выступить съ предложеніемъ о томъ, чтобы евреи не могли быть назначаемы судьями. Это предложеніе, очевидно, подсказанное почтенному сербскому юдофобу тѣнями Штеккера, Генрици и Истоци, встрѣтило энергическій отпоръ со стороны большинства скупщины. Министръ-президентъ Ристичъ, возражая на это предложеніе, замѣтилъ, что евреи въ сербскомъ княжествѣ исполняютъ свои обязанности относительно государства не съ меньшимъ усердіемъ и добросовѣстностью, чѣмъ граждане, принадлежащіе къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, и что поэтому нѣтъ

ни малѣйшаго разумнаго основанія лишать ихъ какихъ бы то ни было правъ и привилегій; онъ напомнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ г. Вальтеровичу, что вѣротерпимость является однимъ изъ краеугольных камней сербской конституціи. Одинъ депутатъ еврей также принялъ участіе въ преніяхъ, которыя, какъ справедливо замѣчаетъ корреспондентъ лондонской газеты «Daily News», могутъ служить для прусскаго парламента образцомъ терпимости и умѣренности. Нечего и говорить, что нелѣпное предложеніе Вальтеровича было почти единогласно отклонено.

Въ Константинополѣ въ половинѣ февраля происходило интересное празднество: мѣстный Еврейскій союзъ устроилъ блестящій балъ въ пользу содержимыхъ имъ школъ. Это почтенное учрежденіе заслуживаетъ наибольшаго сочувствія и вниманія. Оно не мало содѣйствовало тому, чтобы поднять восточныхъ евреевъ изъ того приниженаго положенія, въ которомъ оно такъ долго находилось, благодаря религіознымъ предрассудкамъ и закоренѣлой ненависти лицъ другихъ исповѣданій. Въ настоящее время тысячи еврейскихъ дѣтей обоюга пола получаютъ солидное образованіе въ многочисленныхъ школахъ, основанныхъ и содержимыхъ Союзомъ, при благородномъ соревнованіи зажиточныхъ евреевъ въ разныхъ мѣстностяхъ Турецкой имперіи, гдѣ только существуютъ еврейскія колоніи. Преподаваніе въ этихъ школахъ производится на французскомъ языкѣ. Правда, что этому прекрасному начинанію, прежде осуществленія его, пришлось преодолѣть немалыя затрудненія, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, не послѣднимъ были предрассудки и недовѣріе самихъ евреевъ. Но инициаторы и руководители дѣла не теряли мужества и, наконецъ, благодаря неуныннымъ заботамъ гг. Ротшильдовъ, Гирша, Гольдсмита, Камондо и другихъ, дѣло это стало на прочную почву. Вышеназванныя лица встрѣтили великодушное и энергическое содѣйствіе со стороны нѣкоей г-жи Фернандець, которая всецѣло отдалась устройству и организаціи школъ для дѣвочекъ-евреекъ. Учителя основанныхъ Союзомъ школъ большею частью получили свое образованіе во Франціи и исполняютъ свои, подчасъ не легкія обязанности, съ усердіемъ и умѣніемъ, вызывающимъ единогласныя похвалы. Такимъ образомъ тысячи еврейскихъ дѣтей извлекаются изъ мрака невѣжества, и вполне сознаютъ, что они обязаны этимъ, кромя

своихъ зажиточныхъ и великодушныхъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, просвѣщенному содѣйствию представителя Французской республики въ Константинополь, уважаемаго ученаго Тиссо, и его супруги. Г. Тиссо, считающійся почетнымъ попечителемъ Союза принялъ приглашеніе на устроенный въ пользу еврейскихъ школъ балъ. При входѣ его въ залъ оркестръ заигралъ «Марсельезу» и директоръ содержимой на средства Союза въ Галамѣ школы, г. Далемъ, обратился къ нему со слѣдующей рѣчью:

«Отъ имени комитета, принявшаго на себя устройство этого благотворительнаго праздника, позволяю себѣ выразить вамъ, г. посоль, благодарность за то, что вы соблаговолили удостоить вашимъ присутствіемъ настоящій праздникъ, поднять тѣмъ его значеніе и дать вмѣстѣ съ этимъ неопровержимое доказательство того участія, съ которымъ вы относитесь ко всему способному содѣйствовать нравственному и умственному поднятію трудящихся классовъ. Мы уже знали, г. посоль, что вы, и какъ ученый, и какъ представитель Франціи, питаете самое живое сочувствіе къ учрежденнымъ нами на Востокѣ школамъ и мы рады случаю публично выразить вамъ за это нашу глубочайшую признательность. Ту привязанность, которую отцы наши питали къ первой французской республикѣ—принявшей на себя починъ въ дѣлѣ эманципаціи евреевъ, признавшей ихъ, ранѣе всѣхъ другихъ націй своими дѣтьми—эту привязанность мы перенесли на третью республику, достойнымъ представителемъ которой вы являетесь въ настоящее время и которую евреи всего земного шара считаютъ второй своей родиной».

Г. Тиссо въ немногихъ словахъ поблагодарилъ г. Далема за его рѣчь и выразилъ, что дѣло устройства еврейскихъ школъ всегда пользовалось и будетъ пользоваться полнѣйшимъ его сочувствіемъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, какъ известно, во Франціи и въ Англій возникло предположеніе объ основаніи еврейскихъ колоній въ Палестинѣ, но затѣмъ это дѣло какъ-то заглохло. Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій англійской Палаты Общинъ депутатъ Эррингтонъ обратился къ правительству съ запросомъ по этому поводу и пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи находится это дѣло. Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, сэръ Чарльзъ

Дилькъ, отвѣтилъ ему, что въ 1879 году сэръ Л. Олифантъ сообщилъ свой проектъ колонизаціи тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу Салисбэри, который снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ англійскому послу въ Константинополь и къ великобританскимъ консульскимъ агентамъ въ Сиріи, приглашая его принять необходимыя мѣры для полученія всѣхъ необходимыхъ по этому предмету данныхъ и свѣдѣній. присовокупляя однако, что на это дѣло слѣдуетъ смотрѣть, какъ на совершенно частное начинаніе и что великобританское правительство воздерживается отъ всякаго официального участія въ немъ. Съ тѣхъ поръ никакихъ по этому поводу свѣдѣній къ правительству не поступало и слѣдуетъ полагать, что проектъ г. Олифанта не встрѣтилъ одобренія со стороны турецкаго правительства.

Великая сѣверо-американская республика не осталась безмолвною зрѣтельницей недостойной образованнаго общества травли противъ евреевъ, возбужденной и производящейся уже такъ давно въ «просвѣщенной, образованной» Германіи. Печать и духовенство въ Сѣверной Америкѣ предприняли энергическій походъ противъ бессмысленныхъ юдофобскихъ проявленій извѣстной части германскаго общественнаго мнѣнія. Такъ недавно извѣстный проповѣдникъ Генри Уардъ-Бачеръ произнесъ слѣдующую разумную рѣчь по поводу дѣятельности нѣмецкихъ антисемитовъ. «Америка, сказалъ онъ, имѣетъ особо серьезные поводы присоединиться къ протестамъ противъ этой агитаціи, потому что мы обязаны евреямъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе народы земного шара, взятые вмѣстѣ. Мы надѣялись, что уже кончилась эра религіозныхъ и племенныхъ преслѣдованій, и изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, думалось намъ, прогрессивная Германія менѣе другихъ способна на подобную несправедливость. Нельзя не удивляться той наивности, съ которой нѣмцы объявляютъ, что они боятся евреевъ, какъ народъ, превосходящій ихъ во многихъ отношеніяхъ. Если бы это было справедливо по отношенію къ Америкѣ, гордость не дозволила бы мнѣ сознаться въ этомъ. Если евреи, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, могутъ превзойти въ открытомъ полѣ христіанъ Соединенныхъ Штатовъ—пусть они это дѣлаютъ; но подобное признаніе, исходящее отъ такого гордаго народа, какъ германскій, по истинѣ унижительно. Если евреи, подчиненные

германскимъ законамъ и не пользующіея никакими привилегіями относительно нѣмцевъ, превосходятъ своихъ германскихъ соотечественниковъ, то пусть послѣдніе видятъ въ этомъ персть Божій, указаніе на то, что имъ слѣдуетъ приободриться и дѣйствовать съ большимъ умѣніемъ и энергіей. Я предлагаю обратиться къ князю Бисмарку и ко всѣмъ нѣмцамъ съ почтительнымъ представленіемъ, подписаннымъ какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами. Оставайтесь вѣрны преданіямъ свободы, обращайтесь съ евреями, какъ вамъ слѣдуетъ обращаться съ соотечественниками Того, въ Кого мы вѣруемъ, на Кого надѣмся и отъ Котораго мы ждемъ спасенія». Привода эту рѣчь, нью-іорскій корреспондентъ журнала замѣчаетъ, что этотъ урокъ религіозной терпимости во всякомъ случаѣ долженъ бы заставить задуматься нѣмцевъ, замѣчая однако, что протестантскія духовныя лица, отъ которыхъ онъ исходитъ, не подумали обращаться съ представленіями къ князю Бисмарку, когда онъ преслѣдовалъ католиковъ. «Тѣмъ, кто призываетъ священное имя свободы», справедливо замѣчаетъ онъ, «не слѣдовало бы имѣть двойныхъ мѣръ и двойныхъ вѣсовъ».

Въ заключеніе упомянемъ о громадномъ митингѣ, на которомъ участвовало болѣе 3000 человекъ и который происходилъ 19 февраля въ Соединенныхъ Штатахъ въ городѣ Буффало, и въ которомъ были приняты постановленія, выражавшія энергическій протестъ противъ принудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ англійскимъ правительствомъ относительно Ирландіи. Въ числѣ ораторовъ, отличившихся на этомъ митингѣ, особенно выдѣлялись два протестантскихъ пастора и одинъ еврейскій раввинъ. Со стороны послѣдняго это впрочемъ и неудивительно: кому же, какъ не еврею, предъи котораго вынесли на своихъ плечахъ вѣковой гнетъ народной и религіозной несправедливости, и протестовать противъ всякаго гнета, въ какой бы формѣ, въ какой бы то ни было странѣ, при какихъ бы то ни было учрежденіяхъ онъ ни проявлялся?!

Э. Ватсонъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Пресловутая петиція объ ограниченіи правъ германскихъ евреевъ опять получила отсрочку. Самъ авторъ и распространитель ея, учитель гимназіи въ Шарлоттенбургѣ (близъ Берлина), докторъ Ферстеръ, заявляетъ гласно въ яко-бы сатирическомъ листкѣ, „die Wahrheit“, что подача петиціи оказывается еще преждевременною. «Грандіозные успѣхи подписки (sic!), превышающіе мои ожиданія—докладываетъ онъ въ своей рекламѣ—побудили меня отложить до середины марта с. г. (слѣдуетъ читать: ad Calendas graecas!) внесеніе петиціи въ рейхстагъ. Обращаюсь съ убѣдительнѣйшею просьбою къ германскимъ братьямъ, гдѣ бы они ни находились, воспользоваться этимъ промежуткомъ въ невозможно широкихъ размѣрахъ. Участники все еще продолжаютъ прибывать. Есть надежда довести число подписей до цѣлаго милліона».—Надежда—дѣло, конечно, законное и невозбранное. Но напарасно г. Ферстеръ дурачить такъ безпощадно свою публику, которая и безъ того не ахти какъ велика. Упомянутая нами газета (нужно имѣть ее въ рукахъ, чтобы оцѣнить по достоинству ея ничтожество и безвредность!) на столько мало распространена, что заявленіе о петиціи на врядъ-ли было прочитано сотнею—другою грамотныхъ, а сіи читатели уже и безъ того украсили ее своими факсимиле. Евреи догадались, наконецъ, и наложили узду на свое любопытство. Ихъ все подзадоривало прежде содержаніе антисемитскихъ листовъ: хотѣлось каждый разъ узнать, какого калибра ругательства и инсинуаціи пущены въ ходъ на ихъ счетъ. Вотъ они одно время и покупали эти листы на-расхватъ, что и было господамъ сочинителямъ на руку: торговля шла бойко и можно

было, набивая карманы, поддерживать изданія. Теперь, однако, и евреи стали скупиться. Имъ надѣло читать одно и то-же, преподносимое притомъ въ такой непривлекательной, вѣрнѣе сказать жалкой формѣ. Понятно послѣ этого, что воздержаніе евреевъ составляетъ чувствительный ударъ для народившейся специально въ послѣднее время патріотическо-антисемитской прессы. Нѣкоторыя газетки успѣли уже распространиться на-всегда съ почтеннѣйшею публикою, не додавъ ей, какъ полагается въ подобныхъ случаяхъ, всѣхъ обѣщанныхъ номеровъ; остальные-же производятъ впечатлѣніе угасающаго день за днемъ чахоточнаго. Перестали появляться и памфлеты, которые, въ формѣ брошюръ и книжекъ, выбрасывались чуть-ли не каждый день на книжный рынокъ, какъ изъ рога изобилія. Нѣмецъ готовъ, пожалуй, почесать языкъ и даже, смотря по характеру и положенію, украсить своею подписью безвредную—какъ онъ и самъ догадывается—Ферстеровскую петицію. Раскошелиться-же онъ не охотникъ вообще, а въ данномъ случаѣ тѣмъ паче. Нѣкоторые ферейны, забравшіе было въ свои руки распространеніе петиціи и антисемитскую агитацію, сообщали на сходкахъ и въ подлежащихъ печатныхъ органахъ денежные свои отчеты. И что же? Все вращается около грошовыхъ взносовъ, дававшихъ въ итогѣ такія ужъ непрезентабельныя цифры, что на нихъ вести агитацію, какъ оказывается теперь, крайне трудно. Это обстоятельство послужило, между прочимъ, благодарною темою для публицистовъ изъ противоположнаго лагеря, чтобы подтрунить подобающимъ образомъ надъ указанною здѣсь „щедростью нѣмцевъ“.

Приведенное выше заявленіе Ферстера повторяется въ томъ-же смыслѣ чуть-ли не въ пятый уже разъ. Подача петиціи отблудывается не впервые, въ послѣднее-же время появленіе ея въ рейхстагѣ (сессія котораго уже началась) стало, вообще вопросомъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Петиція обошла уже всѣ углы и закоулки Германіи, и въ большинствѣ мѣстъ потерѣла отчаянное фіаско. До милліона подписей — какъ хвасталъ, приманки-ради, сочинитель петиціи, очень далеко! Первый пылъ прошелъ, — флегма нѣмецкая, вкупѣ съ повседневными житейскими заботами, вступили въ свои права. Въ послѣднее время антисемитизмъ былъ просто, какъ удачно выражаются нѣмцы, „todtgeschwiegen“. Ступшевались и словоохотливые агитаторы, еще такъ недавно зада-

вавшіе, съ такимъ форсомъ, тонъ всему движенію. Вотъ только Генрици, да нѣсколько вновь выступившихъ анонимныхъ букашекъ, то тамъ, то сямъ пробуютъ еще поджигать публику. Ихъ агитація походить, однако, на легкую, почти неуловимую зыбь, которая устанавливается на морѣ послѣ утихшей бури. Генрици ѣздилъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, въ резиденцію кн. Бисмарка, чтобы, какъ сообщали газеты, набраться тамъ новаго вдохновенія. Должно быть поѣздка не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ имя Генрици исчезло вслѣдъ за симъ со страницъ газетъ. Только въ самые послѣдніе дни опять приходилось упоминать о немъ. Берлинъ сталъ для этого дѣльца неудобною ареною. Онъ попробовалъ искать счастья въ провинціи и для начала назначилъ двѣ сходы въ Дрезденѣ, изъ которыхъ однако, вслѣдствіе недружелюбнаго отношенія мѣстой публики, могла состояться лишь первая. Засимъ онъ появился въ небольшомъ городкѣ Ней-Штеттинѣ. Тамъ удалось ему таки устроить, по всѣмъ правиламъ искусства, крайне скандальную сходку, на которой публика вела себя до невозможности отвратительно. Сходка имѣла мѣсто вечеромъ, а въ ту-же ночь случился пожаръ въ тамошней еврейской синагогѣ, истребившій ее до тла. Увѣряютъ, что синагога была подожжена съ четырехъ сторонъ и что катастрофа эта состоитъ въ прямой связи съ вечернею сходкою Генрици. Очень возможно, что дѣло будетъ затушено начальствомъ, такъ какъ на него теперь уже посыпался ропотъ со всѣхъ сторонъ, хотя доподлинно ничего еще не выяснено. Общественное мнѣніе обвиняетъ единодушно Генрици и его соглядатаевъ, такъ какъ „случайное“ совпаденіе пожара съ ихъ пребываніемъ въ этомъ городѣ и съ предшествовавшимъ ему собраніемъ не оставляетъ сомнѣній на счетъ участія ихъ рукъ въ этомъ постыдномъ дѣлѣ. Кромѣ Генрицовскихъ сходовъ, другихъ теперь констатировать не приходится. Въ началѣ этого мѣсяца выступили, правда, въ качествѣ агитаторовъ, новыя двѣ личности (Финнъ и Кернеръ), но имъ крайне не повезло. Эти господа (когда-то они занимались ремесломъ) принадлежали прежде къ социаль-демократамъ и подверглись тоже изгнанію изъ Берлина, на основаніи знаменитаго закона о социалистахъ. Они соскучились, однако, по столицѣ, да и пришли къ заключенію, что невыгодно имъ поддерживать дальнѣйшую связь съ социаль-демократами, доходы которыхъ въ настоящее время очень скудны.

И вотъ они настрочили челобитную по надлежащему адресу, въ которой покаялись въ своихъ прежнихъ грѣхахъ, клятвенно увѣряли въ своей вѣрности престолу и—канцлеру, и молили о помилованіи. Ихъ мольба была, конечно, услышана. Вернулись они въ Берлинъ, предупредивъ столичныхъ рабочихъ о своемъ появленіи брошюркою, которая озаглавлена такъ: „Королевско-прусскіе социаль-демократы“. Подъ этою фирмою авторы, какъ они поясняютъ обязательно во вступленіи, подразумеваютъ самихъ себя. Въ брошюрѣ названныя личности изливаютъ цѣлый ушатъ грязи на прежнихъ своихъ товарищей, превозносятъ до небесъ заботливость правительства о благѣ народномъ и вызываютъ къ рабочимъ—плюнуть на социаль-демократовъ и всецѣло довѣрить свою судьбу пекущимся о нихъ властямъ. Отъ слова они перешли засимъ къ дѣлу. Созвали они сходку: присутствующихъ на ней было 50 человекъ. Инсинуаціи ихъ и черезчуръ ужъ прозрачное заступничество за правительство были встрѣчены свистками и руганью. Объяснили они о второй сходкѣ, и чтобъ придать ей больше интереса и значенія, поставили на очередь еврейскій вопросъ. На этотъ разъ публики оказалось ужъ цѣлыхъ двѣсти человекъ. Гг. Финъ и Кернеръ сдержали слово и всецѣло посвятили собраніе евреямъ, которымъ досталось отъ нихъ не мало. Но и здѣсь послѣдовало обидное фіаско. Тѣмъ дѣло и кончилось. Эта послѣдняя сходка была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею, о которой, до вышеупомянутыхъ Генрицовскихъ, еще докладывали газеты. Что и Генрицы не умолятъ сегодня, такъ завтра—тоже фактъ несомнѣнный: дѣло все болѣе и болѣе клонится къ тому. Значитъ комедія кончилась—на этотъ разъ по крайней мѣрѣ. Евреямъ германскимъ все это науськиванье, которымъ отъ начала до конца ознаменовала себя антисемитская агитація, нисколько однако не повредило. Единичные факты насилія—а ихъ было, къ чести нѣмцевъ, чрезвычайно мало—прошли безслѣдно и даже не удостоились вниманія. Если въ одномъ мѣстѣ у какого-нибудь еврея были разбиты стекла, а въ другомъ нѣсколькимъ евреямъ были посланы анонимныя письма, съ угрозою оставить, подъ страхомъ смерти или насилія, свою резиденцію, то это касается лишь данныхъ индивидуумовъ и на массу отразиться не могло.—Нѣтъ, золотой вѣкъ жидодеревъ, повидимому, прошелъ и не вернется никогда. Костры и пика уступили свою роль—по отношенію къ евреямъ, разумѣется—перу

и глотѣѣ, а съ этими орудіями доканать ихъ на смерть, причинить имъ чувствительный ущербъ—дѣло несбыточное. И какъ жалѣютъ объ этой замѣнѣ господѣ антисемиты, у которыхъ руки такъ и почесывались все время, такъ и протягивались къ топорамъ и нагайкѣ! На одной изъ послѣднихъ юдофобскихъ сходокъ, имѣвшихъ мѣсто въ Бреславлѣ, членъ консисторіи, пасторъ Ланге (переведенный на дняхъ въ Ганноверъ, на высшій духовный постъ) въ такихъ выраженіяхъ рисуеѣтъ доброе, не совсѣмъ еще впрочемъ старое время, въ pendant къ настоящему. «Прежде вели себя не такъ!»—наставлялъ онъ своихъ слушателей. — «Еще въ XVIII ст. былъ, напримѣръ, въ Вормсѣ такой обычай, что въ извѣстный день члены магистрата собирались на торговой площади и, между тѣмъ какъ они угощали себя виномъ и разными явствами на ближайшей мельницѣ драли евреевъ необыкновенно усердно. Производилась-же эта экзекуція въ продолженіи всего того времени, которое требуется, чтобы смолоть шесть мѣръ ржи. Мы видимъ изъ этого факта, что прежніе магистраты совсѣмъ не походили на иные изъ теперешнихъ», Пасторъ Ланге изволилъ выразиться совершенно справедливо: нынѣшніе магистраты ведутъ себя иначе, и въ послѣднемъ антисемитскомъ движеніи они-то, въ лицѣ своихъ представителей, и были въ большинствѣ германскихъ городовъ виновниками того, что пропаганда не достигла своей цѣли.

Почтенный пасторъ Ланге лучше умолчалъ-бы, впрочемъ, о Вормсѣ и не колоть-бы имъ глаза евреямъ, которые, къ счастью, не злопамятны и братаются, какъ ни въ чемъ не бывало, съ тѣми самыми нѣмцами, предки коихъ такъ провинились предъ ними. Намъ привелось прошлымъ лѣтомъ совершить маленькую прогулку по Рейну и посѣтить, при этомъ случаѣ, Вормсѣ, Майнцъ и другія мѣстности, играющія такую печальную роль въ исторіи германскихъ евреевъ. Вовсе не надо быть евреемъ, чтобы, послѣ побывки въ этихъ мѣстахъ, умѣрить свой энтузіазмъ—если таковой существовалъ прежде—къ нѣмецкому народу, оказавшемуся способнымъ на совершеніе такихъ вопіющихъ изувѣрствъ. Кровь, и опять кровь: ею обогрѣны и пропитаны на съвозъ поля и нивы этого роскошнаго уголка земного міра, такъ и вызывающаго здѣсь къ любви и солидарности. Въ Вормсѣ сохранились еще нѣкоторые печальные памятники изъ этой, страшной по своей обста-

новкѣ, эпохи. Пробираясь по улицамъ города, вы наталкиваетесь на узенькій, бѣдно обставленный переулокъ, который и понынѣ сохранилъ за собою названіе «Judengasse». Тамъ до настоящаго еще времени, по старой вѣроятно привычкѣ, имѣетъ свое пребываніе большая часть еврейскаго населенія города. Эта улица была свидѣтельницею многихъ кровопролитій и жестокостей; земля, на которой она построена, всосала въ себя не мало слезъ отчаянія и горя. Но не будемъ въ ней останавливаться и заглянемъ лучше на минутку въ одно замѣчательное мѣстечко, которое рекомендуетъ нашему вниманію даже самъ Бедекеръ—неизмѣнный спутникъ всякаго туриста. Маленькій, оригинальный по внѣшности и отдѣленный отъ другихъ зданій, домикъ этотъ посѣщается не одними только путешествующими евреями. Въ «Fremdenbuch», который выложенъ тамъ для собственноручнаго вписыванія посѣтителеми своихъ именъ, вы найдете подписи коронованныхъ и иныхъ высокопоставленныхъ особъ, писателей, художниковъ и т. д. Здѣсь показывается сохранившаяся какимъ-то чудомъ старинная еврейская синагога (по увѣренію обязательнаго служки, она будто-бы существуетъ около 2000 л., по другимъ однако, болѣе надежнымъ источникамъ—съ 11-го стол.) и примыкающая къ ней «Raschi—Kappelle», т. е. учебная комната славнаго Раши, комментатора талмуда и библии (умеръ въ 1105 г.). Васъ обдастъ какимъ-то холодомъ при входѣ въ этотъ почтенный уже по своей давности храмъ, въ стѣнахъ котораго разыгрывались такія трагедіи. Услужливый «шамэсъ» такъ и терзаетъ ваши нервы разсказами о дняхъ былыхъ, когда неистовая толпа вламывалась въ домъ Божій, обагряла кровью его стѣны и самымъ циническимъ образомъ издѣвалась надъ священными атрибутами еврейскаго богослуженія. Вамъ показываютъ и самые *corpus delicti*—склеенные изъ клочковъ св. свитки, восстановленные, по уходѣ врага, усердно рукою какого нибудь раввина. Есть между ними и такіе экземпляры, которые обязаны своимъ спасеніемъ тому обстоятельству, что изгнанные или убѣжавшіе отъ непріятели евреи довѣряли ихъ теченію Рейна, откуда ужъ въслѣдствіи попадали вновь на надлежащее мѣсто. Да, много трогательнаго и жестоко терзающаго ваше человѣческое чувство приходится выслушать во время этого посѣщенія! Вотъ предъ самымъ алтаремъ виситъ такъ называемый «вѣчный свѣтильникъ» (нейръ-тумидь):

онъ будто-бы уже 700 лѣтъ красуется на этомъ мѣстѣ— въ назиданіе потомству и для увѣковѣченія памяти двухъ героевъ еврейскихъ, которые положили свою жизнь за вѣру отцовскую. Эти два мученика пожертвовали собою добровольно и сознательно, не повѣдавъ никому даже именъ своихъ, которыя и понынѣ остались неразгаданными. Евреевъ обвинили поголовно въ какомъ-то колдовствѣ или убіеніи христіанскаго младенца (ужъ не припомнимъ доподлинно, какая именно напраслина знаменуетъ собою именно этотъ случай)—и вотъ эти два анонима взяли на себя весь грѣхъ и „признались во всемъ“. Съ ними поступлено было, конечно, по всѣмъ правиламъ средневѣковыхъ расправъ, — еврей же отдѣлался на этотъ разъ сравнительно дешево. Многіе томы можно-бы наполнить такими исторіями! О мученичествѣ евреевъ въ эту пору ихъ исторіи свидѣтельствуетъ, впрочемъ, не только Вормская синагога. Есть тамъ и заслужившее извѣстность еврейское кладбище, на которомъ покоятся многія свѣтлыя личности изъ племени іудейскаго. Мѣстный раввинъ собралъ въ особой книжкѣ наименѣе пострадавшія отъ времени надгробныя надписи, указывающія на могилы этихъ дорогихъ для евреевъ покойниковъ, и снабдилъ таковыя пояснительными разсказами о жизни, дѣятельности и въ большинствѣ случаевъ мученической смерти наиболѣе видныхъ между ними. — Съ тяжелымъ сердцемъ оставляетъ туристъ Вормсъ, но въ другихъ мѣстахъ ему приходится слышать подобныя-же разсказы. Между достопримѣчательностями различныхъ старинныхъ городовъ ему показываютъ прекрасныя по своей архитектурѣ, поистинѣ величественныя храмы христіанскіе. Оказывается * что эти готическія зданія, ихъ богатство и т. д., не мало обязаны своимъ происхожденіемъ евреямъ, насильственно отобранныя имущества которыхъ шли верѣдко на построение этихъ храмовъ (напр. въ Шнейерѣ, Страсбургѣ). А тутъ еще современные антисемиты дерзаютъ тыкать въ лицо германскимъ евреямъ ихъ непатріотичность, обвинять ихъ въ разныхъ прегрѣшеніяхъ противъ нѣмцевъ! «Еслибы апостолы— выражается Лютеръ**, со свойственною ему откровенностью, — которые также были іудей,

* *Кольба*. Исторія челоѣч. культуры. Т. II.

** Эта цитата заимствована нами у проф. Лапаруса (изъ его прекрасной книжки: „Was ist national?“), выписавшаго ее изъ полнаго Эйзенакскаго собранія сочиненій Лютера.

поступали съ нами, язычниками, точно также, какъ мы поступали съ евреями, никогда бы между язычниками не существовало христіанъ“. „Ибо наши глупцы—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ—наши попы, епископы, софисты и монахи, эти тупоголовые ослы, поступали до сихъ поръ съ евреями такъ, что еслибы между ними нашелся истинный христіанинъ, то онъ навѣрное возымѣлъ бы желаніе стать евреемъ. И еслибы я самъ былъ евреемъ, и видѣлъ, что подобные негодяи заправляютъ христіанствомъ, я бы скорѣе согласился стать свиньей, чѣмъ христіаниномъ“ и т. д. Эти слова, и доподлинныя слова, принадлежатъ представителю христіанской Германіи, родоначальнику ея церкви, той самой церкви, непосредственные служители которой стоятъ впереди антисемитскаго движенія. Еще краснорѣчивѣе высказываются на этотъ счетъ нѣмецкіе-же историки Шлоссеръ, Роттекъ и др. самымъ подробнымъ образомъ передающіе намъ соотвѣтствующіе подвиги своихъ соотечественниковъ. Такъ и вырывается изъ груди, при чтеніи этихъ хроникъ, знаменитый стихъ Некрасова:

„Укажи мнѣ такую обитель—Я такого угла не видалъ“.

гдѣ бы въ Германіи кровь еврейская не текла ручьями, гдѣ-бы рука забывавшагося тевтона не оставила слѣдовъ своего безчеловѣчнаго отношенія къ еврейской націи! „Христіанинъ—говоритъ Шлейденъ *—стоитъ теперь передъ евреемъ, какъ человѣкъ, взирающій на пепель и дымящіяся развалины роскошнаго храма, который онъ самъ обдалъ пламенемъ. Если въ немъ содргается хоть одна еще фибра нравственнаго чувства, то онъ долженъ преисполниться раскаянія и глубокаго стыда, — онъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы искупить прежнія свои постыдства“.

Неправда-ли, хороша эпоха, на которую устремляетъ свои алчные взоры бреславльскій священникъ и на которую онъ указываетъ съ укоризною своимъ терпѣливымъ слушателямъ!

Errug si tuove!—И все таки движется.... „И все-таки мы здравы и невредимы!“—могутъ отвѣтить евреи этому толерантному сыну XIX в., словами безсмертнаго Галилея. Когда евреи оставили Палестину, чтобы разсѣяться по всему земному шару, число ихъ не превышало—по показаніямъ компетентныхъ изслѣдователей—

* M. J. Schleiden, Dr.—Die Romantik des Martyriums bei den Juden im Mittelalter. Lpz. 1878.

3-хъ милл. душъ. Нынѣ евреевъ насчитываютъ слишкомъ 7 мил. человѣкъ, и изъ нихъ лишь около милліона чел. приходится на другія части свѣта. Цѣлыхъ 6 милл. евреевъ—въ той самой Европѣ, которая такъ хлопотала объ ихъ истребленіи и съ такимъ успѣхомъ чистила ихъ ряды! Изъ этого-же числа болѣе $\frac{1}{14}$ * забрала на свою долю Германія, та страна, въ которой истребленіе евреевъ производилось на столько систематично, что во время печальной памяти крестовыхъ походовъ въ одномъ только 1096 г. и въ одномъ лишь городѣ Майнцѣ было насильственно предано смерти 14,000 евреевъ!...

Теперь, конечно, подобныя «вареаломеевскія ночи» неосуществимы, и если о нихъ упоминаютъ еще, съ цѣлью вызвать подражаніе, иные изъ современныхъ рыцарей тьмы, то эти господа, безъ всякаго сомнѣнія, убѣждены сами въ бесплодности своей пропаганды. Они сознаютъ, между прочимъ, что не только та публика, къ которой обращается ихъ призывное слово, значительно измѣнилась со времени упомянутыхъ выше провсшествій въ Вормсѣ и Майнцѣ, но что и самый объектъ преслѣдованія, т. е. еврейское населеніе Германіи, далеко не походитъ на своего тогдашняго предшественника. Сила германскихъ евреевъ выражается въ томъ, что они не относились индифферентно къ урокамъ исторіи. Они не прибѣгали, какъ извѣстно, къ мечу и насиліямъ, чтобы отвоевать себѣ то, сравнительно счастливое положеніе, которое они занимаютъ въ Германіи въ настоящее время. Терпѣливо выжидая, въ продолженіи вѣковъ, наступленія лучшихъ дней, они не падали духомъ и не переставали владѣть собою. Ихъ тактика состояла въ томъ, чтобы утомить, обезсилить врага пассивнымъ отношеніемъ къ его деспотизму, алчности и нетерпимости. Съ другой стороны они сказали себѣ, что полное усмиреніе его можетъ

* По показаніямъ „Статистическаго Ежегодника по Германской Имперіи“ издаваемого Статистич. канцеляріею въ Берлинѣ (т. I за 1880 г.), числилось въ Германіи, по переписи 1-го декабря 1871 г., всего 515,183 еврея, изъ коихъ на Прусское Королевство приходилось тогда 325,559 евреевъ. Какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго года приходила вновь повсемѣстная перепись населенія въ Германіи. Хотя итоги еще не собраны въ-едино и не обнародованы официально, но изъ свѣдѣній, сообщенныхъ газетами о движеніи народонаселенія въ отдѣльныхъ и наиболѣе важныхъ пунктахъ, Имперіи, можно вывести теперь уже заключеніе, что число евреевъ не показываетъ съ тѣхъ поръ значительныхъ приращеній.

состояться лишь при томъ условіи, если ему хоть со временемъ будетъ противопоставлена равная по значенію и другимъ достоинствамъ неуязвимая сила. Эту истину германскіе наши единовѣрцы познали, къ счастію для нихъ, довольно рано и сдѣлали ее исходною точкою своихъ стремленій. Они повели свое дѣло съ истинно дипломатическимъ искусствомъ. Въ программу ихъ не входило — обособлять себя отъ германскаго народа, расширять районъ своей дѣятельности путемъ обхода ограничительныхъ законовъ и т. д. Напротивъ: вездѣ и повсюду они старались проявить свою солидарность съ остальными германцами и дѣлать съ ними общегосударственныя тягости даже въ такихъ сферахъ, гдѣ не только о равныхъ, но о какихъ-бы то ни было правахъ собственно говоря для нихъ и рѣчи быть не могло. Оттого-то и не приходилось ни слышать, ни читать на столбцахъ враждебныхъ даже евреямъ изданій, столь частыхъ, къ сожалѣнію, въ Россіи — и по большей части, конечно, завѣдомо ложныхъ обвиненій евреевъ въ уклоненіи отъ воинской повинности и т. д. Въ Германіи евреи навязывались въ военную службу, какъ о томъ свидѣтельствуетъ, наиримѣръ нижеслѣдующій фактъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Пруссіи состоялось вдругъ постановленіе, по которому евреи освобождались всецѣло отъ участія въ военной службѣ. Одинъ изъ аргументовъ этого законодательнаго акта состоялъ въ томъ, что еврейская-де религія служитъ помѣхою для евреевъ — отправлять воинскую повинность со всею требующею строгостью. Евреи не обрадовались этому неожиданному для нихъ сюрпризу; напротивъ, они всячески хлопотали объ отмінѣ этого обиднаго для нихъ достоинства постановленія. Изъ всѣхъ мѣстъ еврейской осѣдлости посыпались петиціи; снаряжались депутаціи, издавались брошюры и т. д. Движеніе стало общимъ. Пришлось приостановить на время исполненіе вышеозначеннаго закона. Начались официальные справки о прежнихъ результатахъ участія евреевъ въ арміи, пошли запросы по полкамъ и канцеляріямъ. Изъ всей этой массы собраннаго матеріала былъ составленъ объемистый докладъ — и онъ-то рѣшилъ единодушное ходатайство евреевъ въ удовлетворительномъ смыслѣ. Вотъ заключеніе, къ которому пришли составители этого интереснаго доклада: „Резюмируя всѣ вышеприведенныя данныя, приходится заявить, что предшествующій опытъ доказалъ: 1) что евреи, состоящіе въ прусской

арміи, въ общей сложности не отличаются ни въ чемъ отъ солдатъ, набираемыхъ изъ среды христіанскаго населенія королевства; 2) что они показали себя въ войнѣ таими-же храбрыми воинами какъ и христіанскіе ихъ товарищи, а въ мирное время не отставали ни въ чемъ отъ послѣднихъ, и наконецъ 3) что еврейская религія нигдѣ и никогда не проявляла какихъ-либо препятствій въ дѣлѣ отбыванія евреями воинской повинности* *. Не забудемте, что все это происходило въ началѣ 40-хъ годовъ, когда положеніе евреевъ въ Пруссіи было еще очень печально и когда для нихъ, въ матеріальномъ отношеніи, еще менѣе чѣмъ теперь было выгодно связывать себя не легкою въ Пруссіи военною службою. Если и теперь еще евреи въ Германіи лишены возможности подниматься по лѣстницѣ военной іерархіи, то тѣмъ менѣе это было мыслимо въ то время, когда число профессій, имъ отмежеванныхъ, было еще такъ значительно ограничено. — Такимъ-то путемъ германскіе евреи повели свою атаку противъ обижавшаго ихъ законодательства и противъ предразсудковъ окружающей среды. Что этотъ путь былъ для нихъ наиболѣе разумный и рациональный—показываютъ послѣдствія. Германское еврейство представляетъ собою теперь въ нѣкоторомъ родѣ политическую силу, которая имѣетъ значеніе даже въ глазахъ такого гиганта, какъ кн. Бисмаркъ. Онъ боится ее, видитъ въ ней помѣху для своихъ затѣй и цѣлей и хлопочетъ, со свойственными этому государственному мужу приемами, объ ихъ усмирении. Но искусно подготовленная и затѣмъ приведенная въ исполненіе агитація противъ евреевъ оказывается для послѣднихъ вполне безвредною. Дѣло въ томъ, что евреи стали твердою ногою въ Германіи. Они здѣсь больше не пришельцы, терпимые будто-бы изъ милости, а на самомъ дѣлѣ полезные граждане, имѣющіе опору въ самомъ народѣ, который въ общей сложности, отнюдь не тяготится этимъ яко-бы чуждымъ и ненавистнымъ ему элементомъ. Десятокъ—другой головорѣзвовъ, поудившихъ-было рыбу въ мутной водѣ и слегка напакостившихъ, можетъ быть, нѣкоторымъ отдѣльнымъ евреямъ въ разныхъ городишкахъ, не составляютъ народъ германскій и не суть его представители.

* Die bürgerliche Gleichstellung der Juden in Preussen. Verhandlungen des Hauses der Abgeordneten vom 24 bis 27 april und 10 mai 1860. Berlin. W. Adolf u Co. 1860.

Вотъ какъ нѣмецкіе евреи добыли свою эмансипацію! Въ этомъ отношеніи исторія ихъ, особенно исторія послѣднихъ столѣтій, безъ сомнѣнія весьма поучительна. Она стоить того, чтобы припомнить ее въ общихъ штрихахъ, что мы и намѣрены исполнить въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ. Сколько славныхъ и неувадаемыхъ именъ украшаетъ страницы этой культуръ-исторіи,—именъ, носители коихъ подготавливали исподволь освобожденіе своихъ собратьевъ изъ оковъ рабства, могучею рукою направляя ихъ по пути еврейской цивилизаціи! Сколько далъ такихъ руководителей и піонеровъ одинъ только Берлинъ, притомъ за короткій промежутокъ какихъ-нибудь двухсотъ лѣтъ!

Но объ этомъ въ другой разъ.

Ад. Цед—мъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обязанности серьезнаго журналиста.—Обращенныя къ евреямъ упреки „Голоса“ а) въ уклоненіи отъ воинской повинности; б) въ участіи въ политической агитации.—Основательность послѣдняго обвиненія.—Выписка изъ Рилля.—Кто кого скорѣе справъ обвинять.—Группировка цифръ отчета о призывѣ 1880 года.—Фактическая сторона уклоненія евреевъ отъ воинской повинности.—Внутренніе мотивы и причины.—Добродушіе русской печати, политика чувства и требованіе евреевъ.

Трудное, серьезное время — и обязанность сознающаго свой долгъ журналиста тѣмъ съ большею серьезностью и тщательностью взвѣшивать каждое слово, каждое высказываемое имъ мнѣніе, въ особенности въ такихъ вопросахъ, которые въ данный моментъ особенно занимаютъ и волнуютъ умы общества. И тѣмъ большее отвращеніе возбуждаютъ тѣ якобы руководители общественнаго мнѣнія, тѣмъ большаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ мнимые представители печати, которые эксплуатируютъ эти грустные моменты народной и государственной жизни для своихъ корыстныхъ и личныхъ цѣлей. Такой образъ дѣйствій непростителенъ со стороны тѣхъ, которые пользуются подобными моментами для достиженія своихъ цѣлей, вытекающихъ изъ ихъ убѣжденій, политическихъ и иныхъ, но паки омерзительно, когда онъ практикуется людьми безъ всякихъ убѣжденій, но которые только въ данную минуту считаютъ для себя выгоднымъ идти во хвостѣ у тѣхъ, чьи мнѣнія и взгляды, повидимому, имѣютъ болѣе шансовъ сдѣлаться руководящими. Эти журнальные прихвостни въ своемъ чрезмѣрномъ холопствѣ рвеніи и усердіи не знаютъ мѣры и удержу, эксплуатируютъ низкіе инстинкты толпы, бьютъ на самые вульгарные эффек-

ты и скандалы, ибо сіи послѣдніе суть необходимые рычаги ихъ успѣха, необходимые атрибуты ихъ права на существованіе.

Но не объ этихъ темныхъ дѣтеляхъ печати рѣчь наша. Съ литературными и журнальными проходимцами всякая полемика, всякій споръ—совершенно напрасная трата времени. Людей изъ за пятаковъ льстящихъ темнымъ инстинктамъ массы, изъ за гнусной копѣечной популярности натравливающихъ другъ на друга разныя племена и національности—такихъ людей не убѣдишь. Оставьте пьянаго въ покоѣ, онъ самъ упадетъ. Оставьте этихъ господъ спокойно погружаться въ своемъ омутѣ, они сами утонутъ въ своей грязи.

Но нельзя оставить безъ вниманія мнѣнія и заявленія такихъ органовъ печати, которые считаются серьезными и которыхъ—въ данный моментъ—нельзя упрекнуть въ подобныхъ вышеупомянутыхъ предосудительныхъ стремленіяхъ. Приходится сожалѣть, что эти органы печати высказываютъ иногда свои мнѣнія безъ тщательной провѣрки ихъ, безъ достаточнаго ознакомленія съ предметомъ, о которомъ они разсуждаютъ, — но оставить ихъ совершенно безъ вниманія мы не имѣемъ права.

Газета „Голосъ“ по поводу констатированія „Правительственнымъ Вѣстникомъ“ вѣрности цифръ, указывающихъ на непомерно значительный недоборъ евреевъ въ послѣднемъ призывѣ, сочла нужнымъ бросить русскимъ евреямъ упрекъ въ томъ, что они всевозможными мѣрами и хитросплетеніями уклоняются отъ священнѣйшаго гражданскаго долга по отношенію къ государству, отъ исполненія воинской повинности, и тутъ же встаетъ уже въ томъ, что они принимаютъ дѣятельное участіе въ безумной политической агитаціи.

Послѣдній упрекъ въ устахъ нынѣшней редакціи „Голоса“, которая, повидимому, старается относиться къ еврейскому вопросу съ должною серьезностью и безпристрастностью, насъ крайне удивило и, признаться, не мало таки огорчило. Помимо того, что такого рода обобщеніе единичныхъ фактовъ, какъ уже справедливо замѣтилъ „Голосу“ „Порядокъ“, можетъ довести Богъ знаетъ до какихъ абсур-

довъ, а въ данномъ случаѣ можетъ повлечь за собою далеко не безопасныя послѣдствія—помимо этого, это опять и опять показываетъ намъ, что „еврейскій вопросъ“ все еще стоитъ совершенно особнякомъ въ ряду другихъ вопросовъ, и что даже наши публицисты-либералы, рассуждая о немъ, не считаютъ нужнымъ справляться ни съ исторіей, ни съ литературой предмета, а рубятъ съ плеча все, что только попадетъ въ голову. Кто бы, напримѣръ, могъ думать, что „Голосу“, который въ послѣднее время сталъ отмѣчать на своихъ страницахъ появленіе даже самой незначительной и вздорной брошюрки по еврейскому вопросу за границей, не будетъ слѣдить вовсе за тѣмъ, что говорится и пишется объ этомъ вопросѣ въ самой Россіи. Вѣдь иначе нельзя себѣ объяснить возбужденія вновь этого вопроса въ „Голосѣ“ послѣ того, какъ объ немъ толковали уже почти два года. Иначе нельзя себѣ объяснить и появленіе за тѣмъ въ томъ же „Голосѣ“ „Голоса еврея“, въ которомъ въ сущности повторяется лишь то, что уже было высказано въ февральской книжкѣ нашего журнала. Если бы авторъ статьи въ „Голосѣ“, бросившій евреямъ упомянутый упрекъ, прочелъ бы нашу статью, а ранѣе прочелъ бы то, что по этому самому поводу высказалъ г. Нордъ-Вестъ въ своемъ открытомъ письмѣ къ г. Суворину, то, мы увѣрены, онъ иначе посмотрѣлъ бы на дѣло и не бросилъ бы евреямъ въ лице обвиненія въ участіи ихъ въ политической агитаціи, обвиненія совершенно абсурднаго и нелѣпаго. Изъ этого обвиненія будто бы выходитъ, что такъ сказать *еврейская* почва особенно плодотворна для производства политическихъ агитаторовъ и пропагандистовъ. Но гдѣ, скажите, заключается эта почва? Не въ еврейской-ли патриархальной семьѣ, съ ея строгой нравственностью и религіозностью, съ ея крѣпкими родственными узами, съ ея иногда не въ мѣру родительскою строгостью? И не въ еврейскихъ же хедерахъ и ешиботахъ, изошряющихся въ разныхъ тонкихъ богословскихъ и схоластическихъ вопросахъ, слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ искать разсадниковъ политическихъ агитаторовъ! Значитъ не специфическое *еврейское* воспитаніе и не специфически еврейское образованіе гонить евреевъ въ пучину политической агитаціи, и не въ

еврействѣ, какъ еврействѣ, заключается, какъ выражается „Голось“, та „темная сила, которая двигаетъ еврейскую молодежь на безумное поле политической агитаціи“. Эту темную силу, слѣдовательно, надо искать уже въ другомъ мѣстѣ, за предѣлами специфическаго еврейства, за предѣлами специфическаго еврейскаго воспитанія и еврейской школы. Ее слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ еврей получаетъ уже свое дальнѣйшее развитіе и образованіе, словомъ въ той средѣ, которая не только съ еврействомъ ничего общаго не имѣетъ, но которая, напротивъ, отрываетъ его совершенно отъ всего еврейскаго. Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ дальнѣйшія разсужденія о тѣхъ сферахъ, гдѣ еврейскій юноша получаетъ подготовку къ политической агитаціи. Это завлекло бы насъ слишкомъ далеко—и притомъ это предметъ, который выходитъ уже изъ круга нашего спеціального изданія.

Но въ подтвержденіе нашихъ словъ мы позволимъ себѣ однако привести здѣсь одно мѣсто изъ сочиненія извѣстнаго изслѣдователя исторіи культуры, профессора В. Г. Рила, котораго, какъ увидитъ читатель, никакъ уже нельзя упрекать въ особенномъ пристрастіи къ евреямъ.

По поводу вопроса, весьма близко подходящаго къ нашему предмету, Риль, между прочимъ, говоритъ:

„Совершенно особенное положеніе, среди торговаго пролетаріата, занимаютъ странствующие еврейскіе торговцы. Здѣсь особенно ярко выступаетъ странная смѣсь бродячаго образа жизни и какого-то идеальнаго національнаго сознанія, корпоративнаго единенія съ одной стороны, и подозрительности и зависти другъ къ другу въ торговыхъ дѣлахъ съ другой. Мы находимъ здѣсь, даже среди этой бродяжнической жизни, историческую святость семьи, которая выгодно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ бродячихъ пролетаріевъ и заставляетъ предполагать болѣе глубокую нравственность, а рядомъ — сильную испорченность, самоуниженіе, которое позволяетъ себя гнать, бить, и цѣлуетъ руку своего угнетателя, лишь бы заработать копѣйку. Бродячій еврейскій торговецъ, какъ и фабричный рабочій, начинаетъ ничѣмъ: онъ также ничему не учится, онъ только приноситъ съ со-

бою свое національное достояніе, гениальное умѣніе считать; но онъ не пугается пропасти, лежащей между трудомъ и капиталомъ, — онъ подвергаетъ себя всевозможнымъ лишениямъ и трудностямъ, *оставляя въ сторонѣ всякую социальную философію*, пока онъ наконецъ самъ дѣлается капиталистомъ. Неумоимость еврейскаго торговца, который съ тяжелымъ вьюкомъ бѣгаетъ изъ деревни въ деревню и дѣлаетъ огромныя пространства изъ-за самаго ничтожнаго барыша, рѣзко противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, что евреи чуждаются всякой тяжелой работы и тѣлеснаго усилія. Еще замѣчательнѣе, что этотъ деревенскій еврейскій торговецъ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, ненавидимый и презираемый всѣми, нося, кромѣ того, въ своемъ сердцѣ преданіе вѣковыхъ гоненій и униженій, нисколько однако не возмущается, *не дѣлается ни социалистомъ, ни коммунистомъ*. А онъ однако же, имѣетъ безконечно большее право на борьбу противъ историческаго общества, чѣмъ пролетарій фабричный. Онъ позволяетъ унижать себя во имя Бога и надѣется на пришествіе Мессіи, на ливованія въ Сіонъ, которыя для такого во всѣхъ отношеніяхъ крайне реалистическаго, уважающаго наличную плату, человѣка лежать въ неизмѣримо далекой, мракомъ покрытой, будущности. Еврейскій торговецъ не чувствуетъ никакого страданія отъ того, что не имѣетъ своего мѣста въ обществѣ и государствѣ, такъ какъ онъ относится къ нимъ совершенно равнодушно. Фабричный рабочій чувствуетъ себя паріемъ; еврейскій же торговецъ, въ своемъ равнодушіи къ развитію западной жизни, есть настоящій парій, нисколько объ этомъ не думая. Внутреннія противорѣчія четвертаго сословія для него такимъ образомъ вовсе не существуютъ. Еврейскій умственный пролетарій борется за положеніе въ новѣйшемъ государствѣ, въ новѣйшемъ обществѣ; для бродячаго еврейскаго торговца такая борьба не имѣетъ никакого смысла. Еврейскій умственный пролетарій большею частію *разошелся съ своею древнею національною, съ обычаями своихъ предковъ*: онъ ищетъ новаго, и такимъ образомъ находится все на порогѣ, между дверью и крюкомъ. Но еврейскій торговецъ, не смотря на всякія внѣшнія помѣхи, живетъ согласно сво-

имъ древнимъ обычаямъ, съ сознаниемъ которыхъ онъ наслѣдовалъ то твердое положеніе, котораго общество ему пока еще не предоставляетъ. Онъ живетъ во снѣ о прошедшемъ, какъ еврейскій умственный пролетарій живетъ во снѣ о будущемъ. Сонъ о прошедшемъ — это реакція, сонъ о будущемъ — это революція... Онъ несчастный, бѣдняга, безродный, преслѣдуемый и унижаемый человѣкъ, онъ живетъ во враждѣ съ привилегированными членами общества, но не съ самыми привилегіями; ему недостаетъ новѣйшаго пролетаріатскаго сознанія внутреннихъ противорѣчій своего положенія, и потому онъ только—кандидатъ четвертаго сословія“*.

Въ этихъ словахъ Рила есть очень много поучительнаго вообще и многое, что въ данномъ случаѣ слѣдовало бы подробнѣе развить и анализировать. Но теперь мы дольше на этомъ предметѣ останавливаться не можемъ, такъ какъ мы уже достаточно подробно говорили о немъ въ прошломъ нашемъ обзорѣни. Для насъ достаточно было здѣсь вновь констатировать тотъ фактъ, что эти сферы, которыя влекутъ евреевъ въ политическую пропаганду, во всякомъ случаѣ — не спеціально еврейскія. Какъ же послѣ этого поднимается у васъ рука взвалить на еврейство то, въ чемъ оно ни тѣломъ ни душою не повинно. Если уже въ этомъ дѣлѣ кто кого можетъ обвинять, то скорѣе же еврейская среда, еврейскіе родители могутъ обратиться съ обвиненіями къ той средѣ, которая оторвала отъ нихъ ихъ дѣтей и толкнула ихъ на путь политической агитаціи. И въ самомъ дѣлѣ, не съ гораздо ли большимъ правомъ, чѣмъ русское общество къ евреямъ, еврейское общество, еврейскіе отцы и матери, могутъ обратиться къ русскому обществу:— „Что вы такое сдѣлали съ нашими дѣтьми? Когда они были у насъ, подъ нашимъ кровомъ, подъ нашимъ еврейскимъ присмотромъ, они были нашими добрыми дѣтьми, когда они воспитывались у насъ, по стариннымъ нашимъ традиціямъ, они были мирными людьми, мирными гражданами, а теперь вы въ ва-

* W. H. Riehl, Die bürgerliche Gesellschaft, 6 Aufl. p. 374—376.

шемъ обществѣ, въ вашихъ школахъ, академіяхъ и т. п., превратили ихъ въ людей опасныхъ для общества, въ преступниковъ, которые должны томиться въ казематахъ и на ваторгѣ вмѣстѣ съ отверженцами общества, а на насъ наливали такое неслыханное горе, лишили насъ всего нашего счастья, всего намъ дорогаго на землѣ, нашей плоти и крови, для которыхъ мы трудились всю жизнь нашу, и единственнаго счастья, о которомъ мы мечтали весь вѣкъ свой“. Въ такомъ обращеніи нашихъ такъ сказать старомодныхъ традиціонныхъ евреевъ къ русскому обществу было бы во всякомъ случаѣ больше смысла и больше логики, тѣмъ въ обвиненіи русскою печатью самихъ евреевъ.

Гораздо болѣе серьезную подкладку имѣеть, повидимому, другой обращенный къ евреямъ упрекъ „Голоса“, именно упрекъ въ уклоненіи ихъ отъ воинской повинности. Тутъ по крайней мѣрѣ публицистъ „Голоса“ могъ сослаться на официальные цифры. Но все-таки это только повидимому. Отъ серьезнаго публициста мы вправѣ требовать, чтобы онъ сумѣлъ обращаться съ тѣми цифрами, на основаніи которыхъ онъ высказываетъ свои сужденія, и притомъ такія сужденія, которыя клоняются къ тому, чтобы лишить цѣлое слишкомъ трехмилліонное населеніе возможности вырваться изъ той узкой сферы и удушливаго ограниченнаго круга, которые задерживаютъ его матеріальное и нравственное развитіе, и которые притомъ существуютъ для него въ одной только Россіи. „Если желаешь имѣть права—обращается „Голосъ“ къ русскому еврейству—то предварительно долженъ доказать на дѣлѣ, что сумѣешь также исполнять и обязанности, неразрывно связанныя съ правами, обязанности, безъ которыхъ не только пользованіе правомъ, но и самое существованіе права не мыслимо.“ Положимъ, такая теорія вознагражденія гражданъ „за прилежаніе и благонравіе“ правами—не привилегіями, не льготами, а самыми существенными, вытекающими изъ самой сущности значенія человѣка и гражданина, правами—по меньшей мѣрѣ странная, и совершенно справедливо по этому поводу замѣтилъ „Порядокъ“, что „обязанности являются, по меньшей мѣрѣ, одновременно съ правами, а не прежде ихъ“, ибо „у безправ-

наго человѣка не можетъ быть обязанностей.“ Но разъ „Голосъ“, по отношенію къ евреямъ, придерживается этой странной теоріи, не отступаетъ отъ нея даже и послѣ помѣщеннаго на его столбцахъ „Голоса еврея“ и вновь заявляетъ, что „выхода изъ экстраординарнаго положенія евреи должны искать сами и всѣ мѣры должны употребить къ тому, чтобы сдѣлаться доступными желаемаго ими уравненія съ другими гражданами Россіи“ — онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы болѣе серьезно отнестись къ вопросу—дѣйствительно ли въ однихъ евреяхъ лежитъ причина этого уклоненія отъ исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей и не имѣются ли еще какія-либо вѣскіе причины и мотивы, которые могли бы служить имъ оправданіемъ или, по крайней мѣрѣ, выражаясь языкомъ юристовъ, смягчающими ихъ вину обстоятельствами? Вѣдь отстаиваетъ же „Голосъ“ судъ присяжныхъ и признаетъ за нимъ право и возможность оправдать подсудимаго, не смотря на то, что фактъ преступленія ясно констатированъ, не смотря даже на полное сознаніе самого подсудимаго? Вѣдь признаетъ же онъ не только возможнымъ, но и необходимымъ, прежде произнесенія приговора, выяснить всѣ тѣ обстоятельства, которыя могли повліять на дѣянія подсудимаго: его прошлое, среда, въ которой онъ выросъ, мотивы преступленія, причины, вызвавшія его, и т. д., и т. д. Почему же то, что вы желаете видѣть примѣненнымъ къ отдѣльной личности, не хотите примѣнить къ цѣлому народу? Почему въ отношеніи къ еврейскому племени не хотите приложить того же мѣрила, которое вы прилагаете къ единичной личности, не стараетесь доискиваться мотивовъ и причинъ, а постановляете приговоръ на основаніи одного голаго факта, и притомъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, факта далеко еще не безспорнаго и во всякомъ случаѣ далеко не имѣющаго размѣровъ, вытекающихъ изъ тѣхъ цифръ, на основаніи которыхъ публицистъ „Голоса“ съ такою поспѣшностью произнесъ надъ евреями свой безапелляціонный приговоръ.

Обратимся къ этимъ цифрамъ.

Читателямъ безъ сомнѣнія извѣстно, что по случаю обнародованнаго отчета о послѣднемъ призывѣ мы обратились

съ письмомъ въ газету „Порядокъ“, въ которомъ высказали наше недоумѣніе по поводу того, что въ означенномъ отчетѣ показаны цифры недобора евреевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, судя по отчету же, они вовсе не подлежали призыву. Вслѣдъ затѣмъ появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ сообщеніе, что это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ, что при составленіи отчета, вслѣдствіе *незначительности* числа призывныхъ евреевъ въ мѣстѣхъ внѣ черты осѣдлости евреевъ лежащихъ, принято не показывать число призывныхъ евреевъ, и что затѣмъ общая цифра недобора съ евреевъ вѣрная. Вслѣдствіе этого послѣдняго замѣчанія и появилась упомянутая статья „Голоса“,

Когда мы писали письмо въ редакцію „Порядка“, мы, признаться, никакъ не могли думать, чтобы въ официальномъ отчетѣ, имѣющемъ характеръ статистической таблицы, на основаніи которой тутъ же и выводится процентныя отношенія недобранныхъ евреевъ, могли быть выпущены цифры, извѣстныя и существующія, лишь потому, что онѣ *незначительны*. Еслибъ мы могли предвидѣть такую возможность, то не преминули бы высказать другое недоумѣніе, именно: если цифра подлежащихъ призыву евреевъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не показана потому лишь, что она *незначительна*, то почему же въ этихъ же мѣстностяхъ показана цифра недобора евреевъ, которая, пропорціонально съ незначительностью числа призывныхъ евреевъ, также должна быть незначительна, какъ мы это дѣйствительно и видимъ на самомъ дѣлѣ:—въ губерніяхъ Владимірской, Енисейской, Иркутской, Калужской, Оренбургской, Тамбовской, Томской, Тульской и въ Дагестанской области цифра недобора съ евреевъ выражается всего—одной *единицей*, но, несмотря на свою совершенную ничтожность, она все таки въ отчетѣ показана *. Наконецъ, если уже допустить принципъ игнорированія цифръ по ихъ незначительности, то слѣдовало бы, кажется, примѣнить этотъ принципъ и къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя относятся къ чертѣ осѣдлости евреевъ и въ которыхъ, несмотря на довольно значительное чис-

* „Правительственный Вѣстникъ“ отъ 31 января 1881 г., № 25.

ло призывныхъ евреевъ, цифра недобора между тѣмъ крайне ничтожна, какъ напр. въ Херсонской губерніи, гдѣ на 2174 призывныхъ евреевъ недобора всего 1, или въ Еваторинославской, на 600 призывныхъ, всего—2 *. Повторяемъ, мы никакъ не могли предположить, чтобы при составленіи официального отчета могли быть примѣнны двоякія правила: къ цифрѣ призывныхъ евреевъ одно, а къ цифрѣ недобора изъ нихъ—другое, и притомъ совершенно противоположное, и думали, что достаточно будетъ нашего указанія на вышеупомянутое „кажущееся противорѣчіе“, чтобы дать кому слѣдуетъ поводъ доискиваться самой сути, т. е. сокровеннѣйшей причины этого громаднаго числа *показаннаго* недобора съ евреевъ, хотя тогда уже, при самомъ такъ сказать поверхностномъ прикосновеніи къ отчету, бросались въ глаза и другія данныя, поражающія своею загадочностью и поневолѣ возбуждающія недоумѣнія. Но рамки „письма въ редакцію“ не позволяли намъ болѣе подробно на нихъ останавливаться.

Прежде всего бросаются глаза то, что, не смотря на такой неимоверно-значительный недоборъ съ евреевъ, именно 3054 изъ общаго числа 3309 (составляющій почти цѣлую $\frac{1}{8}$ поступившихъ евреевъ) процентное отношеніе поступившихъ на службу евреевъ все еще значительно превышаетъ ту норму, которую слѣдуетъ принимать въ подобныхъ случаяхъ. Именно оно превышаетъ процентное отношеніе еврейскаго населенія къ населенію общему. Если даже принять, невыгодную въ данномъ случаѣ для евреевъ, цифру еврейскаго населенія Россіи въ $3\frac{1}{2}$ милл. на 90 милл. общаго поселенія, что составляетъ $3\frac{80}{9}\%$, то и тогда, послѣ этого громаднаго недобора, число поступившихъ евреевъ превыситъ процентное отношеніе, ибо оно составляетъ слишкомъ 4% поступившихъ изъ общаго населенія (на 231,691 общаго числа поступившихъ общаго населенія, поступило 9268 евреевъ). Выходитъ однимъ словомъ, что, не смотря на громадный недоборъ съ евреевъ, они все еще пропорціонально поставляютъ въ войска большее число лю-

* Тамъ-же.

дей, чѣмъ остальное общее населеніе Россіи. Выводъ, согласитесь, поразительный и во всякомъ случаѣ весьма загадочный при тѣхъ постоянныхъ крикахъ, которые раздаются у насъ объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности. И неужели и послѣ этого „Голосъ“ станетъ утверждать, что евреи не могутъ требовать себѣ одинаковыхъ правъ, такъ какъ они не исполняютъ одинаково лежащей на всѣхъ гражданахъ обязанности военной службы.

Точно также довольно поразительна и загадочна и другая цифра отчета за 1880 годъ. На общее число призывныхъ всего населенія 793,997 приходится призывныхъ евреевъ 42,374, пропорція опять значительно превышающую норму: именно при процентномъ отношеніи еврейскаго населенія къ общему въ $3\frac{8}{9}\%$ число призывныхъ евреевъ составляетъ не $3\frac{8}{9}\%$ общаго числа призывныхъ всего населенія, какъ это слѣдовало бы ожидать, а—цѣлыхъ $5\frac{2}{5}\%$, цифра не только ненормальная, но совершенно даже невѣроятная. И дѣйствительно эта невѣроятность еще болѣе выступитъ наружу, когда мы сопоставимъ процентное отношеніе числа всѣхъ призывныхъ къ числу всего населенія, и числа призывныхъ евреевъ къ числу еврейскаго населенія. Изъ этого сопоставленія—793,997 общаго числа призывныхъ на 90 милліоновъ всего населенія и 42,374 призывныхъ евреевъ на $3\frac{1}{2}$ милліона еврейскаго населенія—выходитъ, что призывные общаго населенія составляетъ $0,88\%$ всего общаго населенія, а призывные евреи составляютъ—обратите вниманіе— $1\frac{2}{3}\%$, или $1\frac{40}{100}\%$ всего еврейскаго населенія Россіи. Языкъ этихъ цифръ, который говоритъ, что во 1-хъ) число призывныхъ евреевъ сравнительно гораздо больше числа призывныхъ общаго населенія, что во 2-хъ) число поступившихъ на военную службу евреевъ, несмотря на громадный недоборъ съ нихъ, все таки превышаетъ еще пропорцію поступившихъ на военную службу лицъ общаго населенія, и что въ 3-хъ) у евреевъ 21 лѣтокъ было слишкомъ въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе ($\frac{88}{100}$ и $\frac{140}{100}$) чѣмъ у общаго населенія,—языкъ этихъ цифръ, говоримъ мы, до очевидности ясно доказываетъ, что механизмъ, посредствомъ котораго получались эти цифры, не совсѣмъ уже такъ непогрѣшимо вѣренъ, чтобы на ихъ основаніи можно было

сдѣлать безошибочные статистическіе выводы, а тѣмъ паче приговорить къ лишенію гражданскихъ правъ цѣлое слишкомъ трехмилліонное населеніе, какъ это дѣлаетъ „Голосъ“.

Механизмъ, при помощи котораго составлены и ежегодно составляются вышеприведенныя цифры, очевидно заключаетъ въ себѣ какуюнибудь пружину, которая, какъ сейчасъ мы видѣли, дѣлаетъ ихъ въ высшей степени загадочными. Намъ завлекло бы слишкомъ далеко, еслибъ мы теперь же хотѣли добраться до всѣхъ нитей этой скрытой пружины. Но во всякомъ случаѣ мы нисколько не погрѣшимъ противъ правды и это нисколько не будетъ преувеличено, если скажемъ, что въ большинствѣ случаевъ доброе имя еврея-гражданина расплачивается здѣсь за небрежность администраціи при составленіи призывныхъ списковъ и небрежность воинскихъ присутствій при составленіи списковъ неявившихся. Спеціальныя еврейскія изданія „Разсвѣтъ“ и „Русскій Еврей“ то и дѣло приводятъ подобнаго рода факты, а у насъ подъ рукою послѣдній 13 № „Русскаго Еврея“, гдѣ, въ корреспонденціи изъ Ковна, кромѣ поименно названныхъ разныхъ учениковъ гимназій, студентовъ университета и академіи, своевременно представившихъ свои документы и даже получившихъ уже установленную закономъ для учащихся отсрочку, но тѣмъ не менѣе попавшихъ въ число неявившихся,—сообщается между прочимъ еще слѣдующее:

„Лейбъ Рубинчикъ, приписанный къ 1 призывному участку г. Ковно, подлежалъ призыву въ 1879 г., явился и получилъ ополченское свидѣтельство, между тѣмъ онъ показанъ въ число неявившихся сего 1880 г. и объ этомъ даже напечатано въ „Губ. Вѣд.“

„Нѣето Рено (или Рень) *служитъ уже 2-й годъ* въ квартирующемъ здѣсь уланскомъ смоленскомъ полку, и числится также въ „Губ. Вѣдомостяхъ“—между неявившимися.

Такова въ общихъ чертахъ фактическая, такъ сказать внѣшняя формальная сторона столь шумно разглашаемой эпопеи объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности. Намъ, полагаемъ, нельзя будетъ упрекнуть въ особенномъ пристрастіи къ евреямъ, если скажемъ, что вышеприведенными данными, если не совершенно уничтожаются, то во всякомъ случаѣ

значительно уменьшаются тѣ гиперболическіе размѣры, въ которыхъ намъ подѣ известнымъ освѣщеніемъ рисуютъ это уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности. Но эта эпопея имѣетъ еще и другую сторону, сторону внутреннюю, сторону мотивовъ, причинъ, словомъ, возвращаясь къ прежнему нашему сравненію, всѣхъ тѣхъ атрибутовъ, которые раскрываютъ предъ нами внутренній міръ подсудимаго. Предположимъ, что фактъ преступнаго дѣянія дѣйствительно даже существуетъ, что евреи дѣйствительно въ значительной мѣрѣ уклоняются отъ воинской повинности. Спрашивается, не обнаружится ли, при тщательномъ анализѣ предшествовавшихъ преступному дѣянію обстоятельствъ, такихъ вѣскихъ мотивовъ и такихъ многозначительныхъ внутреннихъ причинъ, которые, можетъ быть, приведутъ къ полнѣйшему оправданію подсудимаго? А вѣдь на самомъ то дѣлѣ даже и не требуется такого тщательнаго анализа, такого особеннаго углубленія, чтобы найти эти мотивы. Вѣдь не далѣе какъ съ годъ тому назадъ, на страницахъ того же „Голоса“, разсказана была исторія еврейскаго солдата Айзенберга, исторія, раскрытая предъ здѣшнимъ окружнымъ судомъ, судившимъ и *оправдавшимъ* этого самого Айзенберга. Развѣ одна эта исторія еврейскаго солдата, въ нѣжномъ дѣтскомъ—11 лѣтъ—возрастѣ вырваннаго изъ круга семьи и прогнаннаго затѣмъ въ качествѣ „многострадальнаго“ кантониста по всевозможнымъ неслыханнымъ мытарствамъ и въ концѣ концовъ палками въ горячей банѣ принужденнаго къ отступленію отъ религіи своихъ отцовъ, развѣ одна эта исторія, которую „Голосъ“ не безъ основанія назвалъ тогда „назидательною для молодаго поколѣнія“, не раскрываетъ предъ нами достаточно вѣскихъ внутреннихъ причинъ и мотивовъ, могущихъ побуждать евреевъ къ уклоненію отъ воинской повинности? И не есть ли оправдательный вердиктъ, вынесенный присяжными сознавшемуся въ своемъ преступленіи Айзенбергу, вмѣстѣ съ тѣмъ и оправдательный вердиктъ русскимъ евреямъ въ взводимомъ на нихъ обвиненіи въ уклоненіи отъ военной службы? И развѣ это единственная исторія, раскрывающая эти внутренніе мотивы и причины?.. Мы не имѣемъ ни охоты, ни достаточнаго мужества нари-

совать здѣсь вновь тѣ „картины прошлаго“, всѣ тѣ возмутительныя сцены ужаса и всяческаго страданія и насилія, которыя сопровождали сдачу еврейскихъ десятилѣтнихъ, а то и восьмилѣтнихъ, рекрутовъ, и затѣмъ длинный кровавый путь ихъ до окончанія 25 лѣтней выслуги, и которыя мы уже однажды воспроизвели въ „Молвѣ“, по поводу появившихся въ печати очерковъ О. А. Равича „Штрафной“ и „Наслѣдственный подсвѣчникъ“. Но все это еще свѣжо въ памяти русскихъ евреевъ. Есть люди, сравнительно еще очень молодые, которые сами еще пережили и на себѣ испытали всѣ прелести этихъ отеческихъ или отечественныхъ благодѣяній. Прологи къ этимъ сценамъ еще и теперь можно вычитать въ „Полномъ собраніи законовъ“, въ тѣхъ статьяхъ его, которыя относятся къ отбыванію евреями воинской повинности... А публицисту „Голоса“ нѣтъ до этого никакого дѣла, и онъ постановляетъ приговоръ, которымъ евреи, изъ за уклоненія отъ этой повинности, лишаются всякаго права—даже желать расширенія своихъ правъ.

Могутъ, конечно, возразить намъ: все это было, все это миновало. Но развѣ можно требовать отъ народа, чтобы онъ чрезъ ночь забылъ то, что живетъ въ его плоти и крови, что практиковалось надъ нимъ въ теченіи цѣлаго полвѣка? Развѣ справедливо требовать это отъ того, который, какъ говоритъ Риль, все еще вынужденъ жить въ своемъ прошломъ, ибо будущее ему неизвѣстно, а настоящее тоже еще далеко не розовое? И какая же прельщающая перспектива и теперь еще предстоитъ еврейскому солдату, развѣ та, которая рисуется въ перепечатанномъ изъ „Русскаго Еврея“ въ „Голосѣ“ письмѣ изъ Ревеля запаснаго еврейскаго солдата, которому послѣ его службы, пройденной имъ на Шипкинскомъ перевалѣ и въ другихъ битвахъ съ туркамъ, велятъ убраться по добру по здорову въ отведенную для евреевъ „черту осѣдлости“*.

* Вотъ это письмо:

„Четыре года я прослужилъ въ 94-мъ енисейскомъ полку; съ этимъ же полкомъ вынесъ всѣ трудности похода во время послѣдней русско-турецкой войны, участвовалъ, между прочимъ, при защитѣ Шипкинскаго Перевала, при взятіи штурмомъ сильно укрѣпленной турецкой позиціи на горѣ Св. Николая и при отраженіи непріятельской попытки штурмовать эту же гору.

И вотъ еще что. Предложилъ ли себѣ публицистъ „Голоса“ вопросъ: отчего это только у насъ въ Россіи слышатся жалобы на уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности? отчего это не слышно о такомъ уклоненіи въ другихъ странахъ, во Франціи напримѣръ, и даже въ Германіи? Отчего это, когда Алжирскіе евреи въ 1875 г. впервые были призваны въ военную службу, тамъ по этому поводу раздавались одни только ликованія, устраивались банкеты, еврейскіе ораторы и сами конскрипты не могли найти достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свою благодарность за это оказанное имъ благодѣяніе, такъ какъ они увидѣли въ этомъ печать, окончательно сѣрѣившую за ними ихъ гражданскую и политическую равноправность? Отчего тамъ не было ни членовредительства, ни подложныхъ заявленій и свидѣтельствъ, и при переувѣличкѣ конскриптовъ не только не оказалось ни одного отсутствующаго, а напротивъ—какъ сообщилъ мѣстный officialный органъ—насчитали еще лишнихъ молодыхъ людей, добровольно записавшихся въ армію? Отчего это, когда въ сороковыхъ годахъ въ Пруссіи состоялось постановленіе, освобождающее евреевъ отъ военной службы, на томъ между прочимъ основаніи, что еврейская религія будто бы мѣшаетъ евреямъ исполнять какъ слѣдуетъ эту службу, евреи не только не обрадовались этому освобожденію, но среди нихъ послышались такіе протесты, началась такая агитація, со всѣхъ сторонъ посыпалось такое громадное число петицій, явилось столько депутацій, обнаружено было столь-

За все это я, подобно другимъ, награжденъ серебряною медалью и, вдобавокъ, неизлѣчимою лихорадкою; но рѣчь не о наградѣ—для сознающаго свой долгъ дѣло не въ наградѣ—но дѣло въ томъ, что, по возвращеніи пока въ Россію и при увольненіи меня въ запасъ арміи 14-го ноября прошлаго года, я заявлялъ о своемъ желаніи остаться на жительство въ Ревелѣ, Эстляндской губерніи, гдѣ проживающіе тамъ родственники мои хотѣли пристроить меня и дать послѣ службы кое-какъ пропитаться. Но, къ великому моему удивленію, я отъ полкового адъютанта узналъ, что Ревель мнѣ для жительства недоступенъ. И тутъ мнѣ въ первый разъ пришлось узнать и въ послѣдствіи даже почувствовать великую справедливость, состоящую въ томъ, что евреи-солдаты, поступившіе въ военную службу не по набору, а по жребію, не приобретаютъ себѣ права повсемѣстнаго жительства въ своемъ отечествѣ, за которое они жертвовали своею жизнью. И можно ли послѣ этого у молодого человѣка изъ евреевъ требовать расположенія и неподдѣльной охоты къ военной службѣ, для которой полное сознание долга и истинная любовь къ отечеству такъ неудобны?“

ко отвергающихъ это освобожденіе брошюрь, что палата и правительство вынуждены были отмѣнить это постановленіе и вновь призвать ихъ къ отправленію воинской повинности *. Отчего, подумайте, это такъ? чѣмъ все это объясняется?..

И послѣ всего этого „Голосъ“ не стѣсняется заявить, что „русскіе евреи не могутъ вообще жаловаться, чтобы русская печать относилась неблагопріятно къ ихъ интересамъ.“ „По добродушію составляющему основную черту характера славянской національности въ ея отношеніяхъ къ инородческому элементу—продолжаетъ затѣмъ „Голосъ“—мы бываемъ готовы выступить въ защиту еврейскихъ притязаній (?) даже и въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда справедливость бываетъ не вполне на ихъ сторонѣ.“ Хорошо добродушіе и хороша защита еврейскихъ притязаній тамъ, гдѣ всякій безпристрастный человѣкъ можетъ видѣть одно лишь легкомысленное ни на чемъ не основанное обвиненіе. Да мы и не требуемъ отъ васъ ни добродушія ни-же защиты притязаній. Мы требуемъ одного только серьезнаго отношенія къ дѣлу. Мы не желаемъ никакого снисхожденія, а одной строгой справедливости. Ради Бога, только безъ политики чувства, которая сегодня готова возвести на пьедесталь всякое ничтожество, а завтра—втоптать въ грязь самое достойное и великое. Невольно вспоминаешь тутъ Грибоѣдовское

„Надоѣли мнѣ хуже горькой рѣдки
„И барскій гнѣвъ, и барская любовь“.

Нѣтъ, еще разъ повторяемъ, не добродушія и снисхожденія требуютъ для себя русскіе евреи, а самого строгаго правосудія, одинаковыхъ мѣръ и одинаковыхъ вѣсовъ, словомъ, самого строгаго и полнаго осуществленія римскаго fiat justitia—и, повѣрьте, съ нихъ это будетъ совершенно достаточно.

А. Л.

* См. интересныя подробности объ этомъ въ помѣщенныхъ выше „Письмахъ изъ Германіи“.

Содержаніе I-й книги „Восходъ“.

I. ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЕГО ОСНОВАНІЯХЪ И ЧАСТНОСТЯХЪ. М. Г. Моргулса.	2
II. ВОСХОДЪ. Стихотвореніе С. Г. Фруга	30
III. ТИПЫ И СИЛУЭТЫ. Воспоминанія школьника сороковыхъ годовъ.—Л. О. Леванды.	32
IV. РУССКОМУ ЕВРЕЮ. Стихотвореніе Я. Штейнберга.	60
V. РУСЬ И РУССКОЕ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ А. Я. Гаркави.	62
VI. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Историческое, законодательное, административное и бытовое ихъ положеніе со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней. Н.	85
VII. КЪ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ Л. О. Гордона.	111
VIII. БАРУХЪ СПИНОЗА. В. О. Корша.	124
IX. ПОЭТУ. Стихотвореніе А. Бебоза.	143
X. МОШКО ПАРМСКІЙ. Исторія еврейскаго солдата. Разсказъ К. Э. Францова. Переводъ Петра Вейлберга	145

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ. Отрывокъ изъ воспоминаній о Вѣнѣ. П. Я. Левенсона.	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Древне-еврейская журналистика и литература. Меваккера.	17
XIII. ПИСЬМА ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Исторія евреевъ и еврейской литературы. М. Кайзерлинга.	36
XIV. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ВЪ ОДНУ КУЧУ. Г. Гривевичъ: „О тлетворномъ вліяніи евреевъ“.—Г. Лютостанскій: «Талмудъ и евреи». Томы I, II, III и т. д.—Г. Шигаринъ: «Библиотека западной полосы Россіи»: Томы I, II, III и т. д.; «Западнорусецъ». Томы I, II, III и т. д.—Г. Хашкесъ: «Исторія евреевъ профессора Гретца. Переводъ съ нѣмецка-	

го». — Два слова нашим меценатамъ и журналистамъ. Гаммабита.

51

XV. ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА. Антисемитизмъ въ Германіи и Венгріи. — Поѣздка императора австрійскаго по Галиціи и пріѣздъ его аллегоріей изъ талмуда. — Французскіе ультрамонтаны и «Всеобщій еврейскій Союзъ». — 96-я годовщина М. Монтефиоре. — Статьи въ англійскихъ журналахъ. — Чествованіе члена парламента Симона. — Евреи и 50-ти-лѣтняя годовщина бельгійской независимости. — Участіе евреевъ въ конгрессахъ юристовъ, историковъ и глухонѣмыхъ въ Італіи. — Положеніе евреевъ въ Сербіи, Румыніи и Болгаріи. Э. К. Ватсона.

61

XVI. ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ. А. Ц.

78

XVII. ПИСЬМА ИЗЪ АВСТРИИ. Г. Вольфа.

102

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Что отвѣчать на вопросъ о «еврейскомъ вопросѣ». — Характеръ нашей политики по отношенію къ еврейскому вопросу. — Евреи и социалистическая пропаганда. — Выселенія евреевъ. — Значеніе циркуляра м-ва внутреннихъ дѣлъ о пріостановкѣ этихъ выселеній и обнародованія вслѣдъ за тѣмъ новаго закона о евреяхъ въ Землѣ Войска Донскаго. — Новыя «вѣянія», неопровергнутые слухи о расширеніи правъ евреевъ съ одной, и циркуляръ м-ва финансовъ и приказъ по полиціи г. Гюббенета съ другой стороны. — Система безсистемности, колебанія и повороты въ нашей политикѣ объ устройствѣ евреевъ, о выселеніи ихъ изъ селъ и деревень, о пріученіи ихъ къ земледѣлю, объ ихъ образованіи, о регулированіи ихъ культа, о представленіи имъ правъ государственной службы и т. д. — Какое изъ всего этого слѣдуетъ вывести заключеніе. А. Л.

107

XIX. ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ИНОСТРАННОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Н. В.

121

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

128

Содержаніе 2-й книги „Восходъ“.

I. ВЪ ЧЕМЪ ТРУДНОСТЬ РАЗРѢШЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ. Л. О. Леваиды	1
II. ВЪЧНЫЙ ВОПРОСЪ. Стихотвореніе С. Г. Фруга.	25
III. КЪ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Л. О. Гордона	29
IV. СОНЕТЪ. Стихотвореніе М. С. Абрамовича.	48
V. ОНА УМРЕТЪ ЕВРЕЙКОЙ. Разсказъ М. Я.	49
VI. ЕВРЕЙСКІЕ ДИПЛОМАТЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ НОВАГО ВРЕМЕНИ. М. Кайзерлинга.	74
VII. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Проверка внутренняго состоянія колоній и безпорядковъ въ отчетности о нихъ. Н	93
VIII. ТИПЫ И СИЛУЭТЫ. Воспоминанія школьника сороковыхъ годовъ Л. О. Леваиды.	120
IX. МОШКА ПАРМСКІЙ. Исторія еврейскаго солдата. Разсказъ К. Э. Францоа. Переводъ Петра Вейнберга.	130
X. ПОДРАЖАНІЕ ГЕЙНЕ. Стихотвореніе М. С. Абрамовича.	160

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ. Отрывокъ изъ воспоминаній о Вѣнѣ. П. Я. Левенсона.	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Я. Гаркави	13
XIII. ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА. Ретроспективный взглядъ на еврейскую журналистику. — Литературный сборникъ «Когелетъ-Мусаръ», затѣянный Мендельсономъ. — «Га-Меасфимъ» — «Виккуре га-Иттимъ» — «Керешъ Хемедъ». — «Ге-Холуцъ». — «Кохве Ицхакъ». — Еженедѣльные газеты. — Первая еврейская газета «Га-	

Маггидъ».—Еврейскія газеты въ Россіи и для Россіи и ихъ направленія.—Либеральный «Га-Мелицъ», колеблющійся Га-Кармель и нейтральная «Га-Цефира».—Старая и новая Га-Цефира.—Ортодоксальный органъ «Га-Леванонъ»—*Similis similibus gaudet*.—Образецъ изъ журнальной практики д-ра Лешана.—«Га-Коль».—Похожденія его редактора.—Преображенія и метаморфозы.—«Га-Хозе».—*Beau masque, je te reéconnais!*—Галиційскія газеты: «Го-Иври», «Махзике-Гадать» и «Га-Торъ».—Иерусалимскія газеты: «Га-Хавацелеть» и «Шааре-Ціонъ».—Еже-мѣсячные журналы: «Га-Шахаръ», «Га-кармель», «Габо-веръ-Оръ», «Ветъ-Талмудъ». «Нога-га-Іареахъ», «Амуде-га-Іиреа», «Го-Огевъ».—Причины тугаго развитія евр. журналистики. Меваккера.

27

XIV. ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.—ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.
Ад Цед—мъ.

53

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. По поводу одного шекотливаго вопроса, мимоходомъ затронутаго въ прежнемъ обзорѣніи. —Откровенныя о немъ бесѣды.—Почему въ этихъ бесѣдахъ не упоминались «важива», «пріобрѣтеніе» и т. д. —Какъ и кто дѣлаеть разницу между «жидомъ» и «евреемъ».—Отчего евреи не удовлетворяются своимъ нынѣшнимъ «удушеннымъ» положеніемъ?—Два слова о народѣ и родинѣ.—Что же, наконецъ, нужно сдѣлать?..
А. Л.

75

XVI. КЪ ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ЕВРЕЕВЪ
ВНѢ ЧЕРТЫ. М. П. Шафıra

88

XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ 1 января 1881 года въ С.-Петербургѣ выходить:

НОВАЯ ЕМЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

„П О Р Я Д О К ъ“

вождь общемо редакціемо съ журналомъ „Вѣстникъ Европы“ и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки:	Съ достав.	Съ пересыл.	За границ.
Три мѣсяца	3 р. 50 к.	4 р.	5 р.	7 р.
Полгода	7 " — "	8 "	9 "	13 "
Годъ	14 " — "	16 "	17 "	25 "

Мѣсяць: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 к.; за границей 3 руб.

Расрочна для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ— излишня, такъ какъ, при подпискѣ на четверть года или полгода, подписная цѣна не повышается; для иногородныхъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“, въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію, Спб., Галерная 20, а лично—въ главную контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. Стасюлевичъ.

Въ типографіи А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.

ПРОДАЮТСЯ

Сочиненія О. А. Рабиновича, Т. I.

Содержаніе: Предисловіе: I. Картины прошлаго: а) Штрафной. б) Наслѣдственный подсвѣчникъ. П. Мориць Сефарди. III. Исторія о томъ, какъ Ребъ-Хаимъ Шулинь Фейгисъ путешествовалъ изъ Кишинева въ Одесу и что съ нимъ случилось. Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ВЪ 1881 ГОДУ

будеть издаваться подъ тою-же редакціей и слѣдовать тому-же направленію. Рекламы, сдѣланныя нашему изданію вліятельными органами русской печати своими нападками и заявленіемъ (въ большинствѣ случаевъ) несогласія съ нашимъ направленіемъ, относительно обсуждения русскихъ и общихъ вопросовъ, избавляютъ насъ почти отъ принятаго обычая говорить о себѣ передъ началомъ новаго годоваго періода. Что касается до польскаго вопроса, то мы, по прежнему, будемъ стараться разрабатывать его помощью посильнаго созиданія того золотатаго моста на почвѣ мысли и интеллигенціи, который служитъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для цѣлей соглашенія и мира. Въ будущемъ году предполагаются посильныя улучшения въ газетѣ, сообразныя съ разумными желаніями публики.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

а) для иногородныхъ подписчиковъ, съ пересылкою:

На годъ 12 руб.; на 6 мѣсяцевъ—6 р.; на 3 мѣсяца—3 р.; на 1 мѣсяць—1 р.

б) для заграничныхъ подписчиковъ, въ предѣлахъ Почтоваго Союза:

На годъ 15 р.; на 6 мѣсяцевъ—7 р. 50 к.; на 3 мѣсяца—3 р. 75 к.; на 1 мѣсяць—1 р. 25 к.

Редакція покорнѣйше просить гг. подписчиковъ заявить свои требованія и прислать подписныя деньги своевременно, дабы имѣть возможность удовлетворить всѣхъ полнымъ комплектомъ номеровъ газеты.

Адресъ Редакціи: **Варшава, Медовая, № 18.**

Редакторъ **Князь Н. Н. Голицынъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1881 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИ-
ТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки.		Съ доставкою въ Москвѣ:	
На годъ	7 р. 60 к.	На годъ	8 р. 50 к.
„ 6 мѣс.	4 „ 30 „	„ 6 мѣс.	4 „ 50 „
„ 3 „	2 „ 30 „	„ 3 „	2 „ 50 „
„ 1 „	— „ 90 „	„ 1 „	1 „ — „

Съ пересылкою во всѣ города:

На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣс.	5 „ — „
„ 3 „	2 „ 75 „
„ 1 „	1 „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Мосеворѣцкій мостъ, д. Н. П. Лапина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина, въ Русско-Иностранной газетной экспедиціи Ф. Жаке, въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ—*Vue Clément, 4, Adam.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1881 ГОДА.

Издание А. А. Юзefовича, под редакціею А. Н. Стоянова, при ближайшемъ участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экзemplяръ по соглашенію съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковскаго университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Юзefовича, тамъ-же принимаются объявленія.

Кромѣ того, подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и «Новаго Времени»; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ И. Н. Шапошникова; въ Киевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Бллаго; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича.

Программа газеты:

I. Телеграммы. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣйствія правительства, IV. Внутреннія извѣстія; а) городская и земская хроника, б) корреспондентціи. V. Обзорніе газетъ и журналовъ. VI. Политическое обзорніе. VII. Внѣшнія корреспондентціи. VIII. Смѣсь IX. Биржевая хроника. X. Календарь. XI. Справочныя свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

Редакціи общали постоянное сотрудничество слѣдующія лица:

Проф. М. М. Алексѣенко, Н. С. Авлаковъ, А. А. Ананьева, Я. О. Балисный, проф. Н. Н. Бекетовъ, С. Я. Бѣликъ, проф. К. К. Гаттенбергеръ, проф. Л. Д. Гиришманъ, П. Н. Горюловъ, А. Н. Гусевъ, Г. П. Данилевскій, проф. Г. М. Деларю, К. К. Детловъ, доц. А. Е. Зайкевичъ, проф. Ѳ. А. Зеленогорскій, Н. Златовратскій, проф. А. И. Кирпичниковъ, доц. П. И. Ковалевскій, доц. Н. О. Куплевасскій, проф. В. Г. Лашкевичъ, проф. А. С. Лебедевъ, Е. Г. Левченко, А. П. Лукинъ, проф. Ю. И. Морозовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, С. А. Новицкій, Н. П. Овсянниковъ А. Б. Пальчинскій, проф. М. Н. Петровъ, А. С. Размадзе, И. М. Собѣстьянскій, проф. И. П. Сокальскій, доц. Н. Ф. Сумцовъ, Г. И. Успенскій, И. О. Фесенко, проф. Л. С. Цѣнковскій, проф. Г. М. Цѣхановецкій, Г. С. Чириковъ, В. В. Чуйко, проф. А. П. Шимковъ, доц. К. Н. Ярошъ, проф. Н. К. Яцукъ, и другіе.

Главная контора газеты проситъ Гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газетъ.

ПОДПИСКА на 1881 ГОДЪ

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЗАРЯ“

ПРИНИМАЕТСЯ въ Кіевѣ: въ *Главной Конторѣ* газеты „Заря“ на Крещатикѣ, въ домѣ Дворянскаго Собранія, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго и въ *отдѣленіяхъ конторы*: въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ В. Корейво,—на Крещатикѣ и въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина,—на Крещатикѣ.

Срокъ выхода ЕЖЕДНЕВНЫЙ, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

безъ доставки и перес.: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; съ доставкой и пересылкой: на годъ—10 р., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—4 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 коп.

Программа газеты „Заря“ та-же, что у всѣхъ большихъ ежедневныхъ литературно-политическихъ газетъ:

Издавая газету въ провинціи, при условіяхъ предварительной цензуры, редакция не скрываетъ отъ себя трудностей этого дѣла и не претендуетъ ни на что иное, какъ на то, чтобъ съ одной стороны знакомить мѣстное общество со всѣмъ новымъ и интереснымъ въ политикѣ вѣшней и внутренней, въ мірѣ идей и фактовъ, а съ другой—служить органомъ мѣстной жизни, мѣстныхъ нуждъ и потребностей и вѣрнымъ отраженіемъ всего происходящаго въ юго-западной и южной частяхъ нашего отечества.

Редакция отвергаетъ всякую, какъ національную, такъ племенную и религиозную исключительность и относится съ сочувствіемъ во всему, что служитъ къ укрѣпленію или дальнѣйшему развитію реформъ настоящаго царствованія.

Редакция убѣждена, что недавнее исключительное положеніе юго-западнаго края, какъ ненормальное, потеряло свой *raison d'être* и что этому краю въ недалекомъ будущемъ предстоитъ воспользоваться всею полнотою развитія русской жизни.

Редакция по мѣрѣ силъ и возможности будетъ поддерживать принципы законности и равноправности и не допуститъ на столбцахъ своей газеты ничего несогласнаго съ идеей свободнаго и разумнаго прогресса.

Въ книжномъ складѣ при типографіи А. Е. Ландау.

(С.-Петербургъ, Площадь Больш. Театра, 2).

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

- Еврейская бібліотека. Историко-Литературный сборникъ. Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к. Выписывающіе всѣ восемь томовъ отъ издателя платятъ съ пересылкою 16 р.
- Талмудъ. Соч. бібліотекаря британскаго музея. Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 50 к.
- О книгѣ нагала. Соч. И. И. Шершевскаго. Ц. 50 к.
- Евреи и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Д. И. Флиссфедера. Цѣна 1 р. 50 к.
- Мендель Гибборъ. Фейгле Маггидъ. Повѣсти А. Бернштейна. Цѣна 1 р.
- Очерки прошлаго. Л. О. Леванди. Цѣна 1 р.
- Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.
- Евреи въ Россіи. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.
- Записки еврея. Г. И. Богрова. Ц. 3 р.
- Тоже на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 р.
- Еврейскій манускриптъ. Г. И. Богрова. Ц. 1 р. 50 к.
- Подписывающіеся на журналъ „Восходъ“ до 1 марта сего года, со всѣхъ означенныхъ изданій пользуются уступкою 20%.

- Уриель Аноста. Трагедія К. Гудкова. Пер. Петра Вейнберга. Цѣна 75 к.
- О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Соч. проф. Д. Хвольсона. Изд. 2-ое Ц. 1 р. съ пересылкой 1 р. 25 к.
- Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь. Проф. Д. Хвольсона. Ц. 20 к.
- Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей.—Протоіерея В. Протопопова. Ц. 10 к.
- Tragikomisches aus dem Leben. Н. Scharir. Ц. 75 к.
- Сочиненіе О. Л. Рабиновича. Т. I. Цѣна 2 р. 50 к.
- Изнашка сербской войны. Записки К. А. Воронича. Ц. 2 р. 50 к.
- Карманная книжка военно-полевой хирургіи. О. Гейфельдера. Ц. 2 р.
- На встрѣчу. Очерки и стихотворенія Василія Маркова. Ц. 3 р.
- О биржахъ. Л. Н. Нисселовича. Ц. 1 р.
- Кредитъ, банны и денежное обращеніе. И. И. Кауфмана. Цѣна 4 р. 50 к.
- Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пинкуса. Ц. 40 к.
- Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статей и біографіею. Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга..

- Выпускъ I. Гете. Ифигенія въ Тавридѣ.
- ” П. Шекспиръ. Коріолянъ.
- ” III. Мольеръ. Скупой.
- ” IV. Данте. Адъ.
- ” V. Шиллеръ. Пѣсьи о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна.
- ” VI. Шериданъ. Школа злословія.
- ” VII. Софокль. Эдипъ Царь
- ” VIII. Байронъ. Мазепа. Шильонскій узникъ и др.
- Цѣна каждому выпуску. 50 к.
- Выписывающіе пзъ нашего склада за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ЕВРЕИ ВЪ БАРНОВѢ. Очерки и рассказы К. Э. Францоа.
РИЛЬ. Г. В. Гражданское общество.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 10-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ на 1881 г.

	въ Россіи:	за	чужд.
На годъ съ доставкой и пересылкою	10 р.	—	к. 12 р. 3 к.
На полгода	6 ”	—	” 7 ” ”
На три мѣсяца	3 ”	—	” 3 ” 50 ”

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., въ 1-му Марта 3 р. и въ 1-му Юля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р. за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.—При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которая можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

Типографія А. Е. Ландау. С.-Петербургъ. Площ. Большого Театра, 2.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

Фанни Львовна
Турляндъ,
ХАРЬКОВЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~NOV 9 '60 H~~

~~APR 23 '65 H~~

~~583.522~~

CANCELLED

~~5448084~~

JAN 21 '77 H

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
6 JUL 26 1984
8003

